

Эжээг за
ОЖКОТ

ДЖЕННИ ХАН
ШИВАН ВИВИАН

LOVEINBOOKS
ART_OF_TRANSLATION

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группы и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного ознакомления, запрещено.

Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Дженни Хан, Шиван Вивиан

Ожог за ожог

Ожог за ожог — 1

Авторы: Дженни Хан, Шиван Вивиан

Название: Ожог за ожог

Автор перевода: Kiki67

Редактор: Светлана Дорохова

Вычитка: Виктория Коробко

Перевод групп: vk.com/loveinbooks

АННОТАЦИЯ

Островок Джар идеален настолько, что похож на открытку со своими очаровательными туристическими лавками, нетронутыми пляжами и прелестными домиками на берегу океана. А еще тут живут три девушки, каждая из которых тайно вынашивает план мести.

Кэт до тошноты устала от травли со стороны своей бывшей лучшей подруги.

Лилия обнаруживает, что за ее младшей сестренкой, которую она всегда опекала, тайком ухлестывает один из ее приятелей, и собирается положить этому конец.

Мэри без конца преследуют болезненные воспоминания об одном происшествии, случившемся в прошлом, — как и то, что виноватого в этом парня до сих пор не постигла расплата.

По одиночке девушки не могут воплотить свои фантазии о мести в реальность так, чтобы при этом остаться вне подозрений. Но вместе... вместе они способны на все.

Когда они объединятся, больше не будет никаких «как бы мне хотелось сказать...» или «вот если б вернуться назад и сделать все по-другому...» Втроем девушки покажут острову Джар, что месть — это блюдо, которое лучше всего подавать вместе.

МЭРИ

Утренний туман разукрасил все серебром. Прямо как в одном из моих снов с падением в кроличью нору, где я заставаю в облаке и не могу проснуться.

А потом начинает трезвонить сирена, туман рассеивается, и моему взору предстает растянувшийся на горизонте остров Джар. Такой же, как на одной из картин тетушки Бетт.

И в этот миг я осознаю, что сделала это. Я вернулась.

Один из рабочих привязывает толстой веревкой паром к пристани. Другой опускает трап. И из громкоговорителя раздается голос капитана:

— Доброе утро, уважаемые пассажиры. Добро пожаловать на остров Джар. Пожалуйста, не забывайте свои вещи.

Я уже и забыла, как тут красиво. Солнце над водой окрашивает все в ярко-желтоватые цвета. Из окна на меня глядит собственное отражение: светлые глаза, приоткрытые губы, растрепанные светлые волосы. Я уже не тот человек, который покинул это место в седьмом классе. Разумеется, я стала старше, но это не все. Я изменилась. Теперь, глядя на себя, я вижу сильную девушку. Может быть, даже симпатичную.

Интересно, он меня узнает? Часть меня надеется, что нет. Но другая — та, что покинула свою семью и вернулась сюда — надеется, что узнает. Он должен. Иначе в чем смысл?

До меня долетает звук заведенных моторов. Машины на грузовой палубе готовы тронуться в путь. На берегу виднеется длинная цепочка из автомобилей, тянущаяся до входа на стоянку. Они ждут, когда смогут заехать на борт и отправиться обратно на материк. До конца летних каникул осталась еще одна неделя. Я отступаю от окна, разглаживаю ситцевый сарафан и иду к своему месту за вещами. Сиденье рядом с моим пустует. Я сую под него руку и пытаюсь нащупать то, что должно находиться именно там. Его инициалы — Р.Т. Я помню день, когда он вырезал их своим швейцарским армейским ножом. Чисто ради своей прихоти.

Интересно, сильно ли изменился остров? В «Молочном утре» по-прежнему продаются лучшие черничные маффины? В кинотеатре на Главной улице до сих пор зеленые бархатные сиденья? А как разросся куст сирени в нашем дворе?

Так странно ощущать себя туристом, учитывая, что Зейны живут на острове практически целую вечность. Мой прапрапрадед спроектировал и построил тут библиотеку. Одна из маминых тетушек стала первой женщиной, которую избрали членом муниципального совета Миддлбери. Наш семейный участок находится в самом центре кладбища, а некоторые памятники настолько стары и покрыты мхом, что невозможно даже разглядеть, кто под ними похоронен.

Остров Джар состоит из четырех маленьких городков. Томастаун, Миддлбери — откуда я родом, — Уайт-Хейвен и Каноби-Блаффс. В каждом из них есть своя средняя школа, но старшая школа на острове только одна. Летом население увеличивается до нескольких тысяч отпускников. Тех же, кто живет тут круглый год, всего лишь около тысячи.

Моя мама любит говорить, что остров Джар никогда не меняется. Он как отдельная маленькая вселенная. Есть в нем что-то такое, от чего кажется, будто время здесь стоит на месте. Думаю, в этом кроется его очарование, которое каждое лето притягивает сюда людей, а постоянные жители мирятся с неизбежной скукой. Как когда-то и мои родители.

Люди ценят, что на острове Джар нет ни одного сетевого магазина, торгового центра и заведения быстрого питания. Папа говорит, что их строительство запрещено согласно

двумстам отдельным законодательным актам и постановлениям. Поэтому жители покупают овощи на местных рынках, лекарства по рецептам — в аптеках, где всегда можно найти аппарат с газировкой, а пляжное чтиво — в маленьких книжных магазинчиках.

Остров Джар делает особенным еще и то, что это самый *настоящий* остров. Здесь нет мостов или туннелей, соединяющих его с материком. Кроме одной-единственной взлетной полосы, которой пользуются только богатеи с частными самолетами. Все остальные прибывают и отбывают на этом вот пароме.

Собрав вещи, я следую за оставшимися пассажирами на берег. Пристань ведет прямо к информационному центру. Перед ним припаркован старый, сороковых годов, школьный автобус с надписью «Туры по острову Джар», который пытаются отмыть. За зданием центра начинается Главная улица — длинная полоса из сувенирных магазинчиков и лотков с едой. Над всем этим возвышается холм Миддлбери. Мне приходится прикрыть глаза от солнца и потратить несколько секунд на то, чтобы на самой его вершине отыскать высокую красную крышу своего старого дома.

В этом доме выросли мама и тетушка Бетт. В моей спальне, окна которой выходят на океан, когда-то жила тетушка Бетт. Интересно, сейчас она, снова переехав сюда, все так же спит в этой комнате?

Я ее единственная племянница, своих детей у нее нет. Она никогда не знала, как вести себя с детьми, поэтому обращалась со мной как со взрослой. И мне это нравилось. Когда она спрашивала, что я думаю о ее картинах, то всегда выслушивала мой ответ. Но она никогда не была из тех тетушек, которые, устроившись на полу, будут помогать в сборке пазла или готовить с тобой печенье. Да я в этом и не нуждалась. Для этого у меня были мама и папа.

Думаю, будет здорово пожить с тетушкой Бетт теперь, когда я стала старше. Потому что мои родители обращаются со мной как с ребенком. Яркий тому пример: я по-прежнему должна быть дома в десять часов, несмотря на то, что мне уже семнадцать. Но, полагаю, после всего, что произошло, можно понять, почему они так меня опекают.

Дорога до дома занимает больше времени, чем в моих воспоминаниях. Может, потому, что с чемоданами тяжелее идти. Несколько раз я пытаюсь остановить машины, ползущие на холм. Иногда местные добираются домой автостопом. Здесь принято помогать соседям. Обычно мне этого не разрешают, но впервые рядом со мной нет надзирающих родителей. Вот только никто не останавливается. Это очень неприятно, но у меня всегда есть завтрашний день. У меня куча времени, чтобы путешествовать автостопом и делать все, что мне захочется.

Каким-то образом я прохожу мимо своего дома. Приходится вернуться назад. Разросшиеся во дворе кустарники надежно скрывают дом с дороги. И неудивительно. Садоводство всегда было любимым занятием мамы, а не тетушки Бетт.

Протасив чемоданы еще несколько шагов, я упираюсь взглядом в дом. Трехэтажное строение в колониальном стиле обшито серой кедровой черепицей, на окнах висят белые ставни, а двор огорожен стеной из булыжников. На подъездной дорожке припаркован старый тетушкин «вольво» бронзового цвета, который усеян крошечными фиолетовыми цветочками.

Куст сирени. Он стал куда выше, чем я себе представляла. И несмотря на то, что многие из цветочков осыпались, его ветви по-прежнему сгибаются под тяжестью миллиона оставшихся. Я вдыхаю полной грудью.

Как хорошо вернуться домой.

ЛИЛИЯ

Снова наступило это время года — конец августа, всего одна неделя до начала занятий. Пляж забит, но не так, как на День независимости. Я лежу на большом покрывале с Ренни и Алексом. Рив и Пи Джей кидают фризби, а Эшлин и Дерек плавают в океане. Это наша банда. И так было с девятого класса. Сложно поверить, что мы наконец выпускники.

Солнце светит так ярко, что я буквально ощущаю, как мой загар приобретает более золотистый оттенок. Зарываюсь поглубже в песок. Обожаю солнце. Рядом со мной Алекс намазывает плечи солнцезащитным кремом.

— Блин, Алекс, — говорит Ренни, отрывая взгляд от журнала. — Приноси свой крем. Ты использовал половину моего тюбика. В следующий раз будешь зарабатывать себе рак кожи.

— Шутишь?! — возмущается Алекс. — Ты стянула его у меня дома. Подтверди, Лил.

Я приподнимаюсь на локтях и сажусь.

— Ты пропустил вот тут. Повернись.

Присев за ним на колени, я втираю в его плечи солидную порцию крема. Алекс разворачивается и спрашивает:

— Лилия, а что у тебя за духи?

— Почему спрашиваешь? Хочешь одолжить? — со смехом интересуюсь я.

Обожаю подшучивать над Алексом Линдом. Он такой простак.

— Нет, просто любопытно, — смеется он в ответ.

— Это секрет, — шепчу я, хлопая его по спине.

Для девушки очень важно иметь «свой» аромат. Тот, по которому тебя узнают. Так, когда ты идешь по школьному коридору, люди рефлекторно, как собаки Павлова, поворачиваются и смотрят в твою сторону. И каждый раз, когда до них будет долетать аромат этих духов, они будут думать о тебе. Жженый сахар и колокольчики — это запах Лилии.

Я снова опускаюсь на покрывало и переворачиваюсь на живот.

— Пить хочу, — заявляю я. — Линди, не достанешь мне колу?

Алекс наклоняется и начинает рыться в портативном холодильнике.

— Остались только вода и пиво.

Нахмурившись, я смотрю на Рива. В одной руке он держит фризби, а в другой — колу.

— Ри-ив! — ору я. — Это была моя кола!

— Прости, — кричит он в ответ, нисколько не сожалея о содеянном. А потом бросает фризби, и тот по идеальной дуге приземляется рядом с симпатичными девушками на шезлонгах. Уверена, именно туда он и целился.

Я оглядываюсь на прищурившуюся Ренни.

Алекс встает и отряхивает шорты от песка.

— Я принесу тебе другую колу.

— Не напрягайся, — говорю я. Конечно же, не всерьез. Мне правда очень хочется пить.

— Ты еще будешь скучать по мне, когда тебе некому будет принести попить, — ухмыляется он.

Алекс, Рив и Пи Джей собираются порыбачить в открытом море. Они уплывают завтра и вернутся только через неделю. Эти парни всегда ошиваются рядом, мы видимся практически каждый день. Странно будет встречать окончание лета без них.

— Я ни капельки не буду по тебе скучать! — показав ему язык, отвечаю я.

Тогда Алекс подбегает к Риву, и они вместе направляются вдоль пляжа к лотку с хот-догами.

— Спасибо, Линди! — выкрикиваю я. Он так хорошо ко мне относится.

Я оглядываюсь на ухмыляющуюся Ренни.

— Этот парень сделает для тебя что угодно, Лил.

— Прекрати.

— Ответь «да» или «нет». Ты считаешь его привлекательным? Только честно.

Мне даже раздумывать не надо.

— Да, он определенно привлекательный. Только не для меня.

Ренни вбила себе в голову, что мы с Алексом должны стать парочкой, а потом и они с Ривом к нам подтянутся. Тогда мы сможем ходить на двойные свидания и ездить куда-нибудь на выходные. Как будто мои родители когда-нибудь отпустят меня с парнями! Ренни, если хочет, может встречаться с Ривом, но я и Алекс — этому не бывать. Мы не воспринимаем друг друга в этом плане. Мы просто друзья. И точка.

Ренни недовольно смотрит на меня, но на этом, слава богу, все и заканчивается. Она поднимает журнал и спрашивает:

— Как думаешь, мне пойдет такая прическа на бал?

На странице изображена девушка в блестящем серебристом платье. Ее светлые волосы развиваются за спиной, как плащ.

— Рен, бал будет в октябре! — смеюсь, отвечаю я.

— Именно! Всего лишь через полтора месяца. — Она машет журналом перед моим лицом. — Ну так что?

Наверное, она права. Пора бы уже задуматься о платьях. Но я точно не стану покупать свое в одном из бутиков острова, потому что велика вероятность, что какая-нибудь другая девушка появится в точно таком же. Я лучше присматриваюсь к фотографии.

— Миленько. Но не думаю, что на балу будет вентилятор.

Ренни щелкает пальцами.

— Точно! Вентилятор. Отличная идея, Лил.

Я смеюсь. Если Ренни что-то захочет, то обязательно это получит. Никто никогда не говорит «нет» Ренни Хольц.

Пока мы лежим, обсуждая наряды на бал, к нам подходят два парня. Один высокий, со спортивной стрижкой, а другой коренастый и с большими бицепсами. Они оба хорошенькие, хотя тот, что пониже, симпатичнее. Эти парни точно старше нас и точно не ученики старшей школы.

Я сразу радуюсь, что сегодня надела новое черное бикини, а не свое обычное — розовое в белый горох.

— Девушки, у вас не найдется открывалки? — интересуется тот, что повыше.

Я отрицательно качаю головой.

— Попробуйте спросить в киоске.

— Девчонки, а сколько вам лет? — спрашивает у меня тот, что покрепче.

По тому, как Ренни перекидывает волосы на одно плечо и спрашивает «А зачем тебе знать?», я понимаю, что он ей нравится.

— Хочу убедиться, что с вами можно разговаривать, — ухмыляется он, теперь глядя на нее. — На законных основаниях.

Она хихикает, но не как ребенок, наоборот, этот смех делает ее взрослее.

— Мы совершеннолетние. Почти. А сколько вам, парни?

— Двадцать один, — глядя на меня, произносит высокий парень. — Мы учимся на последнем курсе Массачусетского университета и приехали сюда на неделю.

Я поправляю верх от бикини, чтобы он не оголял ничего лишнего. Ренни недавно исполнилось восемнадцать, а мне еще семнадцать.

— Мы снимаем домик на Шор-роуд в Каноби-Блаффс. Почему бы вам как-нибудь не заглянуть к нам? — Качок присаживается рядом с Ренни и говорит: — Дай мне свой номер.

— Сначала попроси как следует, — кокетливо отвечает та. — И тогда, может быть, я подумаю над твоей просьбой.

Высокий парень присаживается на край покрывала, рядом со мной.

— Меня зовут Майк.

— Лилия, — отвечаю я. Но тут через его плечо вижу возвращающихся ребят. Алекс несет в руках колу для меня. Они смотрят на нас, вероятно, интересуясь, что это за парни. Наши друзья иногда чересчур нас опекают, особенно когда дело касается чужаков.

Алекс хмурится и что-то говорит Риву. Ренни тоже их замечает и начинает громко хихикать, снова перекидывая волосы через плечо.

— Те ребята — ваши парни? — спрашивает у меня Майк.

— Нет, — отвечаю я.

Он смотрит на меня так пристально, что я краснею.

— Это хорошо, — улыбается он.

Какая у него милая улыбка!

КЭТ

Наступила идеальная летняя ночь. Одна из тех, когда на небе сияют звезды и тебе не нужна толстовка, даже если ты находишься вблизи воды. И это хорошо, ведь свою я оставила дома. Я отключилась сразу же, как только пришла домой с работы, и проспала весь ужин. А когда открыла глаза, то уже едва не опаздывала на паром до материка. Поэтому побросала валяющуюся на полу одежду в сумку, попрощалась с папой и бегом отправилась из Томастауна в порт Миддлбери. Знаю, я что-нибудь да забыла, но Ким разрешит мне покопаться в своем шкафу, так что это не беда.

Главная улица забита до отказа. В этот час едва ли работает хоть один магазин, но это неважно. Туристы бесцельно слоняются по улицам, останавливаясь возле витрин, чтобы разглядеть в них фирменные толстовки острова Джар ужасного качества и кепки.

Ненавижу август.

Ворча, я проталкиваюсь мимо людей и направляюсь в «Джава Джонс». Если я хочу дожить до выступления «Паппи Чао», то мне нужен кофеин.

«Паппи Чао» играют в музыкальном магазине, где работает Ким. Он называется «Магазинчик Пола» и находится на материке. К магазину примыкает гараж, в котором проводятся выступления различных групп. И если мне хочется послушать какую-нибудь из них, Ким разрешает переночевать в своей квартире. Она живет прямо над магазином. Обычно группы останавливаются там же. И это круто. На обложке своего альбома солист «Паппи Чао» выглядит очень сексуально. Конечно, не так, как барабанщик, но Ким говорит, что с ними всегда много проблем.

Перескакивая через две ступеньки, я поднимаюсь в «Джава Джонс». Но, как только собираюсь толкнуть дверь, один из работников ее запирает.

Я стучу по стеклу.

— Знаю, вы закрываетесь, но не могли бы вы сделать мне тройной эспрессо навынос?

Игнорируя меня, работник развязывает фартук и выключает неоновую вывеску. За окном становится темно.

Скорее всего, сейчас я выгляжу как одна из богатеньких туристок на острове, которые думают, что рабочие часы их никоим образом не касаются. В гавани мне каждый день приходится иметь дело с подобными снобами. Поэтому я отбрасываю недокуренную сигарету на тротуар, засовываю руки глубже в карманы — так, что шорты на бедрах опускаются ниже, и отчаянно кричу:

— Пожалуйста! Я местная!

Он поворачивается и смотрит на меня, как будто я самая большая заноза в заднице. Но потом выражение его лица смягчается.

— Кэт Дебрассио?

— Да, — подозрительно глядя на него, отвечаю я. Он выглядит знакомым, но я не могу его вспомнить.

Парень отпирает замок и открывает дверь.

— Я гонял на байках с твоим братом, — говорит он, придерживая дверь. — Осторожно. Пол мокрый. Передавай от меня привет Пэту.

Я киваю и на цыпочках прохожу в своих мотоциклетных ботинках мимо еще одного работника, который возит по полу шваброй. Кладу сумку на стойку и жду свой кофе. И тогда-то я замечаю, что в «Джава Джонс» не совсем пусто. Остался последний посетитель.

За одним из черных столов, склонившись над маленькой записной книжкой, сидит Алекс Линд. Наверное, это его дневник. Я уже несколько раз замечала, как он что-то в нем записывает, когда думает, что его никто не видит. Он никогда его мне не показывал. Очевидно, боится, что я буду смеяться над его содержимым.

Так оно и есть. Да и то, что мы тусовались вместе несколько недель, не делает нас друзьями.

Не стану отрывать его от занятия. Просто дождусь кофе и уйду. Но неожиданно его карандаш застывает на середине страницы. Алекс прикусывает нижнюю губу и в задумчивости закрывает глаза. Сейчас он очень похож на маленького ребенка, сосредоточившегося на своих ночных молитвах, — такой же милый и ранимый.

Я буду скучать по этому парню.

Быстро пригладив пальцами челку, я выкрикиваю:

— Привет, Линд.

Вздрагнув, Алекс открывает глаза, а потом быстро засовывает записную книжку в задний карман и подходит ко мне.

— Привет, Кэт. Какими судьбами?

— Иду к Ким на выступление одной группы. Помнишь, я тебе об этом говорила? — закатив глаза, отвечаю я.

Всего пять часов назад я рассказывала ему о своих планах, когда он заезжал в гавань, чтобы пообедать со мной.

Мы познакомились с ним в июне в яхт-клубе. Конечно, я и до этого знала, кто такой Алекс. Все-таки старшая школа не такая уж и большая. Но мы никогда не разговаривали друг с другом. Ну, может, раз или два на уроках искусства в прошлом году. Мы вращались в разных кругах.

Однажды в гавани на новом скоростном катере появился Алекс. А пытаюсь выехать, застрял. Тогда я отодвинула его от штурвала и преподала небольшой урок вождения. Алекса впечатлило то, как я управляюсь с его катером. Несколько раз на крутых виражах он хватался за борта. Это было так мило.

И сегодня я надеялась, что он побудет со мной до конца смены, чтобы работа не казалась такой скучной. Ну, еще и потому, что я знала: завтра он отправляется на рыбалку. Но Алекс ушел на пляж, на встречу со своими друзьями. Своими настоящими друзьями.

— Ах да, — кивает Алекс. — Точно. — А потом наклоняется вперед и кладет локти на прилавок. — Передай Ким, что я очень благодарен ей за то, что она разрешила мне переночевать.

В июле я брала Алекса с собой на выступление «Ничьей армии». До этого он никогда о них не слышал, но теперь это его любимая группа. Тогда я была смущена, потому что Алекс нарядился в фирменную тенниску нашего местного гольф-клуба, шорты карго и шлепки. Как только мы вошли, Ким вопросительно посмотрела на меня, потому что одет он был явно неподходяще. После Алекс купил футболку с изображением группы и сразу же надел ее. Только придурки надевают на концерт футболки с изображением группы, которую собираются слушать. Но это все же лучше, чем тенниска. И Алекс хорошо вписался в окружение. Во время выступления он вместе со всеми качал головой в такт музыке. И был крайне обходителен в квартире Ким. Прежде чем залезть в свой спальный мешок, он собрал все пустые пивные бутылки и вынес их в мусорный бак на улице.

— Хочешь со мной? Билеты уже распроданы, но я тебя проведу.

— Не могу, — отвечает он с тяжелым вздохом. — Дядя Тим хочет отплыть на рассвете.

Дядя Алекса, Тим, — лысеющий холостяк. У него нет ни семьи, ни каких-либо обязательств, поэтому все деньги он спускает на игрушки. Например, на новую яхту, на которой они с Алексом и его друзьями собираются на чисто мужскую рыбалку в открытое море.

Я пожимаю плечами.

— Ну и ладно. Думаю, на этот раз мы уж точно прощаемся. — С этими словами я прикладываю руку к голове, как солдат, отдающий честь офицеру. — Хорошего плавания, — язвительно говорю я. Мне не хочется, чтобы он уезжал. Без заглядывающего ко мне на работу Алекса эта неделя будет просто отстойной.

— Я могу подбросить тебя до парома, — выпрямляясь, отвечает он.

— Не переживай, сама доберусь.

Я начинаю двигаться на выход, но тут он хватает мою сумку за лямку и стягивает ее с плеча.

— Но я хочу, Кэт.

— Ладно. Как пожелаешь.

По дороге в порт Алекс искоса наблюдает за мной. Не знаю, почему, но это вызывает у меня странные чувства. Я поворачиваюсь к окну, пряча от него лицо, и спрашиваю:

— Ты чего?

— Не могу поверить, что лето подходит к концу, — тяжело вздыхая, отвечает он. — Не знаю. У меня такое ощущение, что я провел его впустую.

— Может, так оно и есть. Ты провел его впустую со своими друзьями-неудачниками вместо того, чтобы тусоваться со мной, — вырывается у меня. Ненавижу себя за то, что мои слова звучат так, будто мне не все равно.

Обычно Алекс защищает своих друзей, когда я их высмеиваю, но в этот раз он молчит.

Остаток пути я думаю о том, что произойдет, когда начнется учеба. Останемся ли мы с Алексом друзьями? Да, летом мы много времени проводили вместе, но я не уверена, что хочу общаться с ним в школе. У всех на виду.

Я и Алекс... лучше оставить все как есть. Только я и он.

Алекс заезжает на стоянку возле парома. Пока он еще не припарковался, я мгновенно принимаю решение и говорю:

— Если хочешь, я могу не ехать на выступление.

Все-таки я не великая фанатка «Паппи Чао». К тому же они наверняка еще будут выступать. А мы с Алексом? Это может быть конец. Наша последняя ночь. И на подсознательном уровне я понимаю, что мы оба об этом знаем.

— Серьезно? Ты останешься со мной? — озаряется Алекс.

Я открываю окно и, чтобы спрятать улыбку, прикуриваю сигарету.

— Да, почему бы и нет? Хочу собственными глазами увидеть яхту Богатенького Ричи.

Туда-то Алекс нас и везет. Мы паркуемся возле особняка Тима. Именно тут она пришвартована. По дороге к ней я вслух насмехаюсь над тем, какая же она безвкусная. А сама про себя думаю: «Твою мать! Эта яхта больше, чем мой гребаный дом». Это точно самая красивая лодка из всех, что я видела. Красивее любой яхты в гавани.

Алекс взбирается на борт первым, а я — следом за ним. Он проводит мне небольшую экскурсию. Внутри яхта оказывается еще роскошнее. Итальянский мрамор и около сотни телевизоров с плоским экраном, винный погреб с напитками из Италии, Франции и Южной

Африки.

На ум приходит образ Ренни. Она бы влюбилась в это место.

Я быстренько выкидываю ее из головы. Вообще я редко вспоминаю о ней, но мне не нравится, что это в принципе случается.

Когда я пытаюсь разобраться со стерио, ко мне сзади подходит Алекс. Очень близко. И перекидывает мои волосы на одно плечо.

— Кэт?

Я замираю. Губы Алекса касаются моей шеи. Он берет меня за бедра и притягивает к себе.

Он не в моем вкусе. Даже близко.

Вот почему это так волнующе. Как только я поворачиваю голову, мы начинаем целоваться. И неожиданно мне приходит понимание, что это то, чего я ждала все лето.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИЛИЯ

Я сижу на столешнице в ванной и пытаюсь вспомнить, как визажист в «Сакс» советовала мне подводить азиатские глаза. Только... у меня путаются мысли.

Кажется, она рекомендовала выводить совсем небольшие кончики стрелок. Сначала я рисую правый глаз. Вроде нормально. Когда заканчиваю второй, в дверь громко колотит моя младшая сестра Надя, и я от неожиданности подпрыгиваю.

— Лил! Мне нужно принять душ! — кричит она. — Ну-у же, Лил!

Взяв расческу, я тянусь и открываю дверь. Надя забегают внутрь и включает воду. В растянутой футболке, со спутанными сзади блестящими черными волосами садится на край ванны и наблюдает за тем, как я причесываюсь.

— Ты сегодня такая хорошенькая, — говорит она хриплым со сна голосом.

Разве? По-моему, выгляжу как всегда.

Я продолжаю расчесываться. Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Готово. Каждое утро я провожу расческой по волосам ровно двадцать пять раз. Эта традиция у меня с раннего детства.

Сегодня будет самый обычный день.

— Но я думала, что нельзя надевать белое после Дня труда¹, — добавляет Надя.

Я опускаю взгляд на свой новый белый кашемировый свитер, такой мягкий и уютный. Под него я надела белые короткие шорты.

— Никто больше не следует этой традиции, — отвечаю я, спрыгивая со столешницы. — К тому же это зимний вариант. — Я шлепаю ее расческой по попе. — Давай живо принимай душ.

— Я успею завить волосы до приезда Ренни? — спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я, закрывая за собой дверь. — У тебя всего пять минут.

Вернувшись в свою комнату, я на автопилоте начинаю собирать школьную коричневую сумку. Новая ручка и кожаный ежедневник, который подарила мне мама на новый учебный год. Леденцы. Вишневый блеск для губ. Ничего не забыла? Вроде нет. Хватаю белые эспадрильи и спускаюсь по лестнице.

На кухне сидит мама в халате и пьет эспрессо. Папа подарил ей на Рождество одну из этих навороченных кофе-машин, и она взяла за правило пользоваться ей как минимум раз в неделю, даже несмотря на то, что сама предпочитает чай, а папа слишком редко бывает дома, чтобы видеть ее за этим занятием. Он врач, занимается исследованиями. Сколько я себя помню, он всегда работал над каким-то новым лекарством от рака. Большую часть месяца он проводит в лаборатории в Бостоне. И его постоянно посылают в разные страны для презентации результатов своих исследований. Этим летом его фото даже напечатали на обложке одного научного журнала. Забыла его название.

— Сядь и поешь перед уходом, Лили. Это твои любимые, сладкие, — говорит мама, показывая на тарелку с маффинами.

— Ренни приедет в любую минуту, — отказываюсь я. Но, увидев разочарование на ее лице, беру маффин и заворачиваю его в салфетку. — Съем его в машине.

— Не могу поверить, что ты уже выпускница, — говорит она, глядя меня по волосам.

— Всего год, и ты уедешь в колледж. Моя маленькая девочка стала взрослой.

Я отвожу взгляд. Так и есть, теперь я взрослая.

— По крайней мере, у меня осталась еще одна малышка. Нади собирается?

Я киваю.

— Теперь, когда вы учитесь в одной школе, ты должна за ней присматривать. Ты же знаешь, как она тобой восхищается, Лили.

Мама крепко сжимает мою руку, а я тяжело сглатываю. Я должна лучше присматривать за своей сестрой. А не так, как в субботу вечером, когда бросила ее на вечеринке у Алекса. Да, она была со своими друзьями, но это ничего не меняет.

Мне следовало остаться.

Снаружи раздается автомобильный гудок, и я встаю.

— Надя! — кричу я. — Ренни уже здесь!

— Минуточку! — орет Надя в ответ.

Я обнимаю маму и направляюсь к двери, ведущей в гараж.

— Возьми маффин и для Ренни, — кричит она в закрытую за мной дверь.

Ренни все равно не станет его есть. В начале каждого сезона, когда начинаются тренировки группы поддержки, она старается избегать углеводов. Держится где-то с месяц, а потом срывается.

В гараже я натягиваю на ноги эспадрильи и по подъездной дорожке направляюсь к джипу Ренни.

— Надя уже идет, — заверяю я, забираясь в салон.

Ренни наклоняется и обнимает меня. «Обними ее в ответ», — приказываю я самой себе, а потом так и делаю.

— Твоя кожа потрясно смотрится в белом, — произносит она, окидывая меня взглядом. — Как бы мне хотелось быть такой же смуглой.

Сегодня Ренни одета в облегающие джинсы и еще более облегающий кружевной топ с кофточкой телесного цвета под ней — настолько тонкой, что видна грудь. Не думаю, что она надела лифчик. Но ей это и не нужно. У нее спортивная фигура.

— Ты тоже смуглая, — говорю я, пристегиваясь.

— Это все бронзер, детка. — Она надевает очки. — Знаешь, что я придумала для следующей вечеринки? Мне это приснилось вчера ночью. Тема будет такая... Готова услышать? «Ревущие двадцатые»! Девчонки могут нарядиться в платья с бахромой, украсить шеи длинными бусами, а головы — шляпками с перьями. Парни могут надеть костюмы фасона «зут» и фетровые шляпы. Круто, правда?

— Не знаю, — отвечаю я, уткнувшись в окно. Ренни так быстро и много говорит, что у меня гудит голова. — Парням это может не понравиться. Где они, по-твоему, найдут все это на острове?

— Эй, для этого же есть интернет! — восклицает Ренни, стуча пальцами по рулю. — Ну где там Надя? Я хочу приехать пораньше, чтобы забить себе парковочное место на весь год. — С этими словами она жмет на гудок — один раз, затем второй.

— Прекрати, — отдергиваю ее. — Ты разбудишь соседей.

— Я тебя умоляю. Ближайший дом находится в полумиле отсюда.

В этот момент открывается входная дверь, и по ступенькам сбегает Надя. Она кажется такой крошечной на фоне нашего огромного белого дома. Он отличается ото всех остальных домов на острове — в нем преобладают современные линии и много стекла. Его помогала

проектировать моя мама. Сначала это был наш летний домик, а потом, перед моим первым годом в старшей школе, мы навсегда переехали на остров Джар. Я умоляла родителей об этом, чтобы жить рядом с Ренни и другими друзьями.

У входной двери мама машет мне рукой, и я машу ей в ответ.

— Так ты «за» или «против» вечеринки в стиле Гэтсби? — спрашивает у меня Ренни.

Честно говоря, мне все равно, но я знаю, что мой ответ очень важен для нее — вот почему мне хочется сказать «против».

Но не успеваю я вымолвить и слово, как возле машины появляется Надя с мокрыми после душа волосами. На ней новые джинсы и черный топ, который мы купили, когда в июле втроем ходили по магазинам. Кажется, что это было целую вечность назад.

Сестра забирается на заднее сиденье.

— Нади, почему ты не высушила волосы? — отчитываю я, повернувшись к ней. — Ты же знаешь, что можешь простыть.

— Я боялась, что вы уедете без меня, — тяжело дыша, отвечает она.

— Мы бы тебя не оставили! — восклицает Ренни, выворачивая руль. — Мы же твои старшие сестры. Мы всегда будем присматривать за тобой, конфетка.

Мне так и хочется бросить в ответ какую-то колкость, но вместо этого я просто тяжело сглатываю. Если я открою рот, то отношения между нами уже никогда не будут прежними. Все станет даже хуже, чем сейчас.

Мы объезжаем дорожное кольцо возле дома и спускаемся на проезжую часть.

— Тренировка группы поддержки в четыре, — напоминает мне Ренни, пританцовывая под музыку. — Не опаздывай. Нам нужно заценить «свежее мясо». Посмотреть, с чем нам придется работать. Ты не забыла взять видеокамеру, чтобы мы записали их выступления?

Я открываю сумку и проверяю, хотя и так знаю, что ее там нет.

— Забыла.

— Лил! Я же хотела вечером посмотреть в записи, на что они способны. — Ренни тяжело вздыхает, как будто разочаровалась во мне.

Я пожимаю плечами.

— Мы справимся.

Разве не этим мы сейчас занимаемся? Справляемся? Вот только у Ренни это выходит гораздо лучше, чем у меня.

— Нади, а кто самая красивая из твоих подруг? — интересуется Ренни.

— Патриция, — отвечает Надя.

Ренни сворачивает влево, и мы проезжаем мимо небольших коттеджей для сдачи в аренду, которые очень популярны в Каноби-Блаффс. Мое внимание привлекает один из них. Сейчас, когда там никого нет, комендант запирает его до начала нового сезона. Похоже, это отец Рива. Он закрывает на засов ставни на окнах первого этажа, но пока еще не добрался до хозяйской спальни. В ней они до сих пор распахнуты.

Я отворачиваюсь и краем глаза гляжу на Ренни. Просто чтобы узнать, обратила ли она на это внимание. Но с ее стороны ноль реакции: никакого узнавания, никакой тревоги. Ничего.

— Нади, ты гораздо красивее Патриции. К твоему сведению, я отбираю только самые сливки для футбольной команды, — говорит Ренни. — Если тебе хочется за кого-то поболеть, дай мне знать, и я все устрою.

— Алекс. Можно меня закрепить за Алексом? — тут же отвечает Надя.

— Ох, тебе лучше спросить об этом у своей сестры, — вздыхает Ренни. — Это ее хахаль.

— Ренни, успокойся. — Мой голос звучит резче, чем мне того хотелось. Ренни смотрит на Надю в зеркало заднего вида и корчит рожицу. Я делаю глубокий вдох. — Надя, за Алексом стоит целая очередь девчонок со всей школы. Мы не можем просто взять и предпочесть им тебя. Как это будет выглядеть? Кроме того, ты еще не прошла конкурс и пока даже не в команде.

— Лил права, — кивает Ренни. — Да, номинально ты уже в команде, но мы должны относиться к тебе так же, как и ко всем остальным. Даже несмотря на то, что ты особенная. — В ответ на это Надя, как щенок, ерзает на своем месте. — И не забудь сказать своим подругам, что если они опоздают хотя бы на минуту, то отправятся домой. Никаких исключений. Как капитан я устанавливаю правила на этот сезон.

— Поняла, — заверяет Надя.

— Молодец. Будешь нашей новой звездочкой.

— Ей еще нужно поработать над обратным сальто. Оно никуда не годится, — невольно вырывается у меня.

В салоне становится очень тихо.

Я опускаю козырек и смотрю на Надю. Уголки ее губ опущены, а в темных глазах застыла боль.

Зачем я это сказала?

Я ведь знаю, как отчаянно она хочет попасть в команду. Мы тренировались все лето: сальто назад, кувырки, все наши движения и фигуры. Я сказала Наде, что когда Ренни окончит школу, то именно она будет стоять на вершине пирамиды. Сказала, что она запросто вольется в школьную жизнь. Так же как и ее старшая сестра.

Но теперь я даже не уверена, что хочу, чтобы она походила на меня или Ренни. Не после всего, что случилось.

КЭТ

Я перелезаю через сеточный забор, огораживающий парковку старшей школы острова Джар. Внедорожник Алекса, вымытый и отполированный для первого учебного дня, стоит возле футбольного поля. Я пытаюсь не обращать внимания на то, что мое сердце стучит как сумасшедшее, отчего кровь приливает к груди, горлу и ушам.

* * *

В субботу был мой восемнадцатый день рождения. Мы втроем — я, мой брат Пэт и папа — весь вечер на кухне пили шоты с виски и ели замороженный шоколадный торт, который Дебрассио старший купил в супермаркете.

— О, Джуди, — говорил папа после каждой стопки, как будто мама сидела за столом и опрокидывала их вместе с нами, — посмотри на нашу малышку.

— Теперь я женщина, — поправила я его.

— Да еще какая! — добавил он, пододвигая шот за следующей порцией выпивки.

— Фу, пап. Это отвратительно, — скривился Пэт и налил нам по новой.

В тот день Алекс должен был вернуться домой, но я не знала, во сколько. Как и то, позвонит ли он мне. Мне не хотелось об этом думать. Я и так слишком часто размышляла о нем.

Пока Алекса не было, я то и дело прокручивала в голове все, что произошло между нами той ночью. В отличие от музыкантов, которых я встречала у Ким, с Алексом мне не нужно было переживать о том, как далеко у нас все пойдет. Но то, как он взял инициативу в свои руки, было невероятно страстно. Он и я — вместе. Это запретная связь. Мы не должны были подружиться, не говоря уже о поцелуях на многомиллионной яхте его дяди.

Я точно знала, что Ренни много чего выскажет Алексу, если узнает, что мы встречались. Уверена, что и мне досталось бы от нее, Рива и остальных. Конечно, в ту минуту мы об этом не думали. Но в конце концов осознание ситуации должно было его настигнуть, точно как меня.

А потом он прислал мне сообщение:

«У меня дома вечеринка по случаю нашего возвращения. Приходи, если не занята».

Я отодвинулась на стуле.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Пэт.

Но я едва его слышала. В тот миг я думала о своем черном кружевном топе и коротких шортах. А потом мне пришло в голову, что его родители тоже могут быть там. Наверное, лучше надеть что-то более сдержанное.

Я придвинула стул обратно к столу. Чему тут радоваться? Мы всего-то провели одну ночь вместе. Нужно притормозить.

Поэтому я выключила телефон и попросила брата налить мне еще одну стопку.

К часу ночи я уже была в стельку. Отец ушел спать, а Пэт вырубился на полу в гостиной. В заднюю дверь начал скрестись наш пес Шеп, так что я взяла поводок и вывела его на прогулку.

И конечно же, притащилась к дому Алекса. Хотя Уайт-Хейвен находился в добрых

шести милях от Томастауна.

Там точно проходила вечеринка, но она давно закончилась. Вся дорожка на задний двор была усыпана пластиковыми стаканчиками и прочим мусором. Играла музыка — какой-то клубный шлак, который постоянно крутят по радио, — но громкость стояла на минимуме. Освещение возле бассейна было выключено. Повсюду валялась еда: миски с чипсами, тарелки с недоеденными гамбургерами, заветрившееся гуакамоле, стаканы с бумажными зонтиками, наполненные растаявшим розовым пойлом. Помимо этого, двор декорировали рыболовные сети, бамбуковые факелы и раковины моллюсков. На заборе висела помятая капитанская фуражка. Тут я услышала, как Шеп жует что-то, найденное на земле, и мне пришлось вытаскивать это у него из пасти — оказалось, пластиковую пиратскую повязку на глаз.

Я подошла к домику у бассейна, где живет Алекс, и заглянула в окно, чтобы узнать, не спит ли он.

Но он спал на кровати, лежа на боку поверх простыней. Кое-где его медные пряди посветлели и стали песочного цвета. Кожа была загорелой. Загорелой и в веснушках.

Алекс выглядел так мило, что только через секунду я заметила маленькое, укутавшееся в простыни тело рядом с ним.

* * *

По дороге в школу я прохожу мимо фонтана, возле которого стоит Алекс со своими друзьями. В честь первого учебного дня Ренни и Лилия нарядились как в каком-то сопливом фильме. Лилия сосет леденец. У этой паиньки серьезная оральная зависимость. Ну а Ренни... даже то, как она стоит на каблуках, выставив бедро и заведя руку за спину, чтобы выпятить свою жалкая маленькая грудь, говорит о том, что теперь она, став выпускницей, готова блистать. Она явно ждала этого мгновения всю свою гребаную жизнь.

Алекс поворачивает голову, и мы встречаемся взглядами. На секунду мне кажется, что он сделает вид, будто не видит меня. Мне такой вариант подошел бы. Но этого не происходит, и Алекс с улыбкой подходит ко мне.

— Привет, — говорит он. — С днем рождения, Кэт.

Его слова застают меня врасплох. Он помнит. И отпраздновал сие знаменательное событие в постели с другой девушкой. Понятия не имею, кто она такая. Да это и не важно.

— Прости, я не смогла прийти на твою вечеринку. Хорошо провел время? — спрашиваю я, стараясь не показывать, что ревную его к девушке, с которой он спал вместо меня.

— Не особо, — пожимает плечами Алекс. — Я даже не знал, что намечается вечеринка. Это все Ренни. Ей просто нужен был повод для веселья.

Ренни? Так за этой вечеринкой стояла Ренни? Тогда все понятно. Все эти аляповатые декорации и прочая чушь. Она ведь не могла пригласить всю школу в двухкомнатную квартирку своей мамы.

— Судя по всему, Ренни подослала Лилию спросить у моей мамы, не будет ли та против вечеринки в нашем доме, — продолжает Алекс. — И вдобавок привлекла моего отца к жарке стейков на гриле. Притащилась куча народу, и все в костюмах. Папа напялил костюм для дайвинга. Ты же знаешь, как хорошо Ренни ладит с родителями. — Алекс уныло качает головой. — Она жутко разозлилась, когда я отказался надевать капитанскую фуражку.

— Погоди, — говорю я. — Так вы все были в костюмах?

— Ага. Ренни была русалкой.

Я крепко стискиваю зубы. Кто бы сомневался. «Русалочка» — единственное, во что хотела играть Ренни в бассейне у Лилии, когда мы были детьми.

— Наверное, было весело, — язвлю я, а потом пытаюсь обойти его.

— Как я уже сказал, *не особо*. — Алекс встает у меня на пути и тихо произносит: — Подожди. Ты злишься на меня? Но ты ведь получила мое сообщение?

— Зачем приглашать меня на вечеринку Ренни? — глядя ему прямо в глаза, огрызаюсь я.

Он же знает нашу историю. Все знают. Мне хочется задать еще один вопрос — о девушке в его постели, но меня отвлекает то, что я вижу поверх его плеча.

За нами наблюдает Ренни.

— Але-екс! — мелодичным голосом зовет она. — Ты не мог бы на секундочку подойти сюда?

— Алекс занят. И прерывать чужой разговор — *неве-ежливо!* — так же мелодично отвечаю я.

Ренни вздыхает, а потом хватает Лилию за руку и стягивает ее с фонтана, на котором та сидит.

— Пошевеливайся, Алекс. Нам нужно с тобой поговорить.

Но Лилия вырывает из ее хватки свою руку.

Алекс раздраженно бросает на них взгляд через плечо и говорит мне:

— Ничего, если я позвоню тебе чуть позже?

— Как хочешь, — отмахиваюсь я от него, потому что не хочу разбираться с ним у всех на виду.

— Я позвоню тебе после футбольной тренировки, — обещает он, пятясь от меня задом.

Я слышу, как Ренни говорит ему:

— О чем ты вообще с ней разговаривал? Хочешь нанять ее, чтобы она убиралась на яхте твоего дяди?

Алекс открывает рот, чтобы сказать «нет», но Ренни не дает ему вставить и слова.

— Нужно быть осторожнее, Линди. Нельзя пускать на лодку кого попало. А что, если она что-нибудь стащит?

Я чувствую, как каменеет все мое тело. Это Ренни любила подворовывать в магазинах. В основном, косметику — из аптеки, но иногда могла умыкнуть рубашку или браслет из какого-нибудь магазина на Главной улице. А я обычно стояла на стреме.

За прошедшие годы Ренни распространила обо мне сотню слухов: о том, что мой отец — наркодилер и привлекает моего брата Пэта к семейному бизнесу, о том, что я пыталась поцеловать ее, когда она у меня ночевала. А еще о том, что она подумывала получить судебный запрет, потому что я преследовала ее, когда мы перестали дружить. Вся эта ложь только для того, чтобы она могла рассказать что-то интересное. Я даже не пыталась оправдываться. Невероятно, какая же она лгунья! На самом деле, Ренни сама верит во всю эту чушь. Одним словом, не важно, что я скажу. Люди верят в то, во что хотят верить.

Вот только сейчас я по какой-то причине не хочу, чтобы Алекс считал меня отвратительной нищенкой.

Через его плечо Ренни довольно машет мне рукой.

Не успев даже осознать, что делаю, я бегу вслед за ними. А когда догоняю, выставляю

вперед левое плечо и со всей силы врезаюсь в Ренни.

МЭРИ

Утром я проснулась с ощущением порхающих бабочек в животе. Целого легиона. Вот и наступил день, которого я так ждала.

Проехав Миддлбери, я выруливаю на велосипедную дорожку вдоль кромки воды. В этом месте берег становится каменистым и начинается Каноби-Блаффс. Возле самого острого утеса дорожка сворачивает в лес. Благодаря растущим соснам здесь прохладно. И мне нравится тихий звук скольжения моих шин по песку.

Когда мне нужно было уходить, тетушка Бетт еще спала, но, к счастью, в гараже нашелся мой старенький желтый велосипед, да еще и в прекрасном состоянии. Даже непыльный.

Интересно, что произойдет, когда все разойдутся и мы останемся наедине.

Я могла бы спокойным и ровным голосом сказать: «Привет, Рив».

А потом: «Не думал, что снова меня увидишь?»

Варианты развития событий крутятся в моей голове быстрее, чем педали. Я даже не думаю, что же он скажет мне в ответ. Это не имеет значения. Я просто приеду, а там будь что будет.

Велосипедная дорожка заканчивается позади старшей школы острова Джар. Я торможу. Школа располагается прямо за футбольным полем. Меня поражает, насколько она огромная.

Как-то в детстве мы с родителями приходили сюда смотреть музыкальную постановку «Таинственного сада», которую показывали в актовом зале. Тогда мне казалось, что зал — единственное, что тут есть, но теперь я вижу, что он представляет собой лишь отдельное от школы строение. Помимо него, еще есть здания спортзала и бассейна. Повсюду, как муравьи, снуют дети. Сотни разных лиц. Я надеюсь, что увижу хоть одно знакомое, но все они кажутся чужими.

Я слеую за потоком учащихся по асфальтированной дорожке, пока та не выводит меня к большому центральному двору. Несколько парней кидают фризби на лужайке. Я замечаю ряд скамеек, пару-тройку деревьев и в центре всего этого большой бурлящий фонтан, от которого в голубое небо разлетается множество брызг.

Где-то здесь среди них Рив. Я это знаю. Чувствую.

Я приглаживаю волосы и медленно осматриваюсь по сторонам.

Девушка с развевающимися темными волосами, в коротких шортах, черном топе и обрезанной черной толстовке несется в сторону кудрявой шатенки ростом поменьше, а потом врзается в нее. Удар такой силы, что даже я слышу его со своего места.

Та девушка, что поменьше, спотыкается на своих высоких каблуках и, истошно вопя, едва не падает в фонтан. Теперь я ее узнала. Много лет назад мы как-то встречались. Может, в воскресной школе, дневном лагере или где-то еще.

— Это ты страдала kleptomанией, Ренни! — восклицает та, что в коротких шортах. — Я ни разу в жизни ничего не украла!

Ренни. Точно. Так зовут невысокую девушку. В третьем классе мы вместе ходили на плавание. Другая девушка встает перед Ренни. Парень с рыжеватыми волосами пытается оттащить ее, но она его отпихивает.

— И если я еще раз услышу, что ты распускаешь обо мне сплетни, я тебя убью!

Она говорит это так серьезно, что у меня кожа покрывается мурашками.

Люди со всего двора останавливаются поглазеть на эту сцену, они напоминают мне чаек, нарезающих круги над пляжным мусором. Все это вызывает у меня чувство беспомощности и тошноты. Но остальные наслаждаются происходящим. Все, за исключением рыжеволосого парня.

Ренни вытягивается в струнку.

— Хм... Ты *убьешь* меня? Серьезно? — смеется она. — Хорошо, больше никакой лжи, Кэт. Буду с тобой откровенна. Помнишь, как в девятом классе ты пришла ко мне и умоляла снова с тобой дружить? — Улыбка на лице другой девушки, Кэт, гаснет. — Ты плакала и пыталась меня обнять. К твоему сведению, все то время я думала лишь о том, как у тебя ужасно воняет изо рта. Как у тебя всегда ужасно воняет изо рта, даже после того как ты почишь зубы. И когда ты ушла, я вздохнула с облегчением, потому что знала, что мне больше не придется снова нюхать этот отвратительный запах.

У Кэт кривятся губы. Она хочет что-то сказать, но не может. Я вижу это по ее лицу, в ее глазах. Она начинает кашлять, и сначала мне кажется, что она пытается сдержать слезы. Но потом Кэт слегка запрокидывает голову и плюет Ренни в лицо.

Все единодушно фукают.

— Господи, Кэт, — произносит какой-то парень.

— О боже! — вопит Ренни, яростно вытирая лицо. — Какая же ты *дрянь*, Кэт! — Она смотрит по сторонам и густо краснеет. — О боже, — снова произносит она, уже шепотом.

Кэт разворачивается и уходит. Проходя мимо, она смотрит на меня сверкающими от гнева глазами. От ее взгляда у меня перехватывает дыхание.

Я чувствую себя потерянной, не зная, куда податься. Неужели такова жизнь в старшей школе острова Джар? Потому что если это так, то я не протяну тут и дня.

К Ренни подходит хорошенькая азиатка и протягивает ей салфетку, но та отказывается ее брать. Вместо этого она припадает к высокому шатену, который обнимает ее и предлагает вытереть лицо рукавом своей футболки.

— Иди сюда, детка. — Доносится до меня его голос. — Разборки в первый же учебный день! Рен, ты же выше этого. Не позволяй Дебрассио утянуть тебя за собой на дно... Но должен признаться, это было горячо. — Парень запрокидывает голову и громко хохочет. Судя по всему, он долго сдерживался.

Но я не слышу его смеха. Не слышу ничего. Только гул в ушах. Все остальное застыло в безмолвии. Потому что это он. Прямо передо мной, после стольких лет. Рив Табатски.

Я бы узнала его где угодно. Все те же каштановые волосы и римский нос. Те же глаза. Зеленые, как морское стекло. Он стал выше, гораздо выше. Широкие плечи, мускулистые руки. На нем белая футболка, поношенные на вид штаны цвета хаки и зеркальные очки-авиаторы на голове.

Когда мы были детьми, Рив был симпатичным. Теперь же... он красивый. Такой красивый.

У меня подкашиваются ноги. Я этого не выдержу. Мне хочется убежать, спрятаться, но я не в силах пошевелиться и просто стою на месте как вкопанная.

Рив и Ренни идут в мою сторону. Он обнимает ее за плечи. Затаив дыхание, я жду, что в его глазах мелькнет узнавание или хоть что-то. Но... ничего. Он проходит так близко, что мы практически соприкасаемся. Рив меня не замечает.

Я разворачиваюсь и смотрю ему в спину. Неужели он меня не видел? Может, все его

внимание было приковано к повисшей на нем Ренни? Или видел, но я слишком изменилась, и он просто меня не узнал? Скорее всего, я последний человек, которого он ожидал снова увидеть.

В оцепенении я слеую за ними в здание школы. Рив и Ренни исчезают в коридоре, их поглощает толпа других учеников. Я же не знаю, куда мне идти. Блуждая в растерянности, натываюсь на женский туалет, из которого кто-то выходит, и протискиваюсь в закрывающуюся дверь.

У меня сводит желудок. Я несусь к крайней кабинке и склоняюсь над унитазом. Кончики волос касаются поверхности воды.

Я делаю пару глубоких вдохов и выдохов. Может, ни одна из этих причин не верна.

Может, я просто не стою того, чтобы меня помнить.

ЛИЛИЯ

Мы сидим за нашим новым обеденным столиком в обычном составе: я, Ренни, Эшлин, Алекс, Рив, Пи Джей, Дерек и еще парочка ребят из футбольной команды. Он достался нам от выпускников прошлого года. Это такая традиция. «Звездный» столик — центр так называемой движухи. В свой последний учебный день самые крутые старшеклассники называют имена самых крутых младшеклассников и приглашают их с ними пообедать. Это своего рода передача эстафеты популярности. На самом же деле он ничем не отличается от остальных столиков в столовой.

Эшлин раздражает меня непрекращающимися разговорами о сауне, которую оборудовали ее родители.

— Эшлин, всем на это плевать, — в конце концов не выдерживаю я, и она с оскорбленным видом захлопывает рот. В ее карих глазах читается боль. Мне становится немного совестно, поэтому я добавляю: — Шучу.

Ренни угаскивает с моего подноса пончик, покрытый сахарной пудрой, и отправляет его в рот.

— А я думала, ты не ешь углеводы в начале сезона, — говорю я, притягивая к себе поднос с обедом. Теперь у меня осталось только три пончика.

В ответ на мои слова Ренни кривит лицо.

— После утреннего инцидента я заслуживаю утешительный приз. Наверное, мне стоит сдать анализы на СПИД. Кто знает, какая зараза водится у этой страхолюдины. — Ренни высовывает язычок — весь белый от сахарной пудры — и делает вид, что ее тошнит.

Я до сих пор в шоке от того, что Кэт Дебрассио плюнула в лицо Ренни. Это было ужасно. Хотя Ренни сама виновата. Просто мне не верится, что кто-то на это решился.

Тут Рив придвигает свой стул ближе к нам. Я отсаживаюсь чуть в сторону. Похоже, утром он вылил на себя полфлакона одеколona. И у меня от него начинает болеть голова.

— Ренни, милая, — растягивая слова, произносит он.

— Что такое, Риви? — отвечает та, поправляя волосы.

— Ты же знаешь, что ты моя любимая девочка?

Фу-у.

— Конечно.

— А любимая девочка должна заботиться о своем мужчине, — продолжает он. Повернувшись к Эшлин, я делаю вид, что меня тошнит, и она хихикает. Рив замечает выражение моего лица и лишь пренебрежительно отмахивается, после чего снова обращает все свое внимание на Ренни. — В общем... не могла бы ты сделать так, чтобы в этом году меня представляла чирлидерша, которая знает, что делать? Я серьезно. Не хочу, чтобы мой шестьдесят третий номер представляла девушка, у которой нет ничего, кроме смазливой мордашки. Той, которая займет это место, придется много времени проводить на виду, так что пусть у нее будет полный пакет.

— Что еще за полный пакет? — вкрадчиво интересуется Ренни.

Рив начинает загибать пальцы:

— Чувство ритма, хорошая координация, гибкость, чтобы можно было выполнять более сложные движения. Никаких колес. Мне нужны обратное сальто, поппинг и локинг. Одним словом, разнообразие. Короче, ты понимаешь, о чем я.

— О да, прекрасно понимаю, Риви! — восклицает Ренни с горящими глазами. — Считай, все уже сделано.

Рив тянется через стол и щиплет ее за щеку.

И Ренни, смеясь, отпихивает его руку.

— А ты Алекс? Чего хочешь ты?

— Мне все равно, — отвечает тот и продолжает разговор с Дерекком.

«У него проблемы?» — одними губами шепчет она мне. Я пожимаю плечами. «ПМС», — так же безмолвно произносит Ренни.

А потом наклоняется и берет еще один пончик с моего подноса.

— Что думаешь о том, чтобы отдать Алекса Наде? Если она отхватит себе игрока-старшеклассника, то тут же станет знаменитостью среди первоодок.

— Да как хочешь, — говорю я, забирая у нее пончик. Мне до сих пор не по себе от того, что я наговорила Наде утром. Может, это хоть немного ее порадует.

— То есть ты не против?

— А с чего бы? — Я знаю, к чему она клонит, но не хочу развивать эту тему. Я уже говорила ей тысячу раз, что не рассматриваю Алекса в этом качестве.

— Ну ладно.

И пока она не успела сказать что-то еще, я встаю из-за стола и направляюсь к аппарату с газировкой.

А когда пытаюсь выбрать между содовой со вкусом винограда и колой, ко мне подходит Алекс.

— Привет, Линди, — щебечу я, нажимая кнопку с надписью «Кока-кола». Судя по всему, Ренни давит на Алекса так же сильно, как и на меня. Уверена, она и ему говорит всю эту чушь: что я грежу о нем, что мы созданы друг для друга.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Привет, Линди? — резко спрашивает он. — А ты не заметила, что после субботы я тебя избегаю?

Я удивленно смотрю на него. Что с ним такое?

— Поверить не могу, Лилия, — раздраженно буркает он. — Вы с Ренни устроили в моем доме гребаную вечеринку, разбросали повсюду блестки, а через полчаса свалили на другую тусу! Что за фигня?!

Никогда не видела Алекса таким злым. Но у него есть на то причины. Нам не стоило вот так уходить.

— Мне жаль, — шепчу я. Он даже не представляет, насколько мне жаль.

Алекс качает головой и разворачивается, чтобы уйти, но я хватаю его за рукав и тяну назад.

— Не сердись, — прошу я.

Он смотрит на меня, но ни на грамм не смягчается.

— Когда вы заберете свои декорации и все остальное?

— Мы придем сегодня после проб и все уберем, — быстро отвечаю я.

Больше не сказав ни слова, Алекс уходит. Но не обратно к ребятам, а из столовой.

* * *

Ренни вбила себе в голову, что мы должны устроить парням вечеринку по случаю их возвращения. Тему выбрала «В глубинах моря», а сама решила нарядиться русалкой.

Остальным выпускницам было позволено прийти в бикини, гавайских юбках и с гирляндами из цветов на шеях. Ученицы помладше стали сексуальными рыбачками. Мы разрешили Наде пригласить трех своих подруг, но с оговоркой, что они нарядятся в костюмы пескарей и все время будут в ластах.

Было еще одно условие: я запретила Наде пить. Она сразу же с этим согласилась. Когда они, наряженные в зеленые топики, шорты и ласты, вразвалку появились у Алекса дома, я вручила ей безалкогольную «Пина-коладу». Я и сама ее потягивала, несмотря на то, что Ренни не оставляла попыток подлить мне рома из одной из бутылок, которые припрятала на заднем дворе.

Вечеринка получилась убойной. Из динамиков редела музыка. Лужайку освещали бамбуковые факелы. Присутствующие танцевали и плавали в бассейне. Даже парни вошли во вкус. Рив стянул с кровати Алекса простынь, замотался в нее, как в тогу, и стал величать себя Посейдоном. Так и разгуливал повсюду с граблями, именуя их трезубцем. Уверена, он просто искал повод снять рубашку. Алекс натянул фуражку, остальные же парни, измазанные цинковыми белилами, щеголяли в плавках.

На Ренни была узкая голубая юбка, гавайский лифчик из ракушек и чулки в сеточку. Свою недельную зарплату хостеса она потратила на парик и заколку со стразами в форме морской звезды, которые нашла в интернете. Я оделась под спасательницу Малибу: в красный сплошной купальник, короткие белые шорты и шлепки. На шее у меня висел свисток, а на спине была закреплена спасательная доска. Эшлин нарядилась медузой. Поверх белого купальника она натянула прозрачную пляжную тунику того же цвета, а в светлые волосы вплела длинные белые полосы гофрированной бумаги.

Когда мы с Ренни стояли возле гриля, потягивая напитки и внимательно наблюдая за происходящим, к нам подошла миссис Линд и крепко обняла меня.

— Лилия, как здорово все получилось, — похвалила она, целуя меня в щеку. На ней было гавайское платье муу-муу², а в волосы она вставила цветок. — Алекс так удивился!

После она отошла, чтобы взять еще шашлычков из морепродуктов, и Ренни толкнула меня локтем.

— Вот видишь? Я же говорила, что все будет хорошо. И чего ты только волновалась?

— Я не *волновалась*, — запротестовала я, поправляя спасательную доску. — Просто я считаю немного странным просить у чьей-то мамы разрешения провести вечеринку в ее доме.

— Лил, — спокойно промолвила она, — мама Алекса тебя любит. Ты ей как дочь, которой у нее никогда не было. Да она подарила тебе на день рождения розовый браслет от «Диор»! Я посмотрела у них на сайте. И скажу тебе, он отнюдь не дешевый. Стоит в районе шестисот долларов!

Ренни одолжила его несколько месяцев назад и до сих пор не вернула. Ну да ладно, все равно он больше в ее стиле.

Ей уже наскучил разговор, поэтому она осматривала двор, расчесывая пальцами свой светлый парик.

— Что за фигня? Как тут оказалась Тереза Круз? Я точно помню, что ее не было в списке приглашенных. Только посмотри на нее. Напялила на себя гирлянду и гавайскую юбку. Тут тебе не луау³, — раздраженно пробурчала Ренни. — Какая же она отсталая. Рив тоже хорош. Едва с нами поздоровался и пошел веселиться. Никакой благодарности.

Я начала искать глазами Терезу и ее дурацкий наряд, но Алекс перехватил мой взгляд и помахал мне. Он стоял с Ривом, Дерекком и своим дядей. Все они, за исключением Алекса, курили сигары. Я уже было направилась к ним, как вдруг Ренни схватила меня за руку.

— Боже мой! — с горящими глазами воскликнула она, размахивая телефоном у меня перед носом. — Он прислал мне сообщение!

— Кто? Рив?

— Йен!

Йен — один из парней из Массачусетского университета, с которыми мы познакомились на пляже. В начале недели они с Ренни ходили поужинать, а после этого он пропал.

— У них прощальная вечеринка, заканчивается аренда их домика! Мы должны на нее пойти.

— Прямо сейчас?

— Да!

— Рен, мы не можем уйти, — со смехом ответила я. — Это ведь наша вечеринка. У нас по плану еще капкейки, фейерверки и много чего другого.

Мы с Надей весь день украшали эти капкейки. Добавили в глазурь синий краситель и покрошили печенье, чтобы оно выглядело как песок.

Ренни надула губы.

— Ну пожалуйста, Лил! Он такой классный. И учится на медицинском! А его друг Майк постоянно о тебе спрашивал. Разве мы не можем пойти и чуточку повеселиться с ними? А потом вернемся. Никто даже не заметит нашего ухода!

Я окинула взглядом двор. Эшлин играла в покер с парнями возле пляжного домика. Дерек пытался заглянуть в ее карты, а она, хихикая, отталкивала его. Да, при таком внимании со стороны Дерека она точно не заметит, если мы уйдем.

— А как же Надя? — спросила я.

— С ней все будет в порядке! Посмотри, она веселится.

Надя сидела у бассейна со своими подругами, опустив ноги в воду и болтая ластами. Они хихикали и брызгались друг в друга.

— Пожа-а-алуйста, Лил, — взяв меня за руку и слегка раскачивая ее из стороны в сторону, пустилась в уговоры Ренни. — Это мой последний шанс его увидеть. Завтра они уезжают. Так что сейчас или никогда!

— Всего час, и мы возвращаемся, — вздохнув, согласилась я. — Обещаешь?

Ренни вскрикнула и крепко обняла меня.

— Да! — А потом посмотрела на свой костюм русалки и нахмурилась. — Только мы не можем появиться там в таком виде. Мы должны выглядеть как взрослые.

— Переоденемся в машине, — быстро сказала я. Если мы еще заедем к Ренни домой, то на это уйдет целая вечность. А я хочу поскорее вернуться, чтобы угостить всех капкейками. Даже если те сделаны из готовой смеси. Я не стала выставлять их с остальной едой, потому что хотела преподнести как нечто особенное.

Ренни пожала плечами.

— Ладно. Мне нужно подправить макияж. Встретимся в машине через две секунды.

Она ринулась к дому, а я направилась в сторону ее джипа. И уже на месте принялась искать в своей сумке майку, в которой пришла, как вдруг меня кто-то потянул за волосы. Я резко повернулась.

Рив.

Он протянул руку над моим плечом и уперся в дверцу машины, захлопнув ее.

— И куда это мы убегаем? — спросил он, наклонившись ближе.

— Не твое дело.

— Ну же, расскажи мне.

Я попыталась оттолкнуть его от машины, но он даже не шелохнулся.

— Рив, отойди!

— Сначала устраиваешь вечеринку, а потом сваливаешь с нее? Нехорошая девочка, Чо.

— Рив шутливо погрозил мне пальцем, после чего развернулся и ушел.

— Я никогда и не утверждала обратного, — крикнула я ему вслед.

* * *

Вернувшись к нашему столику, я сажусь на место Алекса, рядом с Пи Джейем и Ривом, открываю банку с колой и начинаю пить. Рив смотрит на меня, точно как в ту ночь, — прищурившись и с подозрением.

— Чего дуешься, Чо? Пришлось самой покупать колу?

— Заткнись.

— Такие девушки, как ты... — начинает говорить он, а потом неловким взмахом руки случайно опрокидывает банку с колой, и та проливается на мой свитер. Вскрикнув, я вскакиваю с места. Пи Джей и Рив резко отодвигают стулья, чтобы на них ничего не попало. Я чувствую, как кола пропитывает одежду до лифчика. Спереди расплзается большое коричневое пятно.

— Ты... ты его испортил.

— Остынь, Лилия. Я же случайно. — Рив наклоняется ко мне с салфеткой и пытается приложить ее к пятну.

— Не прикасайся ко мне! — отпрянув, восклицаю я.

— Ой, как же я забыл. Принцесса Лилия не любит, когда к ней прикасаются, — насмешливо произносит он и подмигивает мне.

— Рив, отстань от нее, — вмешивается Ренни.

Мои глаза наполняются слезами. Я наклоняю голову так, чтобы волосы упали на лицо, и вытираю свитер. Все нормально, уверяю я себя. Рив — это Рив. Он ничего не знает. Откуда? Ренни никому бы не рассказала. Мы поклялись друг другу. Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но тот застревает у меня в горле. Нижняя губа начинает дрожать. Нужно уходить отсюда, пока я не разревелась у всех на виду.

— К твоему сведению, этот свитер стоит триста долларов. Дороже корыта, на котором ты едешь.

Я беру сумку и направляюсь в женский туалет. Забежав внутрь, склоняюсь над раковиной и открываю кран. Я не буду плакать. Не буду. Только не в школе. Я не плачу в школе.

Однако выбора у меня нет.

Я рыдаю так горько, что у меня трясутся плечи и болит горло. И не могу остановиться.

Тут открывается дверь. Я ожидаю, что сейчас войдет Ренни, но нет. Это Кэт Дебрассио. Она бросает сумку на соседнюю раковину и, глядя в зеркало, поправляет челку.

Я быстро ополаскиваю лицо холодной водой, пытаюсь скрыть следы слез. Но Кэт,

очевидно, все же их замечает и спрашивает в присущей ей грубоватой манере:

— Ты в порядке?

Я смотрю прямо перед собой — на свое отражение.

— Да, в порядке.

* * *

Сначала я познакомилась с Ренни, в очереди за билетами в старый кинотеатр на Главной улице. Мне было десять, и я чувствовала себя такой взрослой, стоя одна с десятидолларовой купюрой в заднем кармане. Ренни сказала, что ей нравятся мои шлепки. Они были лавандового цвета и в розовый горошек. Несколько недель спустя она познакомила меня с Кэт. С тех пор нас стало трое. Раньше я играла только с Надей, когда мы летом приезжали на остров Джар. Но теперь у меня появилось две лучших подруги.

Каждую пятницу мы по очереди ночевали друг у друга. В доме Кэт мы следили за ее старшим братом и играли с псом Шепом. В квартире Ренни запекали в микроволновке арахис в карамели, а ее мама делала нам макияж. У меня Ренни и Кэт устраивали заплывы в бассейне, я же была их судьей. Мы играли с моим кукольным домиком в викторианском стиле, а, став старше, начали записывать видео на папину камеру и показывать их Наде и маме за завтраком.

Раньше я страшно ревновала, зная, что, когда уеду в конце августа, Ренни и Кэт останутся вдвоем. Они во многом были похожи — обе бесстрашные. Я же была трусишкой. Именно так меня всегда называла Кэт. Мне никогда не хотелось прыгнуть в воду с вышки или держать штурвал, когда отец Кэт брал нас ходить под парусом, или пойти гулять с парнями, с которыми мы знакомились на пляже. Но Ренни с Кэт присматривали за мной. Благодаря им я чувствовала себя в безопасности.

Когда наша семья решила окончательно переехать на остров, сбылась моя мечта. То лето было лишь разминкой перед ожидаемым весельем в старшей школе. Но потом, в начале августа, Ренни наконец убедила свою маму, чтобы та позволила ей сделать операцию на носу. Я всегда считала, что у нее нормальный нос. Но однажды Ренни показала мне горбинку на переносице, и тогда я тоже ее увидела. А когда сняли бинты и затянулись шрамы, она решила, что мы должны стать самыми крутыми в старшей школе. Кэт сказала, что это глупо. Ренни разозлилась, и они, как это часто бывало, поругались. Я полагала, что через пару дней они помирятся, но и неделю спустя злость Ренни не угасла. Она сказала, что Кэт ведет себя по-детски и ничего не понимает. Что она не дает нам развиваться.

Мы не сразу от нее отстранились. Как и планировали, мы отправились вместе по магазинам на материке, чтобы подготовиться к новому учебному году. На день рождения Кэт мы пошли в кино, но Ренни устроила настоящую сцену из того, чтобы сидеть рядом со мной и есть жевательные конфеты. Ситуация была очень неловкой. После этого мы должны были остаться ночевать у Кэт. Но, едва выйдя из кинотеатра, Ренни заявила, что плохо себя чувствует и поэтому идет домой. Было очевидно, что она притворяется — Ренни никудышная актриса. Я отвела Кэт в сторону и спросила: «Ты все еще хочешь, чтобы я у тебя ночевала?» На что она ответила: «Забудь об этом».

Вернувшись домой, я стала обдумывать сложившуюся ситуацию, сначала сама, потом подключила маму. Я рассказала ей о ссоре между девочками, о том, что Ренни больше не хочет дружить с Кэт, и как чувствую себя, оказавшись между ними.

— Если мне придется выбирать, то я, скорее всего, встану на сторону Ренни, — сказала я.

— А почему ты должна вставать на чью-то сторону? — спросила мама. — Почему бы тебе не помирить их?

— Не думаю, что Ренни станет меня слушать.

— Хотя бы попытайся, — убеждала она меня. — Кэт и так через многое прошла. Ей нужны подруги.

Меня пронзило острое чувство вины. Мама Кэт умерла за год до этого. Она очень долго болела. Кэт не хотела об этом говорить — по крайней мере, со мной. Хотя иногда, когда мы с Ренни тусовались у меня в комнате, она общалась с моей мамой.

— Я попробую.

А потом мне в голову пришла замечательная идея. Я решила в первый учебный день подарить им цепочки дружбы. Они должны были снова связать нас друг с другом и сгладить все неприятности.

Мы с мамой выбрали их в ювелирном магазине в Уайт-Хейвен, в котором папа всегда покупал что-нибудь на их годовщину. Одинаковые золотые цепочки с индивидуальными подвесками для каждой из нас. Мне так хотелось поскорее вручить им черные бархатные коробочки. Я знала, что Ренни подарок особенно понравится.

В первый учебный день за мной заехала мама Ренни, чтобы отвезти в школу. Я ожидала, что на заднем сиденье будут Кэт и Ренни. Они жили в одной части острова, мой же дом находился гораздо дальше.

Но Кэт в машине не оказалось. Только Ренни в новой джинсовой мини-юбке с декоративной вышивкой на задних карманах.

— Кэт заболела? — поинтересовалась я, забравшись в салон.

Ренни покачала головой.

Но, заметив, что ее мама наблюдает за нами в зеркало заднего вида, наклонилась ко мне и прошептала:

— Я не захотела заезжать за ней. Она меня достала.

— А ты ее предупредила? — прошептала я в ответ. Что, если Кэт стоит на улице и ждет нас? Что, если она опоздает в первый учебный день?

— Она и сама догадается, — буркнула Ренни, после чего дотронулась до носа и озабоченно спросила: — Мой нос не выглядит опухшим?

Несмотря на то, что я планировала подарить цепочки одновременно, Ренни получила свою в машине. Она выглядела сердитой, а мне хотелось начать день с хорошей ноты. Она так громко завизжала, что ее мама ударила по тормозам. Ее подвеска была в форме сердца, а моя — крошечного золотого капкейка. Мы сразу же их надели.

Цепочку Кэт я положила в ее шкафчик. Она так и не купила замок, когда мы ходили по магазинам. Сказала, что все равно забудет код. Кроме того, на острове никто не ворует, так что в замке нет необходимости.

Когда позже в тот день я увидела идущую по коридору Кэт, у нее были красные глаза и никаких признаков цепочки на шее. Ее подвеска была в форме золотого ключика. Мне понравилось, что он не только красиво смотрится, но еще в нем есть что-то жесткое и практичное. Как и в самой Кэт.

Она прошла мимо меня.

Я пробовала поговорить об этом с Ренни, чтобы узнать, есть ли шанс вернуть все как

было. Но та отказалась. Даже не стала это обсуждать. Для нее все было кончено. Стерто из памяти. Она всегда так делала. Стирала из памяти то, что ей не нравилось. Но я никогда раньше не видела, чтобы она поступала так с человеком.

* * *

Вытерев лицо бумажным полотенцем, я поворачиваюсь и выбрасываю его в корзину.

— Честно говоря, я никогда не считала, что у тебя воняет изо рта. Если тебе это важно, — стоя спиной к Кэт, говорю я. Это первые слова, которые я сказала ей за последние несколько лет.

Кэт пристально смотрит на меня. Я знаю, что она удивлена.

Неожиданно из последней кабинки доносится странный звук. Как будто кто-то плачет и ему трудно дышать. Мы обе поворачиваем головы в ту сторону.

— Кто здесь? — выкрикиваю я в панике, как будто меня застали за чем-то непристойным.

— Эй. Кто здесь? — повторяет Кэт.

Никакого ответа. Тогда Кэт подходит к кабинке и пинком распахивает дверцу.

МЭРИ

Я сижу на крышке унитаза, прижав колени к груди.

И тут открывается дверь кабинки. На меня смотрит девушка, которая плевалась сегодня утром. Рядом с ней стоит хорошенькая азиатка, на ее свитере расплылось большое пятно.

— А ты кто? — спрашивает та, что распахнула дверь.

— Меня зовут Мэри, — с трудом сглатываю я. — Рада с вами познакомиться.

— И мы тоже, — сухо отвечает та.

— Как вас зовут?

Похоже, мой вопрос застает их врасплох.

— Я — Кэт, а это принцесса Лилия.

— Просто Лилия, — недовольно глянув на нее, поправляет азиатка. А потом, прищурившись, смотрит на меня. — Почему ты тут прячешься?

— Э-э... просто так.

Мне сложно смотреть ей в глаза после того, как последние десять минут я слушала ее плач. То, что это делает такая симпатичная и популярная девушка, кажется неправильным. Что бы у нее ни случилось, это наверняка что-то ужасное.

Лилия перекидывает волосы через плечо.

— Ты явно чем-то расстроена. А может, тебе просто нравится шпионить за людьми в туалетах?

— Дай угадаю, — говорит Кэт, прислонившись к открытой двери. — Летом ты встречалась с парнем. Разрешила ему себя полапать, а теперь он даже не помнит твоего имени.

— Нет, все не так. Даже близко, — отвечаю я, покусывая губу. Не думаю, что им стоит что-то рассказывать. В конце концов, Лилия из компании Рива, она его подруга. А Кэт... ну, она просто меня пугает. — Я просто увидела человека, которого когда-то знала. Вот и все.

— Кого? — спрашивает Кэт. Судя по тому, как она привалилась к двери, без ответа она не уйдет.

— Парня. Он... издевался надо мной, когда мы учились в седьмом классе. Вообще-то, из-за него все одноклассники меня ненавидели. И из-за него моей семье пришлось переехать. Сегодня я впервые за четыре года его увидела, а он даже меня не узнал. После всего, что сделал. — Я заправляю за ухо лезущие в лицо волосы.

— Сколько тебе лет? — мягче и гораздо спокойнее спрашивает Лилия.

— Семнадцать.

— Ты родилась на острове? — интересуется Кэт. — В какую школу ходила?

— Да, я родилась здесь, но ходила в Белль Харбор Монтессори, на материке.

Каждый день я ездила в школу и обратно на пароме. Он и я.

— Рив, — покачав головой, заключает Кэт.

Я смотрю на нее с выпученными глазами. Переживаю, что она так быстро догадалась, но в то же время ощущаю странное спокойствие.

— Как ты догадалась?

— А кто еще это может быть? — отвечает Кэт, придерживая для меня дверь. — Нам пора идти.

Я слезаю с крышки унитаза. Лилия подходит к раковине и мочит бумажное полотенце.

— Я даже не удивлена. Рив — такой неандерталец, — говорит она, оттирая свою кофту. — Он испортил мой свитер.

— А я думала, что вы друзья, — неуверенно произношу я. — Сегодня утром я видела вас вместе.

— Мы не друзья, но и не недруги, — вздыхает Лилия.

— Отличный ответ, Лилия, — закатив глаза, бурчит Кэт.

— Только, пожалуйста, не говорите ему, что видели меня, — тут же вставляю я. Меньше всего на свете мне хочется, чтобы Рив узнал, что я до сих пор из-за него плачу.

Раздается звонок. Лилия достает из кармана шорт вишневый бальзам для губ, наносит его на нижнюю губу, а потом поджигает обе, чтобы распределить равномерно.

— Не бойсь. Я уже и не помню, как тебя зовут. — Потом переводит взгляд на Кэт, говорит, что ей пора, и уходит.

Кэт смотрит вслед Лилии, пока за той не закрывается входная дверь, после чего обращается ко мне тихим голосом:

— Лилия плакала, да?

Я опускаю взгляд на свои сандалии. Это личное. Меня даже не должно было быть здесь.

— Она что-нибудь говорила? Что ее расстроило?

— Нет. Ничего.

Кэт разочарованно вздыхает.

— Какой у тебя сейчас урок, Мэри?

— Я даже не знаю.

— А где твое расписание?

Я ищу его в сумке, но не нахожу.

— Кажется, у меня сейчас химия.

Она смахивает с глаз челку и пристально смотрит на меня.

— Подожди, а разве ты не старшеклассница? Почему у тебя до сих пор химия?

— В конце седьмого класса я сильно заболела, поэтому меня оставили на второй год, — облизнув губы, отвечаю я.

— Капец. Ну что ж, кафедра точных наук находится в восточном крыле. Тебе придется поторопиться, чтобы успеть. — На секунду она замолкает, а потом продолжает: — Послушай, не позволяй этому придурку Риву до себя добраться. Карма — еще та стерва. Он свое получит.

— Не знаю, — говорю я. — Вернее, мне бы хотелось в это верить. Но Рив, судя по всему, отлично себя чувствует. Это я прячусь все утро в туалете.

— Он того не стоит. Никто из них. Поверь мне.

— Спасибо, Кэт. — Я очень ей благодарна. Она — первый человек за сегодня, который действительно со мной поговорил.

Я выхожу из туалета вслед за Кэт. Она сворачивает налево. А я осторожно наблюдаю за тем, как она идет по коридору, на случай если Кэт обернется.

Но она не оборачивается.

ЛИЛИЯ

Все девочки, проходящие пробы в команду, сидят на трибунах футбольного поля в коротких шортах и майках. Надя и парочка ее подруг устроились на первом ряду. Я улыбаюсь ей, и она улыбается мне в ответ. Судя по всему, она уже не переживает о том, что я сказала об ее обратном сальто. Мне сразу становится легче.

Ренни вместе с тренером Кристи стоит перед девочками, в то время как мы с Эшлин сидим в сторонке. Мы, как и Ренни, демонстрируем нашу форму: майки с вышитой на груди буквой «J», плиссированные юбки с блумерсами⁴ под ними и гольфы с крошечными разноцветными помпонами на пятках. Должна признаться, я рада вновь надеть свою форму.

Но стоит только тренеру Кристи убежать в кабинет, чтобы сделать копии бланков разрешений, как Ренни берет дело в свои руки. Окинув трибуны взглядом, она тихо произносит:

— Вот что я вам скажу. Если вы хотите стать чирлидером в школе острова Джар, то должны *постоянно* и выглядеть, и вести себя соответственно. Вы не просто представляете себя, вы представляете меня. Это моя команда. И у меня свои стандарты. — Для пущего эффекта она на секунду замолкает. — Очень надеюсь, что в этом сезоне у нас будет новая форма с короткими майками. А это значит, что ни у одной из вас я не должна видеть в обед картофель фри на подносе. Я говорю серьезно. Кстати, Дори. — Дори испуганно смотрит на нее. — Тебе пора выбросить эту кофту. В ней ты выглядишь как домохозяйка.

Я изумленно ахаю, а Эшлин хихикает в кулак.

Девочки начинают нервно перешептываться. Ренни оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что тренер Кристи еще у себя, и громко прикрикивает:

— Я разве сказала, что мы закончили?

Все замолкают.

— Нам не нужны слабые звенья. Поэтому, если ваша подруга запускает себя, вы даете ей об этом знать. Вот, например, тебе, Мелани, нужно зазубрить три слова: «очищение», «тонизирование» и «увлажнение».

Глаза Мелани наполняются слезами, но она все равно быстро кивает.

Не могу поверить своим ушам. Да, у Мелани плохая кожа, но зачем Ренни нужно позорить ее перед всеми? Я перевожу взгляд на Эшлин, надеясь на ее солидарность, но та лишь пожимает плечами и шепчет:

— Какие три этапа? Ей нужно к дерматологу.

Ренни тычет пальцем в Надю.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на ее ноги. Вот такой загар должен быть у всех. Если нет, то запишитесь к Бекки в «Мистик Бич» на Сэндтрап-стрит. Она все сделает.

Моя сестра, чуть ли лопааясь от гордости, скромно опускает голову.

— Это касается не только первогодок, — продолжает Ренни, осматривая остальных присутствующих. Я точно знаю, кого она ищет. Терезу Круз. — Не стоит чувствовать себя уверенно только потому, что вы старшеклассницы. Каждая девушка должна заслужить свое место здесь. Я без колебаний избавляюсь от мертвого груза во благо команды.

Я замечаю, что из металлических дверей выходит тренер Кристи, и покашливаю, давая понять Ренни, что той пора закругляться.

— У вас последний шанс, девочки, — наконец улыбаясь, заявляет она. — Если вы

считаете, что не справитесь, то не забудьте на выходе придержать дверь.

Но никто даже не шевелится.

* * *

Мы с Ренни переодеваемся в раздевалке, кроме нас, тут никого нет. Эшлин и тренер Кристи наблюдают за тем, как бегают девочки.

Я натягиваю через голову свитер и говорю:

— Значит, сейчас мы едем к Алексу? Сегодня за обедом он был очень недоволен.

— По поводу?

— По поводу того, что мы ушли с вечеринки. — При упоминании о ней с лица Ренни стираются все эмоции. — Я сказала ему, что мы придем после тренировки, чтобы убрать декорации и навести порядок в домике у бассейна.

— А Рив тоже там будет?

— Надеюсь, что нет, — кисло отвечаю я и, наклонившись, снимаю кроссовки.

— Помнишь, как во время обеда Рив рассказывал, какой должна быть его чирлидерша?

— Я не отвечаю, и она продолжает: — Думаю, это был такой хитрый ход, чтобы попросить меня быть ею. Это ведь разумно. Капитан для капитана.

Я собираю волосы в хвост.

— А разве этим летом он не встречался с Терезой Круз?

Рени наигранно смеется.

— Да они встречались раза два, не больше. И ты видела ее ляжки? Она едва может скрестить ноги, не говоря уже о том, чтобы сесть на шпагат. Ты правда думаешь, что Рив захочет, чтобы она представляла его номер?

— Ну не знаю, — отвечаю я, затягивая хвост.

— Не знаешь?

— Мне кажется, что Тереза хорошенькая. — Ренни смотрит на меня как на сумасшедшую, но я не обращаю на это внимания. — Так ты идешь со мной?

Она закатывает глаза.

— У Линди есть горничная. Он обойдется и без нас.

— Говорить «горничная» неправильно...

— Вот только не нужно мне лекций по терминологии для богатеев! — огрызается она, натягивая майку.

Я с бешено колотящимся сердцем снимаю носки и надеваю эспадрильи. Ренни даже не смотрит на меня, складывая в сумку свои вещи.

— Рен, знаю, ты все еще расстроена из-за того, что у вас с Кэт произошло сегодня утром...

Не успеваю я закончить фразу, как Ренни бросает на меня убийственный взгляд.

— Меньше всего меня волнует это чудище. — С этими словами она, даже не попрощавшись, выходит из раздевалки.

К тому времени, как я прихожу на стоянку, ее машины уже нет. Поэтому мне приходится ловить Эшлин и просить ее подвезти меня к Алексу.

* * *

Эш высаживает меня у дома Алекса. Заметив, что машины миссис Линд нет на подъездной дорожке, я облегченно выдыхаю. Я надеялась, что ее не будет дома, поскольку боюсь, что она тоже на меня злится.

— Спасибо, что подвезла, Эш, — говорю я, отстегивая ремень безопасности.

— Не за что, Лил. Извини, что не могу помочь тебе с уборкой, — отвечает она с грустным взглядом. — Я пообещала маме пойти с ней к парикмахеру. В прошлый раз ее подстригли как пенсионерку.

— Все нормально. — Я не рассказала ей о ссоре с Ренни. Это касается только нас двоих.

Выпрыгнув из машины, я машу отъезжающей Эшли. Вместо того чтобы подойти к входной двери, я направляюсь напрямик во двор.

Алекс сачком пытается выловить из воды красный стаканчик.

— Привет, — говорю я.

Он вздрагивает от неожиданности и поднимает на меня взгляд.

— А где Ренни?

Раньше я бы нашла для нее оправдание, но сегодня просто пожимаю плечами.

После чего начинаю собирать бамбуковые факелы и бумажные фонарики, которые мы развесили вокруг. Я не понесу все это домой. Если Алекс хочет, чтобы этого тут не было, то ему придется меня отвезти. А он, судя по всему, еще злится.

— Ты пробовал мои капкейки? — интересуюсь я.

— Да, — отвечает Алекс, сидя на шезлонге и уткнувшись в телефон.

— Ну и как они тебе?

— Нормально.

— А тебе попался тот, что с мармеладной рыбкой внутри? Я сделала таких всего несколько.

Он наконец встречается со мной взглядом.

— Я съел три, и в одном, по-моему, была рыбка.

Слава богу! Кажется, он близок к тому, чтобы меня простить.

— Круто! — с легкой улыбкой на лице восклицаю я. — Хочется пить. Можно мне содовую?

Он кивает на свой домик.

— Ты знаешь, где взять.

Ауч! Ладненько. Похоже, мне все-таки придется тащить все это самой.

Домик у бассейна, по сути, представляет собой жилье Алекса. В нем есть гостиная, кухня и огромная спальня. Он обставил его как холостяцкую берлогу в стиле Джеймса Бонда. Черный кожаный угловой диван, большой телевизор, вмонтированный в стену, и самый настоящий автомат с колой у бара. А еще у него есть буфет, который его мама забивает печеньем, чипсами и всем, что только можно пожелать.

Дверь в его спальню открыта. С кресла свисает спущенная надувная пальма — одна из тех, что мы принесли на вечеринку. Обычно в его комнате чисто, но не сегодня. На полу валяется одежда, а кровать до сих пор не заправлена.

Я направляюсь к пальме, но резко останавливаюсь. Возле кровати валяется небольшая кучка одежды, сверху которой лежит зеленый топ. Я наклоняюсь и поднимаю его.

Это топ моей сестры. Тот, что она надевала на вечеринку, элемент ее костюма пескаря. Я знаю это, потому что у меня точно такой же, только размером больше. Спереди виднеется

засохшее розовое пятно — «Клубничный дайкири». Я нюхаю его. Ром.

С топом в руке я возвращаюсь обратно. При виде его Алекс широко раскрывает глаза.

— Откуда у тебя топ Нади? — спрашиваю я его.

— Э-э... на нее кто-то что-то пролил. Мне пришлось дать ей свою рубашку, — отвечает он.

Мне вдруг становится трудно дышать.

— Надя пила? — Я же просила ее этого не делать. Я ей запретила. — Она не наделала глупостей?

— Каких, например? Ушла со случайным парнем? — Он качает головой. — Нет, она не делала ничего подобного.

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица. Он говорит о Наде или... обо мне?

Алекс уходит и начинает загружать декорации в багажник своего внедорожника. Я подбираю как можно больше факелов и следую за ним. Ни он, ни я не произносим больше ни слова.

МЭРИ

Я сижу на кровати и рассматриваю старый фотоальбом, который нашла в подвале. С каждой перевернутой страницей я становлюсь старше. Вот я позирую перед крепостью из одеял, подсвечивая лицо фонариком. А вот качаюсь на шине, подвешенной к дереву на заднем дворе. Мои волосы практически выгорели на солнце. Тут мы с папой нацепили на головы водоросли. А вот тут я играю для родителей и тетушки Бетт на кларнете в гостиной.

Фотоальбом заканчивается снимком, на котором я позирую рядом с кустом сирени в тот день, когда пошла в седьмой класс. Я стою на цыпочках и нюхаю цветы.

Неудивительно, что утром Рив не узнал меня. Этому есть только одно объяснение — я была толстой.

* * *

Все только и говорили о новом ученике, который получил стипендию. Белль Харбор Монтеessori на материке — очень маленькая школа. В нашем седьмом классе училось всего двадцать человек, и я была единственной с острова Джар. Во время обеда, когда мальчишки дискутировали о том, насколько нужно быть умным, чтобы получить стипендию, вошел Рив.

Все присутствующие наблюдали за тем, как он стоит в очереди за едой.

— Он довольно милый. Как думаешь? — наклонившись ко мне, произнесла моя подруга Энн.

— Да, не плох, — прошептала я в ответ.

Рив был самым высоким мальчиком в нашем классе. Но не был тощим. Скорее, мускулистым. Было видно, что он занимался спортом в своей прежней школе. Но в Монтеessori у нас не было секций по спорту. Не было никаких физических нагрузок, если не считать походов в лес, где мы изучали растительный мир.

Учительница помахала ему и показала, где сидит наш класс.

— Привет, — сказал он скучающим голосом, плюхаясь на свободный стул. — Меня зовут Рив.

Парочка парней пробормотала ему «привет», но большинство просто промолчали. Думаю, мы все заметили его безразличное отношение. Он явно не хотел учиться в нашей школе. Скорее всего, там, откуда перевелся, у него осталась куча друзей.

Мне было его жаль. Рив взял сэндвич, не проронив больше ни слова. Наверное, тяжело начинать учебу в новой школе. Лично я ходила только в Белль Харбор Монтеessori с самого сада.

Когда обед подошел к концу и все встали, я заметила, что Рив озирается по сторонам, не зная, куда убрать поднос. Я наклонилась, намереваясь взять его. Не знаю, почему. Наверное, просто из вежливости. Но он выхватил его прежде, чем я успела до него дотронуться, и громко сказал: — Может, тебе уже хватит есть?

Услышавшие его парни начали смеяться. Думаю, я тоже засмеялась — просто потому, что его слова застали меня врасплох. Энн скорчила рожу и посмотрела на меня. Без тени сочувствия. Просто нахмурилась. Не на Рива. А на меня.

Рив же смеялся громче всех. Он первым вышел из-за стола, и все остальные просто последовали за ним, несмотря на то, что он даже не знал, где находится наш кабинет. Поднос

он оставил на столе.

И убрала его я.

* * *

До того как Рив перевелся в нашу школу, я считалась одной из самых умных учениц, особенно по математике. Я была стеснительной, но дружелюбной. Немного неуклюжей девочкой с острова, с длинными светлыми волосами. А после его слов я стала толстухой.

Закрываю альбом. Я больше не та девочка. И уже давно. Но возвращение на остров Джар, к Риву, старым фотографиям и мягким игрушкам заставляет меня заново переживать прошлое.

Я слышу, как тетушка Бетт тихо моет посуду внизу.

Сегодня наш ужин прошел в неловком молчании. Утром я воображала, как буду расписывать ей свой первый день в школе: выражение лица Рива, когда он снова меня увидит, его попытки со мной заговорить и узнать, где я пропадала все эти четыре года. Она бы предложила мне бокал вина, и мы бы отметили начало нового и классного учебного года.

Но все оказалось совсем не так. Мне нечего было ей рассказывать. И, само собой разумеется, мне не хотелось есть. Но было бы невежливо уйти из-за стола, поэтому я просто сидела молча, пока она накручивала на вилку спагетти и читала какой-то журнал по искусству.

Я чувствую себя опустошенной. Мне очень нужно поговорить с мамой и папой, услышать их голоса. Они наверняка попытаются уговорить меня вернуться домой, и я, скорее всего, так и сделаю.

Следующие пять минут я расхаживаю по комнате с вытянутым над головой телефоном и пытаюсь поймать сигнал, чтобы им позвонить. К сожалению, его нет. Когда мы жили здесь раньше, на острове Джар практически не было сотовой связи. Лишь в нескольких местах можно было поймать сигнал: возле маяка и изредка на парковке у лютеранской церкви. Но в основном остров оставался все зоны доступа. Очевидно, с тех пор мало что изменилось.

Я могла бы позвонить со стационарного телефона на кухне, но не хочу разговаривать с родителями в присутствии тетушки Бетт. Вдруг я расплачусь.

Тут я слышу, что тетушка Бетт поднимается по лестнице. Приоткрыв дверь, наблюдаю за тем, как она идет в свою комнату.

Наверное, мне стоит с ней поговорить. Раньше я делилась с тетушкой Бетт абсолютно всем. Летом, когда она приезжала к нам, мы спускались с холма и покупали горячий шоколад на Главной улице. Даже в августе. Она рассказывала мне о таких вещах, которые определенно не понравились бы моим родителям. О том, как она жила в Париже с женатым мужчиной, и о своих картинах в стиле ню. Тетушка Бетт прожила тысячу и одну жизнь. У нее найдется для меня хороший совет.

Тетушка Бетт уже в кровати. Ее глаза закрыты. Однако в следующее мгновение внезапно открываются — должно быть, она меня услышала.

— Мэри?

Я захожу в комнату и сажусь на корточки возле ее кровати.

— Ты уже спишь?

Она качает головой и моргает.

— Вроде нет. Или сплю?

Несмотря на то, что мне хочется плакать, я все же смеюсь.

— Я тебя не побеспокою?

— Нет! Что ты! — Она садится. — Ты в порядке?

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь взять себя в руки.

— Так непривычно здесь находиться.

— Да. Понимаю.

— Не знаю, подхожу ли я этому месту после всего, что случилось.

— Это твой дом, — тихо говорит тетюшка Бетт. — Где, как не здесь, твое место?

— Полагаю, нигде.

— Я скучала по тебе, Мэри. — На ее лице появляется едва заметная улыбка. — И рада,

что ты здесь.

— Я тоже, — вру я, после чего возвращаюсь в свою комнату и залезаю в кровать.

И лишь спустя вечность наконец засыпаю.

ЛИЛИЯ

Мама в своей комнате разговаривает по телефону с папой, а мы с Надей смотрим внизу телевизор и едим домашнее мороженое с карамельным сиропом из «Скупс». Сначала, когда я спросила, не хочет ли она присоединиться ко мне, Надя отказалась, несмотря на то, что это ее любимый вкус. Я знала, что причина тому слова Ренни, сказанные на тренировке. Поэтому уселась с ведерком на диван и показательно начала слизывать с крышки мороженое.

— Только одну ложечку, — не выдержала Надя, в точности как я и ожидала. Все девочки в нашей семье сладкоежки.

Вскоре сушка для белья издает сигнал об окончании программы. Я ставлю передачу на паузу, иду в прачечную, бросаю чистую одежду в корзину и забираю ее с собой в гостиную. В сушилку я положила дополнительные салфетки с кондиционером, поэтому одежда очень приятно пахнет. Уткнувшись лицом в футболку, я наслаждаюсь ее теплом и ароматом. Потом начинаю складывать футболки в стопку, как вдруг замечаю Надин топик. Пятно от «Клубничного дайкири», на которое был нанесен пятновыводитель, исчезло. А с кашемировым свитером я даже не стала заморачиваться. Просто положила его в пакет для химчистки и понадеялась на лучшее.

— Вот твой топик, — говорю я, вручая его сестре.

— С-спасибо, — бледнея, отвечает Надя.

— Я вывела пятно, — продолжаю я, наблюдая за ее реакцией. — Алекс сказал, что в тебя кто-то врезался и пролил коктейль.

— Ага. — Надя кладет в рот большую порцию мороженого, избегая моего взгляда.

— А где рубашка Алекса? Я пыталась найти ее в твоей комнате, чтобы постирать и вернуть ему.

Она колеблется, но потом все же отвечает:

— У Жанель. Помнишь, я собиралась ночевать у нее после вечеринки? Я просила принести ее сегодня в школу, но она забыла.

Звонит мой телефон. Это Эшлин. Наша компания собирается сегодня в «Бабочке», после того как Ренни закончит работу.

— Кто это? — спрашивает Надя. — Ты идешь гулять?

Я откладываю телефон в сторону, разговор с сестрой еще не закончен.

— Надя, ты пила у Алекса, несмотря на то, что я просила тебя этого не делать?

— Нет! — У нее краснеют щеки.

— Тогда поклянись. Поклянись нашими сестринскими узами.

— Лилия, хватит. Я уже тебе сказала, — даже не глядя на меня, отвечает она.

Мое сердце разбивается пополам. Она не дает клятву, потому что лжет. Лжет мне в лицо, как будто в этом нет ничего особенного. Я никогда не врала Наде. Ни разу в жизни. Я бы никогда так с ней не поступила.

— Даю тебе еще один шанс. Сейчас же говори правду, или я все расскажу маме.

Надя смотрит на меня большими испуганными глазами.

— Хорошо! Подожди! Ну, может, выпила где-то полстакана «Клубничного дайкири». Я не просила, мне его дала одна подруга. Я думала, что он безалкогольный. И просто сделала пару маленьких глоточков, чтобы не переводить коктейль зазря. В этом нет ничего страшного. Ты же пила на тусовках, когда училась в девятом классе!

Да, пила, но это было в *конце* года. Когда мы с Ренни начали ходить на вечеринки, она пила все подряд. Парни прозвали ее Полпинты, потому что она была такой маленькой, а пила наравне с ними. В отличие от меня. Я же так боялась нарваться на неприятности, что потягивала один напиток всю ночь.

— Хватит оправдываться! Ты соврала мне. Соврала прямо в лицо, Надя. — Я откидываюсь на спинку дивана. Не могу поверить, что она мне солгала. — Теперь ты наказана. Никаких вечеринок и тусовок с моими друзьями, потому что ты, судя по всему, не можешь держать себя в руках. И если я узнаю, что ты выпила больше, чем сказала, то устрою тебе проблемы.

— Мне очень, очень жаль.

Дело даже не в выпивке.

— Не думала, что ты когда-нибудь мне соврешь.

По ее щеке скатывается крупная слеза.

— Я никогда больше не буду пить, Лили! Поверь мне.

— Как я могу теперь тебе верить? — вставая, говорю я. У меня такое чувство, что я и сама сейчас расплачусь. Поэтому выхожу из гостиной и поднимаюсь в свою комнату.

Мне не следовало оставлять ее на той вечеринке. Я виновата в той же степени, что и Надя. А может, и больше. Я ее старшая сестра. И моя обязанность — присматривать за ней и оберегать.

* * *

Когда мы пришли на другую вечеринку, там была куча народу. Из знакомых — никого, в основном это были приезжие студенты колледжей. Никакой тематики, просто компания людей, которая слушает музыку и общается друг с другом.

Парни заметили нас сразу же. Нам льстило, что они ждали нас и уделяли столько внимания. Вначале я постоянно смотрела на часы, потому что не хотела задерживаться больше чем на час, как пообещала мне Ренни.

Они спросили, что мы хотим выпить, и Ренни попросила их смешать водку, клюкву и ложку сахара с горкой. Она знала, что я пью только очень сладкие коктейли. Каждый раз, когда наши стаканы пустели, парни оказывались рядом и наполняли их заново. Нам было весело вчетвером, поэтому я перестала проверять время и думать о той вечеринке, которую мы покинули ради этой. Помню, как смеялась над всем, что говорил «мой» парень — тот, что повыше, — хотя в действительности он не рассказывал ничего смешного. Вот насколько я была пьяна.

Майк. Так его звали.

* * *

Около одиннадцати вечера я стучусь к Наде. Она не отвечает, но я слышу, что в комнате работает телевизор.

— Я стараюсь за тобой присматривать, Надя, — через закрытую дверь говорю я. — Это моя обязанность.

Проходит несколько секунд, а ответа все нет. Надя всегда долго обижается, и вернуть ее расположение обычно не просто. Ненавижу, когда она на меня обижается. Ненавижу больше

всего на свете. Но у меня тоже есть причина на нее злиться.

— Давай завтра поедem в школу вместе? — прислонившись головой к двери, спрашиваю я. — Только мы вдвоем. Я поведу. Если выедем пораньше, то сможем заехать в «Молочное утро» и купить малиновые маффины. Прямо из печи, как ты любишь.

Надя продолжает молчать. Я вздыхаю и возвращаюсь в свою комнату.

КЭТ

Мы с отцом и Пэтом сидим в гостиной с тарелками чили и смотрим мотокросс. Это уже третий день чили. Потому что, когда папа готовит свой адский чили, мы едим его как минимум неделю. И меня от него уже тошнит.

— Сегодня твоя очередь мыть посуду. Моя была вчера, — говорит Пэт, когда я встаю.

— Но вчера нечего было мыть. Мы ели из пластиковых тарелок.

Он поворачивается обратно к телевизору и гладит голыми ступнями спину Шепа.

— Да, но выбрасывать их пришлось мне. Так что официально теперь твоя очередь.

Я показываю ему средний палец, складываю тарелки в раковину и оставляю их там. Пэт такой лентяй. Он окончил школу два года назад, но до сих пор живет с нами. Посещает лекции по нескольким предметам в муниципальном колледже, но в основном просто мается дурью.

Вернувшись в свою комнату, я проверяю телефон. Никаких пропущенных звонков или сообщений от Алекса. Мне бы очень хотелось поговорить про его бездушную подружку Ренни и про то, что она заслужила тот плевок в лицо. Но я не собираюсь первой ему звонить. Только не тогда, когда он сам пообещал это сделать.

Вместо этого я набираю номер музыкального магазина, где работает Ким. Когда она поднимает трубку, я едва слышу ее из-за шума.

— Что у вас там происходит? — спрашиваю я.

— Да тут независимая студия звукозаписи устроила вечеринку в честь одной бездарной группы.

— Можно мне прийти? У меня был ужасный день. Я всей душой ненавижу свою школу, ненавижу Ренни Хольц, я...

— Хорошо, хорошо, — перебивает она.

Я хватаю сумку и начинаю бросать в нее все необходимое. Плевать, что завтра в школу. Я могу сесть на первый утренний паром. Или вообще прогулять. Я уже собираюсь поблагодарить ее, но тут Ким прикрывает трубку рукой и произносит:

— В подвале есть еще одна бутылка виски. Сходи принеси.

И тогда я понимаю, что она говорит с кем-то еще.

— Ким? Ну пожалуйста! — буквально ною я, но мне все равно. Не хочу сегодня находиться на острове.

— Милая, я буду занята здесь как минимум до двух ночи, — вздыхает она. — Позвони мне завтра, когда вернешься из школы. Ладно?

— Как скажешь, — отвечаю я. Да, Ким занята, я это понимаю. Как и то, что Ким двадцать три и вся эта школьная фигня ей не интересна. Но она правда мне нужна. Мне нужен хоть кто-нибудь.

Когда я вспоминаю о том, что произошло сегодня, мне становится плохо. Я, черт возьми, плюнула в лицо Ренни. Это самое скверное из всего, что я могла сделать. Господи, что об этом подумала моя мама? Папа всегда переживал, что воспитывает меня недостаточно женственной и что мама там, на небесах, разочарована. Она была очень воспитанной и нежной. Должно быть, она подумала, что ее дочь настоящая засранка. А еще я подтвердила всю ту ложь, которую распускала обо мне Ренни, начиная с девятого класса.

Уверена, ведьма именно этого и добивалась. Выкопать мне могилу, а потом загнать

прямо в нее. Она знает мои слабые места. Но и я знаю ее. В этом плане мы с ней на равных. Однако, как бы гадски она ко мне ни относилась — а отношение было хуже некуда, — я никогда не опускалась до ее уровня. Почему? Да кто его знает. Только сейчас я понимаю, что мне давно следовало поставить ее на место.

Я решаю прогуляться и покурить, чтобы собраться с мыслями. Надев ботинки, я выхожу через заднюю дверь. Не хочу, чтобы Пэт снова доставал меня с посудой. Я помою ее, когда вернусь. Если будет настроение.

На улице темно, а на подъездной дорожке разбросаны плотницкие инструменты отца, щепки и согнутые гвозди, поэтому до тротуара я несу Шепу на руках. Одна состоятельная пара, прежде чем уехать с острова в конце лета, заказала отцу каноэ ручной работы. Оно будет готово к их возвращению в следующем году.

Я направляюсь напрямиком в лес за своим домом. Летом я часто приводила сюда Алекса. С другой стороны есть поляна, на которой можно припарковать машину и смотреть из нее на океан. Место довольно уединенное, и о нем знают лишь немногие. Своего рода секрет Томастауна. Мы приезжали сюда, слушали музыку и любовались луной. Нам просто нравилось проводить время вместе. Мне нравилось, что с ним я могу быть самой собой. Думаю, он чувствовал то же самое.

Я иду по дороге и курю, позволяя Шепу обнюхивать все вокруг. Докурив до фильтра, я тушу окурок каблуком, пока он не смешивается с сухими сосновыми иглами и песком.

А подняв взгляд, вижу его — внедорожник Алекса, припаркованный на поляне. И сидящую с ним в машине девушку.

Попятившись назад, я натываюсь спиной на дерево и прячусь за него. Кто эта девушка? Та, что была на его вечеринке? Та, с которой он лежал в кровати?

Прищурившись, я пытаюсь ее разглядеть. Невысокая, темноволосая...

Боже мой! Это же Надя Чо! «Я учила ее завязывать шнурки», — это первая мысль, которая приходит мне в голову.

А вторая: «Алекс Линд играет со мной? И встречается с первогодкой?» Ну ничего. Он явно не понимает, с кем связался.

С гулко бьющимся сердцем я отступаю назад и достаю телефон. Всего одно деление. Какой у нее номер? Я набирала его миллион раз. Три-пять... что там дальше? Я пялюсь на кнопки, изо всех сил пытаюсь вспомнить номер. Три-пять... четыре-семь.

Она берет трубку после четвертого гудка.

— Алло?

— Чтобы ты знала, твоя сестра сейчас находится в машине с Алексом Линдом. В лесу! — не сводя глаз с внедорожника, тихо говорю я. Посмотрим, что он скажет, когда Лилия припрет его к стенке, чтобы отпилить ему яйца своей пилочкой для ногтей.

Несколько секунд в трубке не раздается ни звука, а потом Лилия спрашивает:

— Кто это?

— Это Кэт. Ты меня слышала? Я сказала, что стою в десяти метрах от машины, где твоя сестра обжимается с Алексом!

— Кэт, моя сестра дома.

Я прищуриваюсь, пытаюсь получше разглядеть девушку в темноте. Это сделать довольно сложно, но, клянусь богом, в его машине сидит Надя.

— Лилия, я не шучу. Они прямо передо мной. Мне было бы плевать на это, если бы мы с Алексом не встречались. Ну, вроде того.

— Моя сестра сидит рядом со мной на диване. Не знаю, чего ты добиваешься, но, пожалуйста, больше не звони мне.

Я уже открываю рот, чтобы рассказать ей о том, что видела ее младшую сестру и Алекса в одной кровати два дня назад, но в трубке раздаются короткие гудки. Я снова смотрю на сидящих в машине. Наверное, все-таки нельзя быть уверенной на сто процентов, что это Надя. Да, я так думала, но дело в том, что Лилия никогда не врет. Несмотря ни на что. За те годы, что мы знакомы, Лилия Чо никогда не лгала. Так что, скорее всего, во внедорожнике Алекса не Надя, а какая-то случайная темноволосая девушка. Другая девушка, а не я.

* * *

Я сижу за рулем папиного старенького «Фольксвагена-Рэббита» с откидным верхом. Стекла опущены, музыка орет так громко, что я не слышу даже собственных мыслей. Чего, в принципе, и добивалась.

Я езжу вокруг острова: мимо маяка на мысе, большого местного кладбища с жуткими старинными семейными склепами, взлетно-посадочной полосы, рассчитанной на один самолет, а потом вдоль гавани до тех пор, пока снова не возвращаюсь к маяку. Больше мне некуда ехать. Последний паром отчалил с пристани несколько часов назад. Иначе бы я заявила к Ким без приглашения. Но я застряла на этом чертовом острове и теперь катаюсь по нему, круг за кругом.

Чему я вообще удивляюсь? Кем бы ни была та девушка, она уж точно ни в кого не плюется, не горбатится на паршивой работе, после которой от нее воняет рыбой, лишь для того, чтобы накопить на колледж. И никто не называет ни ее, ни ее семью отбросами. Я думала, что Алекс изменился за время нашего общения. Но моя ошибка в том, что я считала его другим. А это не так. Он такой же, как и все остальные. И, как все они, купился на ложь Ренни.

Когда я смотрю на часы в следующий раз, уже за полночь, а у меня осталась всего четверть бака. Отец убьет меня, если я снова верну машину на нуле. На острове всего несколько заправок, и я направляюсь напрямик к самой дешевой. Она находится возле «Бабочки», паршивого и слишком дорогого итальянского ресторана в Каноби-Блаффс, который так любят туристы.

Заправляя бак, я оглядываю парковку и неожиданно вижу их — Рива, Ренни, Пи Дджея и эту Эшлин, похожую на китайский болванчик. Лилии с ними нет. Думаю, она говорила правду и сейчас находится дома с Надей. Как бы там ни было, Ренни сидит на капоте пикапа Рива. Они расположились возле мусорных контейнеров и пьют, передавая бутылку вина по кругу.

Алекс мне об этом рассказывал. Ренни работает хостесом в «Бабочке». Она флиртует с барменами, и те дают ей спиртное бесплатно. Ренни выносит его вместе с мусором и после того, как ресторан закрывается и все расходится по домам, возвращается со своими тупоголовыми друзьями, и они пьют всю ночь.

Мне следует вызвать копов. Следует, но я не стану этого делать. Я не доносица.

Надеюсь, это сделает кто-то другой, потому что они очень шумят. Со своего места я слышу все, что они говорят.

Неожиданно дорогу освещают фары. Рив быстро стягивает Ренни вниз, и они прячутся за ее машину. Но затем Пи Джей выкрикивает:

— Это Алекс!

Вся компания выбегает на дорогу и останавливает его внедорожник.

— Нади! — визжит Ренни и подлетает к окну с пассажирской стороны. — А тебе разве не пора на боковую?

Я так и знала. Это была Надя!

Они общаются еще пару секунд, а потом Алекс жмет на гудок, чтобы согнать своих друзей с дороги. Наверное, он торопится отвезти Надю домой. Уже за полночь, а завтра в школу. Миссис Чо убьет Надю, если не застанет ее дома. Она классная, но при этом очень строгая женщина. Однажды, когда мы с Ренни плавали в бассейне, она в наказание отправила Лилию на целый час в свою комнату лишь за то, что ей показалось, та ведет себя грубо.

Когда Алекс отъезжает, Ренни замечает, что я на них смотрю, и, тыча в меня пальцем, кричит:

— Прости, Кэт, но не думаю, что на этой заправке принимают талоны на еду!

Я притворяюсь, что не слышу ее. Не хочу снова с ней цапаться.

— Кэт! Ты же не спустишь этого Ренни? Ну давай! Ты же крутая! — вопит Рив, а потом заливается смехом. — Лично я бы не стал с тобой связываться.

Из бака начинает вытекать бензин, и я трясущейся рукой вешаю пистолет обратно на колонку. Ренни думает, что если она ездит отдыхать с семьей Лилии на Сен-Бартелеми — или куда там еще, — то она им ровня. Но это не так. Сама она живет в двухкомнатной квартирке со своей незамужней матерью и вынуждена работать в «Бабочке». А подержанный джип, на котором она ездит, достался ей от женатого любовника матери. Ренни, может, и делает вид, что все совсем не так, но мы обе знаем правду: если я — отброс, то и она тоже.

* * *

Когда я возвращаюсь в свою комнату, у меня жужжит телефон. Это Алекс.

«Еще не спишь? Если хочешь поговорить, я рядом».

Я швыряю телефон через всю комнату. Вот придурок! Как будто я стану с ним разговаривать. Алекс не заслуживает того, чтобы со мной общаться. И определенно не заслуживает того, чтобы со мной целоваться. Он общается с такими ничтожествами, как Рив и Ренни. Считает их достойными людьми, и это делает его таким же, как они. От каждого из них меня тошнит. На этом острове им все сходит с рук. Они творят что хотят, посылая при этом всех и вся.

Сегодня той девушке в туалете я сказала, что Рив получит свое, что карма — еще та стерва. Я и правда так думала, но теперь не уверена. Разве Ренни хоть раз заплатила за причиненное мне зло? Ни разу. Я уже устала ждать эту карму. Да пошла она в задницу!

МЭРИ

Я сижу на уроке химии и с трудом пытаюсь разобрать записи мистера Харриса на доске. Он выписал ряд чисел и букв, чтобы объяснить нам экспоненциальное представление чисел. Должно быть, это схематичное изображение понятия «бесконечные числа». Вот только я лишь бесконечно запуталась. Казалось, мы изучаем естественные науки, а не математику.

Но у остальных учеников, похоже, нет проблем с пониманием того, что говорит мистер Харрис. Они кивают и записывают за ним в своих тетрадях. И так весь день, на каждом уроке, за исключением физкультуры. Складывается ощущение, что первогодки в старшей школе острова Джар куда умнее меня, а ведь я официально должна быть выпускницей. Раньше я была умной и всегда получала хорошие отметки в старой школе. Потом моя жизнь круто изменилась, и после истории с Ривом я стала отставать. Что, если меня переведут на класс ниже? Второгодка в восемнадцать лет? Ну уж нет. Этого не будет.

Мне хочется лечь головой на парту и никогда не просыпаться. Я смотрю на парня, сидящего рядом со мной. Каждый раз, когда мистер Харрис отворачивается, чтобы сделать запись на доске, тот острым концом ключа что-то царапает на своей парте. Я наклоняюсь ближе, чтобы получше рассмотреть надпись. И она гласит: «СЪЕШЬ МЕНЯ».

* * *

После первого дня Рива в моей школе я пыталась его избегать. Это было нелегко, потому что каждый день мы вместе плыли на пароме на остров Джар и обратно. Рив сидел в салоне вместе с остальными пассажирами, а я выходила на палубу, даже когда начало холодать. Меня это не беспокоило. Честно признаться, мне всегда нравилось сидеть на палубе. Но в один дождливый день он увидел, как я выхожу на улицу, и окликнул:

— Эй, Биг Изи⁵, подойди ко мне на секунду.

Биг Изи — это прозвище дал мне Рив после лекции по социологии о жителях Нового Орлеана и Марди-Гра⁶. Одноклассники мгновенно его подхватили. Единственным человеком в Монтессори, который звал меня по имени, был учитель. Для всех остальных я была Биг Изи.

Кто захотел бы обедать с Биг Изи? Или быть ее партнером на лабораторных? Или ночевать у нее дома? Никто. Я бы и сама не захотела с собой дружить. Так что как я могла винить Энн за то, что она от меня отказалась? Никак. Но мне все равно было больно.

Я хорошо помню, как в то утро звучал его голос. Скучающе. Я тогда подумала: неужели он меня заметил? Понял, что я выхожу под дождь, только чтобы быть подальше от него? Поэтому и позвал меня? Потому что ему стало стыдно?

Как бы мне хотелось вернуться назад и вытолкнуть себя из той двери под дождь. Но нет. Я подошла, как будто меня и правда звали Биг Изи. Я даже поздоровалась с ним, как с другом: «Привет, Рив». И улыбнулась. Я была ему признательна, потому что чувствовала себя одиноко.

Рив посмотрел на меня со своего места и через пару секунд тихо произнес:

— Сделай шаг вправо.

Я повиновалась.

Рив сполз с сиденья кресла, и та сложилась, как в кинотеатрах. Потом он встал на колени перед ней и спиной ко мне и что-то вытащил из кармана.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

Он не ответил, но я увидела, как начали подниматься и опускаться его плечи, и услышала царапающий звук.

Я оглянулась через плечо. Позади меня пожилая женщина в киоске читала газету в ожидании покупателей. Очевидно, почувствовав мой взгляд, она подняла голову и улыбнулась. Я выдавила из себя ответную улыбку, а потом отвернулась и сделала вид, что наблюдаю из окна за штормом.

И тогда-то я поняла, что Рив использовал меня как прикрытие.

Мне не хотелось попасть в неприятности. Но, с другой стороны, я чувствовала себя такой... полезной.

Закончив, Рив уселся обратно в кресло. Легким взмахом руки он открыл и закрыл нож.

— Я стащил его у своего брата, Люка, — сказал он.

Я не знала, уходить мне или остаться. К счастью, Рив весело добавил:

— Если хочешь, я покажу тебе, для чего используются разные лезвия.

Именно этим он и занимался до конца поездки.

Когда паром подошел к материку, Рив собрал свои вещи и ушел в туалет. Я ждала его возвращения. Но, так и не дождавшись, подошла к окну. Рив уже сошел с парома и направлялся по дороге в школу.

Я немного выждала, а потом не спеша, чтобы не догнать его, пошла следом.

* * *

Раздается звонок, и в кабинете сразу становится шумно. Как будто целый класс дружно задерживал дыхание сорок пять минут, а теперь наконец все могут друг с другом разговаривать. Ученики разбредаются по группам и направляются в коридор, оставляя меня позади.

Нет, я не ожидала, что, придя в школу острова Джар, мгновенно стану популярной. У меня нет на этот счет иллюзий. В Монтессори у меня не было миллиона друзей. Но очень многие со мной разговаривали. У меня было свое место во время обеда. Жизнь была прекрасна и идеальна, пока не появился Рив.

Зачем я вернулась? Чего хотела этим добиться?

Мне понадобилось много времени, чтобы прийти в себя. Но я это сделала. Мне стало лучше. Хотя сейчас кажется, что последних четырех лет вовсе и не существовало. Я чувствую себя так же паршиво, как и тогда. Я могла бы быть сейчас дома, с папой и мамой. А вместо этого нахожусь здесь, без друзей, в окружении плохих воспоминаний и парня, который превратил мою жизнь в ад.

Все, решено.

Я уезжаю.

Стоит мне принять это решение, как на душе сразу становится легче. Я собираю вещи, выхожу в коридор и вижу на другом конце Рива, такого же дерзкого и уверенного, как и всегда. Он медленно направляется по своим делам.

Идеально.

Теперь я точно знаю, что собираюсь сделать. Вчера он застал меня врасплох, но сегодня я готова. Я встану прямо перед ним и громко произнесу свое имя, *свое настоящее имя*. Пусть увидит, что не сломал меня. Что я здесь. А потом пошлю ему смачный прощальный поцелуй и переверну эту главу своей жизни раз и навсегда. Больше никаких сожалений. Потому что так жить нельзя.

Меня переполняет адреналин, когда я, расталкивая локтями окружающих, пробираюсь к нему.

— Рив! — кричу я с лестницы.

Он не оборачивается, а я не могу подойти ближе. Слишком много людей стоит у меня на пути. Целая стена.

— Эй, Рив! — снова кричу я, пробивая себе дорогу. Но он по-прежнему не слышит. — Рив! — Вдыхаю поглубже и ору еще громче: — РИВ!

И тут резкий порыв ветра одновременно захлопывает дверцы всех шкафчиков, от чего в коридоре раздается звук, похожий на удар металлического грома.

Рив останавливается и оглядывается по сторонам. Как и все остальные.

— Черт возьми, что это было? — спрашивает кто-то.

— А я знаю?

— Гроза?

— Чувак, мы только что вернулись с кросса. На улице светит солнце.

Целую секунду в воздухе висит тишина, а потом раздается второй звонок, и коридор снова оживает. Все направляются по своим делам.

Я разворачиваюсь и убегаю в противоположном направлении. «Нужно поскорее убраться отсюда», — это единственная мысль, которая крутится у меня в голове.

ЛИЛИЯ

Я оделась для школы и теперь лежу на кровати с широко открытыми глазами.

Ночью я так и не сомкнула глаз. Как я могла уснуть, если не знала, где находится моя родная сестра? Даже после того как Алекс привез Надю домой, после того как я услышала ее тихие шаги на лестнице и как со скрипом открылась и закрылась ее дверь, я не смогла заснуть.

Сомневаюсь, что Ренни заедет за мной. Только не после вчерашнего. Подождав до семи пятидесяти, я говорю Наде садиться в мою машину, потому что сегодня в школу отвезу я.

После этого ни одна из нас не произносит ни слова.

Всю дорогу я пытаюсь найти во всем этом хоть какой-нибудь смысл. Что они могли делать вдвоем посреди ночи? Может, он хотел вернуть свою рубашку и отвозил Надю к Жанель, чтобы забрать ее? Может, из-за моих слов она чувствовала себя такой виноватой, что захотела извиниться перед ним за то, что разлила «Клубничный дайкири» и, возможно, испачкала ковер или что-то еще? А может, они планировали вечеринку-сюрприз в честь моего дня рождения? Посреди ночи. В лесу.

Алекс Линд и моя младшая сестра. Даже не хочу об этом думать. Иначе меня начнет душить злость.

* * *

За пару минут до звонка к моему шкафчику подходит Ренни. На ней свободный топ с круглой горловиной, свисающий с одного плеча, легинсы и сандалии-гладиаторы, а в руке она, как букет цветов, держит два леденца на палочке.

— Предлагаю помириться, — говорит она. — Один — тебе, другой — мне.

— Нет, спасибо. — Неужели она правда думает, что леденец на палочке сможет все исправить? Если бы она не потащила меня на ту вечеринку, ничего бы этого не произошло.

— Я вчера пыталась позвонить тебе на мобильник. Наверное, ты была в мертвой зоне.

По правде сказать, практически весь остров — это мертвая зона.

— Ну, у меня не было пропущенных звонков. Почему не позвонила на домашний?

Я вижу, что она пытается придумать еще одну ложь. Но, судя по всему, ей ничего не приходит на ум, и она закусывает губу.

— Ладно. Мне очень жаль. Прости, что бросила тебя вчера. Я поступила по-свински. Но хватит уже злиться! Это глупо. Мы с тобой никогда не ссоримся. — Она прислоняется к соседнему шкафчику и взволнованно смотрит на меня. — Знаю, последние несколько дней выдались безумными, но обещаю тебе, что выпускной год все-таки будет потрясающим.

Я беру леденец и медленно его разворачиваю. Теперь мне уже плевать на выпускной год.

— Ну так что, мир?

Подняв взгляд, я замечаю Кэт. Она остановилась на лестнице и наблюдает за мной.

— Да, — быстро отвечаю я Ренни. — Мир.

— Отлично. Не сходишь со мной к миссис Гисмонд? Мне нужно занести лабораторную по естествознанию.

Я смотрю поверх плеча Ренни.

«Нам нужно поговорить», — одними губами произносит Кэт, и от этих слов у меня внутри все переворачивается.

— Вообще-то, мне нужно в администраторскую. Встретимся в классе. Хорошо?

Ренни кивает и целует меня в щеку.

— Скоро увидимся.

Я провожаю ее взглядом. Проходя мимо шкафчика Кэт, Ренни открывает его и, как в мусорную корзину, бросает внутрь наполовину съеденный леденец.

Как только она заворачивает за угол, я поднимаюсь к Кэт и спрашиваю:

— Чего тебе нужно?

— Не здесь. — Кэт осматривается по сторонам. — Я знаю место, где мы можем поговорить наедине, — говорит она, словно какой-то мафиози, пытающийся втянуть меня в свои делишки.

Я вздыхаю.

— Серьезно, Кэт, тебе пора завязывать с наркотой. Ты разрушаешь свой мозг. Мы — не подруги, забыла? И не были ими уже очень давно. Поэтому я не хочу, чтобы ты звонила мне или пыталась поговорить со мной в школе. Мне жаль, что Алекс развел тебя на секс, но...

— Я не спала с Алексом!

— Хорошо, но ты ему явно не интересна, потому что он встречается с другой. И это не моя сестра.

Кэт издает стон.

— Послушай, я не знаю, почему ты строишь из себя дурочку. Но вчера вечером, после обжиманий, Алекс повез Надю потусоваться с вашими друзьями на парковке возле «Бабочки».

Что?!

Кэт продолжает говорить, но уже гораздо медленнее, и при этом очень внимательно смотрит на меня. Это плохо, потому что я едва себя сдерживаю.

— Надя с Алексом подъехали на его внедорожнике, а Ренни подбежала к окну и приветственно поцеловала ее.

Мне хочется что-то сказать, хочется ответить Кэт, что она глубоко ошибается, но я не могу вымолвить ни слова.

Внезапно на лице Кэт появляется самодовольное выражение.

— Ой. Ренни не рассказала тебе, что они вместе тусовались? — Постучав указательным пальцем по губам, Кэт продолжает: — Ого. Это странно.

— С меня хватит. — Я собираюсь уйти, но она протягивает руку и останавливает меня.

— Мы обе это знаем, Лилия. — В том, как Кэт произносит мое имя, ощущается грусть, злость и немного мольбы. — Мы обе знаем, какая Ренни на самом деле.

Именно мольба в ее голосе вынуждает меня закусить губу и едва заметно кивнуть в знак согласия. После этого она меня отпускает.

* * *

Еще нет пяти, а солнце уже садится. Прищурившись, я поднимаю подбородок так, чтобы последние лучики падали на мои щеки.

— Хочешь, возьми мои очки, — из бассейна предлагает Ренни. — Они лежат на моей одежде.

Эшлин релаксирует между двумя аквапалками, а Ренни вытянулась на надувном матрасе и одной рукой держится за бортик бассейна, чтобы никуда не уплыть.

— Нет, спасибо, — отказываюсь я.

— Лил, лучше надень очки, иначе появятся гусиные лапки.

Я в ответ качаю головой. Я никогда не ношу очки — не хочу, чтобы окружающий мир казался темнее, чем он есть на самом деле. Я хочу как можно дольше наслаждаться дневным светом.

Мы тусуемся в бассейне у меня дома. Я попросила Ренни прийти, чтобы мы могли поговорить, но она взяла с собой Эшлин.

Я лежу на шезлонге и пытаюсь придумать, что же сказать Ренни. Попрошу ее остаться подольше, когда Эш соберется уходить, и дам возможность объясниться, рассказать, что, черт возьми, происходит между Алексом и Надей. И на этом все. С дружбой покончено.

Я прокручиваю свою речь в голове снова и снова, как вдруг до меня доносятся звуки музыки, которые становятся все громче. Басы. Я надеваю поверх бикини свитер и иду к воротам. Глядя в зазор между досками, я вижу, как Алекс вместе с Ривом, Дерекком и Пи Джемем паркуются возле моего дома.

Я резко разворачиваюсь. Ренни уже гребет руками, чтобы подплыть к лестнице.

— Зачем ты их пригласила?

Она качает головой так, словно я сморозила какую-то глупость.

— Рив перед тренировкой отправил мне сообщение и поинтересовался, чем я занимаюсь. Ну... я и сказала ему. А что?

Если бы Надя была дома, я бы заперла ворота. Но ее нет. Она ушла к подруге поработать над номером для выступления в группе поддержки.

Во двор заходят ребята. После тренировки от них несет потом, а одежда вся в зеленых пятнах от травы.

Эшлин подбегает и обнимает Дерекка, но быстро от него отстраняется.

— Фу! Парни, да от вас воняет.

Рив подмигивает Пи Джею, и через секунду они остаются в одних боксерах и ныряют в бассейн. Дерек бомбочкой прыгает вслед за ними, а потом и Эшлин с Ренни, держась за руки.

Как только они оказываются в воде, Алекс устраивается на одном из шезлонгов. Не совсем рядом со мной, но определенно ближе, чем мне бы хотелось. И в итоге я все же надеваю очки Ренни, чтобы спрятать за ними свою злость.

Должно быть, услышав всплеск, мама выходит на веранду. Рив и Пи Джей хором кричат ей из бассейна:

— Здравствуйте, миссис Чо!

— Здравствуйте, ребята! — А потом она замечает возле меня Алекса. — Алекс! Как дела? — Мама его обожает.

Алекс встает, строя из себя джентльмена.

— Здравствуйте, миссис Чо. У вас новая стрижка? Вам очень идет.

Мама с сияющим видом смотрит на меня, как бы говоря: «Ну разве он не милашка?» Да, он вполне ничего.

— Да, она действительно новая. Спасибо, что заметил, Алекс.

Я все жду, когда Алекс обратит на меня внимание, но этого не происходит. Он смотрит куда угодно, только не на меня. Может, он до сих пор злится? Или чувствует себя виноватым?

Когда мама возвращается в дом, парни выбираются из воды.

— Кто-нибудь, подайте мне полотенце, — словно король заявляет Рив.

— Лил, у тебя же есть для них полотенца? — спрашивает Ренни.

— Вообще-то, нет, — отвечаю я. — Наша домработница сейчас занимается стиркой.

Простите, но я могу дать только кухонные или бумажные.

Эшли и Ренни обмениваются взглядами. Пи Джей делает грустное лицо и начинает трястись. Я закатываю глаза и бросаю ему свое полотенце.

— Спасибо, Лил! — широко улыбаясь, говорит Пи Джей.

— Да, большое спасибо, — язвит Рив.

Эшлин отдает Дереку свое полотенце. Ренни тоже пытается вручить Риву свое, но тот отказывается. Вместо этого он проводит руками по животу, стряхивая воду, и хватается за одежду.

— В этом доме не знают, что такое гостеприимство. Поехали, Алекс?

— Ага.

— Пока, — прощаюсь я, подходя к воротам и открывая их.

Рив показывает мне пальцами пацифик⁷ и, качая головой, выходит. С каких это пор Рив Табатски стал примером хороших манер? Я видела, как он вытаскивает еду из мусорного ведра. Это было у Алекса дома, но все же.

Парни уходят вслед за Ривом, а Ренни и Эшлин заходят в дом, чтобы переодеться. Я остаюсь возле ворот и прислоняюсь к забору. Неожиданно до меня доносится разговор, который происходит по другую сторону. Алекс не уехал, и его машина все еще стоит на подъездной дорожке.

— Боже, Чо такая сучка. — Слышу я голос Рива. — Как думаешь, она знает, что вы с Надей вместе ночевали?

У меня вырывается судорожный вздох.

— Уверен, что нет. Надя поклялась ей, что ночевала у подруги, Жанель. Она ни за что ей не расскажет.

— Лучше, чтобы так оно и было, — вмешивается Дерек.

А потом снова раздается голос Рива:

— Бро, зачем тебе это? Ну, общался бы себе с Дебрассио. Уважаю эту девчонку. Она знает себе цену.

Алекс заводит машину.

— Я знаю, что делаю.

Сзади ко мне подходит Ренни и кладет руку на плечо.

— Ой, а где Эш? — подпрыгнув от неожиданности, спрашиваю я.

— Она в туалете. Лил, не знаю, как еще это сказать, но... тебе нужно взять себя в руки.

— Что ты имеешь в виду?

У меня до сих пор пугаются мысли. Надя ночевала у парня. И не просто у какого-то парня, а у Линди. У того, кого я считала своим другом и которому доверяла целиком и полностью. Не знаю, почему я была такой наивной. Парням нельзя доверять. Ни одному из них.

— Эти ребята — наши друзья, а ты даже не захотела дать им полотенца? Сегодня среда, и Карлота не работает. Я не собиралась уличать тебя перед всеми во лжи, но послушай. — Она осматривается по сторонам и, понизив голос, продолжает: — Лил, тебе нужно расслабиться, иначе люди поймут, что с тобой что-то не так.

Я не могу нормально думать и, чтобы не упасть, прислоняюсь к забору.

— Ты права, — через силу произношу я. Я скажу ей что угодно, лишь бы она заткнулась.

Но она не затыкается. Наоборот, ее глаза загораются.

— Боже мой! Я же не рассказала тебе, что произошло вчера у «Бабочки»!

Ну вот. Наконец-то.

— И что же?

— Мы с Ривом поцеловались! Конечно, это длилось всего секунду. Он отстранился и сказал, что я слишком важна для него, чтобы заниматься со мной случайным сексом. Ну разве это не мило? Говорю тебе, мы близки к тому, чтобы объявить себя парой. — С этими словами она кружится так, будто уже представляет себя в свадебном платье.

Я выдавливаю из себя улыбку.

— Вы идеально подходите друг другу. Правда.

* * *

После ужина я слышу, что Надя смотрит телевизор в гостиной, но не присоединяюсь к ней. Я едва могла смотреть на нее за столом, поэтому направляюсь напрямик в свою комнату, ложусь на кровать и начинаю размышлять о том, что мне делать теперь, когда доверять больше некому.

Мой телефон пиликает от входящего сообщения, я протягиваю руку и беру его с тумбочки. Отправлено с незнакомого номера.

«Это Карма. Я еще та стерва. Знаешь кого-нибудь, кто заслуживает моего удара?»

О да. Знаю. Даже нескольких.

Телефон пиликает снова.

«Если знаешь, то встретимся у «Голубоглазой Джуди» в два часа ночи. Если нет, то усаживайся поудобнее и наслаждайся шоу».

Кэт всегда говорила, что именно так назовет свою лодку, если та когда-нибудь у нее появится. В честь своей мамы. Это была любимая песня Джуди.

МЭРИ

Это была не я. Это не могла быть я.

Что бы ни произошло в школе, что бы это ни было, я даже не хочу об этом думать. Мне просто хочется убраться отсюда. С этого острова, подальше от Рива и всего, что напоминает о нем и том, какой я когда-то была.

Вернувшись домой, я вижу на подъездной дорожке «вольво» тетушки Бетт. Потихоньку опускаю свой велосипед на газон и пячусь назад, в сторону улицы. Не нужна мне одежда и платья. Тетушка Бетт сможет их выслать позже. Все, что я хочу, — это сесть на ближайший паром до материка.

Выйдя на дорогу, я оборачиваюсь и бросаю последний взгляд на дом. Пытаюсь в точности запечатлеть в памяти оттенок серой кедровой черепицы, напоминающий мне небо перед летними ливнями. Пересчитываю количество ставней в каждом окне. Двенадцать. И пальцем повторяю в воздухе все изгибы дорожки из булыжников. Я стараюсь запомнить все, потому что в последний раз вижу этот дом. Я никогда сюда не вернусь. Никогда.

А потом, сделав глубокий вдох, я начинаю спускаться с холма в сторону пристани и всю дорогу отчаянно пытаюсь сдерживать слезы. Я, наверное, сошла с ума, раз решила, что Рив когда-нибудь извинится за все те ужасные вещи, что совершил со мной. В глубине души я всегда надеялась, что имела для него значение. Что, несмотря на все произошедшее, между нами было что-то настоящее. Что ему было не наплевать на меня. Что он сожалел о содеянном.

Теперь-то я точно знаю, что ошибалась. Он никогда и не собирался извиняться передо мной или признавать то, что сделал. А значит, у меня нет причин здесь оставаться.

С гулко бьющимся сердцем я добираюсь до пристани. Из-за тяжелого дыхания мне сложно говорить, поэтому, подойдя к билетной кассе, я ненадолго останавливаюсь в стороне, чтобы отдышаться, и наблюдаю за тем, как причаливает судно и начинается посадка пассажиров на борт. Женщина позади меня занимает мое место в очереди. Она хочет купить билет, но все места на четырехчасовой паром распроданы. Ближайший — в шесть часов вечера.

Темнеет. Очередь за билетами становится длиннее, а я продолжаю стоять в стороне. Стоять, наблюдать и ждать. Мне хочется вернуться в очередь и купить билет. Очень хочется. Все внутри меня просто кричит: «Иди, иди, иди, иди!» Но я не могу. Что-то меня останавливает. Что-то меня здесь держит.

Что со мной происходит?

КЭТ

Небо затянуто тучами, поэтому я опустила складной верх папиного автомобиля. Часы на приборной панели показывают час сорок пять ночи.

Я проверяю свой телефон в последний раз, а потом бросаю его на заднее сиденье. Ни звонков, ни сообщений. Ничего. Она не придет.

И почему я такая дура?

Мне стоило держать планы о мести при себе. Мечь — это блюдо, которое подают в одиночестве. По крайней мере, именно это я где-то слышала. К тому же я не знаю, как мне может помочь Лилия. В отличие от моего, ее мозг не способен на темные мысли. Она слишком чиста для этого. Даже несмотря на то, что происходит между ней и Ренни, Лилия никогда не предаст подругу. И зная ее, она сейчас, скорее всего, зачитывает мое сообщение вслух, а Ренни надрывает живот от смеха. Я слишком разгорячилась и посмотрите, что из этого вышло: моя месть закончится, даже не начавшись.

Да пошло оно все! Я просто поеду домой и займусь подачей документов в Оберлин. Мысль о том, что я наконец уберусь с этого острова навсегда — единственное, что будет поддерживать меня в течение этого года.

Я заезжаю на парковку причала, чтобы развернуться. Огни не горят, место выглядит пустынным, и только на бордюре, поставив локти на колени и зажав голову руками, одиноко сидит какая-то девушка. Ее светлые волосы перекинута на одно плечо.

Я подумываю проехать мимо нее, но что-то заставляет меня сбавить скорость. Подъехав ближе, я понимаю, что это та девушка из туалета.

— Девушка из туалета, — говорю я, притормаживая рядом с ней.

— Меня зовут Мэри, — отзывается она, пожевывая прядь волос.

— Я знаю, — не моргнув глазом вру я. — Просто пошутила. — Покачав головой, я начинаю разговор сначала: — Какого черта ты тут делаешь так поздно?

— Мне нужно уехать с острова, — отвечает она, с безумным отчаянием глядя на меня.

— Ты ведь знаешь, что уже почти два ночи? Следующий паром будет только завтра, а последний ушел где-то три часа назад.

Мэри ничего не отвечает. Она просто пялится в сторону пирса. В такой темноте даже сложно разглядеть, где вода, а где небо, потому что все одинаково черное.

— По-моему, я схожу с ума.

Она так откровенно признается в этом, что я ей верю. Эта девушка очень странная. Но мне нужно ехать к яхт-клубу. Если есть хоть какой-то мизерный шанс, что Лилия появится, я должна ждать ее там.

— Тебя подвезти до дома или куда-нибудь еще? — спрашиваю я, надеясь, что она откажется.

— Я просто подожду. Может, к утру все-таки решусь уехать.

— Ты собираешься просидеть здесь всю ночь?

— До утра осталось всего несколько часов. А потом я больше никогда не увижу это место.

— А где твои вещи? Ты что, приехала сюда налегке?

— Я... я заберу их как-нибудь в другой раз.

Бред какой-то. Девчонка определенно сходит с ума.

— Это из-за Рива?

Мэри опускает глаза.

— Это всегда было только из-за Рива.

Я уже собираюсь дать ей совет, чтобы она его послала, как вдруг замечаю серебристую «ауди» Лилии, которая мчится по дороге и сворачивает в первый поворот направо — тот, что ведет на парковку возле яхт-клуба. Не могу поверить. Она приехала. Она действительно приехала.

— Вставай, — велю я Мэри. Может, я и стерва, но не могу оставить эту бедняжку одну в ночи.

— Я...

— Пошевеливайся!

На какую-то долю секунды Мэри выглядит так, будто собирается заспорить со мной. Начнет, и я уеду. У меня нет времени с ней возиться. Лилия, возможно, даже не выйдет из машины, если не увидит меня на месте. Помедлив, Мэри все же встает и пытается открыть дверцу, но ее заклинило.

— Она заперта.

— Отпусти ручку, — говорю я и жму на кнопку разблокировки, но, когда Мэри вновь пытается ее открыть, та все равно не поддается. О боже!

— Просто залезай внутрь!

— Кого ты преследуешь? — спрашивает она, когда я набираю скорость, чтобы нагнать Лилию.

Я ничего не отвечаю. Просто продолжаю ехать.

Когда мы заезжаем на парковку, Лилия уже стоит возле своей машины. На ней облегающая толстовка с капюшоном, закатанные пижамные штаны с розовыми и красными сердечками и шлепки. Волосы она собрала в длинный хвост. В лунном свете они выглядят влажными. Наверное, она только что из ванны. Это своего рода странность Лилии. Она каждый вечер, как ребенок, принимает ванну. Полагаю, некоторые привычки никогда не меняются.

— Ты опоздала, Кэт, — ворчит она, а потом замечает Мэри и крепко сжимает в руке ключи от машины.

Я выбираюсь из автомобиля и подхожу к ней. Я одновременно взволнованна и рада, что Лилия приехала, но стараюсь этого не показывать.

— Ее нужно было подвезти, — шепчу я. — Не переживай. Все нормально.

— Кэт... — Лилия со злостью смотрит на меня. — Я не стану разговаривать в ее присутствии!

Очевидно услышав нас, Мэри выкрикивает:

— Все в порядке. Я могу уйти. — И начинает вылезать из машины.

Я поднимаю руку, прося Лилию дать мне время со всем разобраться, и перевожу взгляд на Мэри.

— Что, уедешь завтра утром с острова Джар как маленькая испуганная девчонка?

— Да, я боюсь. Ужасно боюсь.

— Рива Табатски? — Теперь я уже зла. Этой девчонке не помешает выработать характер, причем как можно скорее. — Он ничего тебе не сделает. Я не позволю ему и пальцем тебя коснуться.

— Я не об этом беспокоюсь, — отвечает Мэри, прикрывая лицо ладонями. — Дело во

мне. Я сама себе проблема. Я... я просто не могу со всем этим справиться. Не могу оставить все в прошлом и жить дальше.

— Понятно. Тебя замкнуло, потому что справедливость не восторжествовала, а Рив так и не получил по заслугам.

Лилия качает головой.

— Забудьте об этом. Я вне игры. — С этими словами она отключает сигнализацию на машине. Фары вспыхивают, напоминая мне маяк, и двери отпираются.

Я подхожу к водительской двери и закрываю спиной ручку, преграждая Лилию путь.

— Не уезжай. Ты бы не приехала, если бы не хотела наказать Алекса так же сильно, как я хочу наказать Ренни.

Мэри медленно приближается к нам.

— Что тебе сделал Алекс?

Немного помолчав, Лилия все же отвечает:

— Не мне, моей сестре.

Нам обеим: и Наде, и мне. Не то чтобы меня это сильно травмировало. Ничего, кроме глупых обжиманий между нами не было. Могло бы зайти дальше, но он все испортил. Я уже пережила это. Ну, почти.

— Простите меня. Я не хотела вам мешать. Я сейчас уйду, — говорит Мэри. — Обещаю, что никому ничего не расскажу. Вы можете мне верить. Я лучше любого на этом острове знаю, как могут тяготить подобные вещи. Я просто... думаю, круто, что вы решили что-то с этим сделать. — Она разворачивается и направляется в сторону парома. — Удачи вам.

Мы с Лилией обмениваемся взглядами.

— Подожди! — кричу я. Мэри поворачивается и смотрит на нас. — Хочешь поучаствовать в этом, Мэри? Помоги нам... а мы поможем тебе поквитаться с Ривом.

Я боюсь перевести взгляд на Лилию, потому что знаю, что она, скорее всего, в ярости. Но она не произносит ни слова. И не уходит.

— Зачем вам это? Вы же даже меня не знаете.

Мэри напряженно и не мигая смотрит на меня, и я сбиваюсь с мысли. Мне требуется целая секунда, чтобы взять себя в руки.

— Мне не нужно тебя знать, чтобы понимать, как ты погрязла в том, что случилось несколько лет назад. К тому же мы поможем не задаром. Тебе тоже придется запачкать ручки. Но мы это сделаем вместе. Втроем.

Мэри смотрит на меня и Лилию так долго, что я начинаю нервничать.

— Если вы поможете мне наказать Рива, я сделаю все, что захотите, — наконец произносит она.

Поджав губы, Лилия качает головой, но не уходит.

— Я не знаю.

— Ты только подумай, — говорю я ей. От возбуждения я чуть ли не подпрыгиваю на месте. — Мэри — новенькая. Ее никто не знает, а значит, не будет подозревать. К тому же еще один человек нам не помешает. — Мои слова явно не убеждают Лилию, поэтому я, всплеснув руками, продолжаю: — Ты ведь доверилась мне и пришла сюда. Тебе нужно лишь довериться мне еще немного. Интуиция мне подсказывает, что у нас все получится.

— То есть мы будем мстить Ренни, Алексу и Риву? — покусывая губу, спрашивает она. — Грубо говоря, ты просишь, чтобы я помогла наказать всех своих друзей.

«Может, тебе не стоит дружить с такими придурками», — вертится у меня на языке. Но я перебарываю себя и, кивнув, дипломатично отвечаю:

— Я все понимаю. Ты теряешь больше всех. Поэтому в первую очередь мы разберемся с Алексом. Давайте отойдем в другое место и составим план. Вон там, на причале, стоит моя лодка.

— Ни за что, Кэт! — мгновенно восклицает Лилия.

— Ты так и не научилась плавать, Лил? — подшучиваю я над ней.

— Мне просто это не нужно, — краснея, отвечает она.

— Будет безопаснее, если мы поговорим на лодке, — настаиваю я. — Там нас никто не сможет подслушать.

Лилия закатывает глаза и обводит руками вокруг.

— Кто нас может услышать?

Лилия Чо. Она всегда думает, что знает все лучше всех.

— Сюда приезжает куча богатеев со своими любовницами. А еще охрана. И копы. Если хочешь, чтобы тебя арестовали, то я...

— А может, тогда стоило выбрать место получше? — огрызается в ответ Лилия.

— Давайте пойдем на лодку, — просит Мэри. — Мы ведь все равно уже здесь.

— Ладно, — ворчит Лилия.

Повернувшись спиной к луне, я веду их через всю пристань. Мэри идет рядом со мной, а Лилия — в нескольких шагах позади.

По пути я мысленно обдумываю все возможные варианты: как мы это сделаем и с чего лучше начать. Я уже немного размышляла над этим, на случай если Лилия сегодня появится. Но теперь, когда с нами еще и Мэри, я должна внести несколько изменений. Я знаю, что ради спокойствия Лилии мне нужно выглядеть подготовленной. Эта девчонка пугливее, чем кошка во время грозы. Один раз чихнешь, и она убежит.

Когда Мэри показывает на скоростные яхты и спрашивает, нет ли среди них моей, я едва ее слышу, поэтому ей приходится повторить свой вопрос еще раз.

— Не совсем, — покачав головой, отвечаю я.

Благодаря работе в клубе я могу швартоваться на причале бесплатно. Но, понятное дело, не рядом с этими яхтами. Моя привязана позади бензоколонок, на старом причале, где босс хранит свой хлам и старые поломанные лодки, которые он купил по дешевке на запчасти.

— Будьте осторожны, — предупреждаю я. — Доски тут прогнившие, и из них торчит куча ржавых гвоздей. Мне так и не удалось вытащить занозу из пятки после того, как один придурок причалил на такой скорости, что меня смыло волной с моей лодки.

— Какой ужас! — восклицает Мэри.

Я киваю.

— И он даже не извинился. Богачи никогда не извиняются.

Лилия закатывает глаза, но не произносит ни слова.

Я снимаю брезент со своей парусной лодки, сворачиваю его и убираю в люк. Давненько я не выходила на ней в море. Наверное, где-то с июля, а все потому, что мы с Алексом тусовались на его катере: с откидными кожаными сиденьями, потрясающей стереосистемой и холодильником для напитков. По какой-то странной причине я чувствую себя немного виноватой. Потому что забыла, кем была до встречи с ним. Забыла о важных для меня вещах: о ремонте лодки и общении с настоящими друзьями. Никогда не думала, что стану одной из

тех девушек, которые поступаются своими принципами ради парня. Особенно ради такого плейбоя, как Алекс Линд.

— Заходите, — приглашаю я, подключая прожектор к аккумулятору. Яркий луч света мгновенно прорезает темноту, освещая верхушки волн. Восхитительное зрелище.

Лилия ступает на борт и замирает, почувствовав качание лодки. А потом отпрыгивает назад, как испуганный кролик. Она чуть не сбивает с ног Мэри, которая тоже, судя по всему, нервничает.

— Давайте поговорим здесь, — сложив руки на груди, говорит Лилия.

— Я хожу под парусом с тех пор, как научилась поворачивать штурвал! Да я чувствую себя в большей безопасности, управляя лодкой, чем машиной, — смеюсь, отвечаю я.

— Я сказала, что не поднимусь на эту штуковину, — рывкает Лилия. — Либо мы говорим здесь, либо я ухожу.

Пробурчав себе под нос «Примадонна», я отключаю прожектор и схожу на причал.

Мы садимся полукругом, и меня внезапно озаряет, что я уже одержала победу, потому что лучшая подруга Ренни сидит здесь и обещает мне помочь с ней поквитаться. Алекс тоже получит свое. Мне глубоко наплевать на Рива, но будет неплохо увидеть, как он расплачивается за свои деяния. Получается своего рода акция «три по цене одного».

— Нужно установить несколько правил, — говорю я, вытянув ноги перед собой. — Во-первых, я считаю, что каждая из нас должна участвовать во всех трех актах мести. Таким образом никто не сможет отказаться или обвинить в чем-то другого.

— Это само собой разумеется, — буркает Лилия.

Я бросаю на нее раздраженный взгляд, но все же продолжаю:

— Во-вторых, никто не должен видеть, как мы общаемся. Никогда.

— Да. Это имеет смысл, — кивает Мэри, соглашаясь со мной.

— На самом деле, мне кажется, что даже слать друг другу сообщения может быть слишком рискованно, — продолжаю я. — Лилия, что, если Ренни возьмет твой телефон и увидит мой номер?

— Не то чтобы Ренни рылась в моем телефоне, но да, я с тобой согласна, — уткнувшись взглядом в колени, отвечает Лилия. — Нам нужно соблюдать осторожность.

— И не просто осторожность, — замечаю я. — Никто и никогда не должен узнать, что мы замыслием. Эта тайна должна умереть вместе с нами. — После этих слов я прочищаю горло, потому что наступает черед самой важной части моей речи. — И если мы собираемся это сделать, то ни одна из нас не может выйти из игры на полпути. Если ты участвуешь, то должна пройти весь путь до конца. Пока мы все не получим желаемого. Если нет, то... мы откроем сезон охоты. За это время мы насобираем столько информации, что сможем использовать ее против тебя. Если вы не готовы в этом поклясться, то мы просто сделаем вид, что сегодняшнего вечера не было.

Первой кивает Мэри, а следом за ней и Лилия. Я улыбаюсь, потому что, черт возьми, мы это сделаем!

— Что ж, тогда решено, — подвожу итог я. — Теперь нужно придумать, как мы поступим с Ренни, Алексом и Ривом.

— Сначала с Алексом, — поправляет меня Лилия, и мы молча смотрим друг на друга. — Итак, каков план?

— Не думайте, что я буду делать за вас всю работу, — возмущаюсь я. — Я составила правила!

Лилия поджимает губы.

— Серьезно? Я думала, что ты уже все продумала. Что у тебя есть что-то типа записной книжки со списком всех, кого ты ненавидишь, и перечнем того, как им отомстишь. — Ее голос звучит разочарованно, но от ее слов во мне поднимается странное чувство гордости.

Я с ходу начинаю предлагать варианты:

— Хорошо. Мы знаем, что Алекс помешан на своем внедорожнике. Можно разрисовать его краской или сделать что-нибудь с двигателем...

— Это слишком просто, — перебивает меня Лилия.

— А у него есть домашнее животное? — спрашивает Мэри. — Можно его похитить и... убить! — Мы с Лилией обмениваемся шокированными взглядами, а Мэри хихикает. — Насчет последнего я пошутила. Я люблю животных!

Я продолжаю предлагать варианты:

— Можно взломать школьный компьютер и изменить его оценки. Сделать так, что его примут лишь в один-единственный колледж — в местный. Отец выпорот Алекса, если тот не поступит в университет Лиги плюща.

— Я не умею ничего взламывать, — вздохнув, отмечает мою идею Лилия. — Сомневаюсь, что и ты можешь, Кэт. Как насчет тебя, Мэри?

Девушка качает головой.

— Думаю, у меня есть идея получше, — продолжает Лилия. Я начинаю злиться, но ее следующие слова все меняют: — Я предлагаю сделать так, чтобы ни одна девушка с острова Джар больше никогда не захотела встречаться с Алексом Линдом. Ну... и как это можно осуществить?

В том, как Лилия это произносит, что-то есть: подавшись в темноте вперед, с широко открытыми глазами, в которых читается спокойствие. Она определенно настроена решительно.

— Черт возьми, да! — хлопаю я в ладоши, потому что не могу удержать своей радости.

ЛИЛИЯ

В пятницу после тренировки мы с Ренни идем по парковке, и она берет меня под руку.

— Итак, чем хочешь сегодня заняться?

— Ой, а ты разве не работаешь? — Я полагала, что работает. Надеялась на это.

Ренни качает головой.

— Терри меня подменит. Я хочу повеселиться! — Последнее предложение она произносит детским голоском.

— Гм, — протягиваю я, делая вид, что думаю. Но на самом деле мне просто хочется поехать домой, лечь на кровать и отдаться размышлениям о том, как еще можно насолить Алексу. На уроке мне удалось отключиться от всего и представить, как будет здорово, когда мы начнем претворять в жизнь свои планы насчет него. Точно бальзам на душу. Я не была так счастлива с тех пор, как... в общем, довольно давно.

Вчера во время обеда Ренни заметила, что я улыбаюсь, и спросила:

— И чему это ты так радуешься?

Я чуть не подавилась роллом с курицей. Мне еще никогда не доводилось хранить такие большие секреты. Помню, когда мама планировала вечеринку-сюрприз в честь папиного пятидесятилетия, я так боялась проболтаться, что две недели проходила с больным животом. А пока отец ночью поправлял мое одеяло, я думала: «Ничего не говори, только ничего не говори». Я переживала, что проговорюсь просто потому, что была слишком сосредоточена на том, как бы удержать этот секрет при себе.

Но мне удалось справиться с этой задачей. Я сказала Ренни, что думала о том, куда мы отправимся в мае после выпускного. Мы всегда планировали поехать куда-нибудь вместе, только я и она.

— Может, на Фиджи. Или на Мальдивы, — сказала я.

Ренни больше никогда не будет выглядеть в моих глазах как прежде. Но в какой-то степени я рада, что мне пока не нужно ничего с этим делать. Моя основная претензия направлена на Алекса, и именно на ней я сосредоточу все свое внимание.

Часть меня — наверное, тоскующая по прошлому — хочет взять и рассказать Ренни о том, что я собираюсь сделать. Ей бы это понравилось. Уверена, уж она-то придумала бы множество жутких и извращенных способов напакостить Алексу. Я бы не додумалась до них и за миллион лет. Но, конечно же, я ничего ей не рассказываю. Потому что, когда мы покончим с Алексом, следующая на очереди будет именно она.

А пока мне просто нужно сохранять спокойствие. Чем более нормальной я буду выглядеть в глазах других, тем меньше шансов, что они заподозрят о моем участии. Это очень важно. Никто не должен ни о чем узнать. Никогда.

— Поехали ко мне на ужин, там все и решим? — предлагает Ренни.

— С радостью, — улыбаюсь я.

Я оставляю свою машину на школьной парковке, и Ренни отвозит меня на джипе к себе. Комплекс, где она живет, называется «Чайки». Вывеска с его названием подсвечена софитами, а возле парадного входа красиво высажены цветы и большие кусты армерии. Но стоит вам пройти к воротам, как все становится гораздо хуже. Раньше нужно было набирать код, чтобы зайти внутрь, но ворота сломаны вот уже целое лето и теперь просто закрываются с помощью веревки. С тех пор как прошлой весной в «Чайках» было совершено несколько

ограблений, моему папе не нравится, что я прихожу сюда.

— Кто-то должен починить эти ворота, — замечаю я, когда мы проезжаем через них, а потом достаю из сумочки виноградный леденец, разворачиваю и предлагаю Ренни лизнуть его первой. Она качает головой, а я добавляю: — Это ведь небезопасно. Сюда любой может войти.

Ренни пожимает плечами.

— У нас ужасная управляющая компания. Помнишь, сколько им понадобилось времени, чтобы починить душ? Мама поговаривает, что в конце этого года хочет переехать с острова.

— Серьезно? — перестав сосать леденец, спрашиваю я.

— Ну здрасьте! Она ведь хотела переехать еще прошлой весной, когда нам подняли арендную плату.

Я помню. Мы тогда еще плакали и умоляли мисс Хольц изменить свое решение. Мы даже предложили ей, чтобы Ренни пожила у меня весь выпускной год. И когда мисс Хольц увидела, насколько решительно Ренни настроена остаться, она сдалась.

— В общем, сейчас она встречается с парнем, который живет на материке. Рик ресторатор, — скорчив лицо, произносит Ренни. — Он владеет закуской или чем-то таким же убогим. Мама ездит к нему каждые выходные и тратит кучу денег на паром. Она уже подумывает о том, чтобы пройти курсы и стать агентом по недвижимости. Уверена, она разорвет договор аренды на свою галерею еще до начала июня.

— Но твоя мама очень любит галерею.

— Да, любит, но с недавних пор у нас стало слишком туго с финансами. Не забывай, что мне только что исполнилось восемнадцать, а это значит, конец алиментам от ПГ.

Я молчу — никогда не знаю, что сказать, когда она упоминает своего отца. Он оставил их, когда Ренни было три года, и с тех пор она видела его всего дважды. Раньше он звонил на ее дни рождения, но после того, как снова женился и завел детей, перестал. Сейчас он живет где-то в Аризоне. Ренни очень редко о нем говорит, а если делает это, то всегда называет его ПГ — папаша-голодранец.

— Кажется таким нереальным, — вздыхает она, — что, когда в следующем году в колледже у нас наступят каникулы в честь Дня благодарения, мы уже не будем жить в десяти минутах друг от друга, нас будет разделять океан.

— Но ты ведь переезжаешь не в другую страну, — замечаю я, чувствуя облегчение от того, что она больше не говорит о деньгах или своем отце. — Поездка на пароме — не такая уж и большая проблема.

— Это огромная проблема, и ты сама это знаешь, — отвечает Ренни. — Все изменится.

Я думала об этом еще до того, как между нами все пошло наперекосяк. Поступив в колледж и уехав, мы расстанемся и уже перестанем нуждаться друг в друге. Может, оно и хорошо. Если Ренни не будет тут на каникулах, все станет гораздо проще.

Жилой комплекс состоит из трех одинаковых строений, расположенных вокруг маленького бассейна посреди двора. Мы обходим его по пути к входу в здание, где живет Ренни. За все время я так ни разу и не заходила в этот бассейн. Мне кажется странным плавать под кухонными окнами сотен людей. К тому же мой бассейн все равно раза в три больше этого. Поэтому мы всегда плаваем у меня.

Ренни шарит у себя в сумке, пытаюсь найти ключи, как вдруг дверь в ее квартиру открывается и появляется мисс Хольц с гладкими, красиво уложенными феном волосами. На

ней серо-белое платье с запахом, крупные бусы и серебряные серьги-кольца.

— Как я выгляжу? — спрашивает она, кружась перед нами.

— Очаровательно! — прищурившись, отвечает Ренни. — Но тебе нужна другая помада. Поярче.

— А еще вы, кажется, забыли про ценник, — замечаю я, после чего подхожу к буфету, достаю из шкафчика ножницы и срезаю бирку.

— Нужно рассказать твоей маме об этом магазине, Лилия, — говорит мисс Хольц. — В нем такие скидки на дизайнерскую одежду. Только посмотри на ценник, это пятисотдолларовое платье Дианы фон Фюрстенберг я купила всего за шестьдесят баксов!

— Я же говорила, мам. Этому принту вот уже два года, — недовольно ворчит Ренни. — Правда, Лил?

— Не знаю, — отвечаю я, хотя подруга права. У моей мамы такой же принт, только на блузке, но она уже давно ее не носит. — Оно отлично на вас смотрится.

— Спасибо, милая. — Мисс Хольц притягивает меня к себе и расцеловывает в обе щеки. — Ой, девочки, вы должны заехать в галерею. Сегодня я выставляю одного замечательного местного художника, который делает витражи с изображением воды. — Наверное, ни я, ни Ренни не выражаем особого энтузиазма, поэтому она добавляет: — Я позволю вам выпить немного вина, если вы пообещаете сидеть в подсобке и не высовываться.

— Мы подумаем, — говорит Ренни, тайком бросая на меня взгляд, в котором ясно читается: «Ни в коем случае». И алкоголь тут не поможет. Во-первых, вино там отстойное. А во-вторых, у Ренни под кроватью спрятаны как минимум три бутылки ванильной водки. Ей подругу снабжают бармены из «Бабочки».

Мисс Хольц заказывает нам по половинке пиццы: с грибами и луком для Ренни и с сыром для меня. Мы уходим в комнату Ренни, чтобы, пока ждем, накрасить ногти. Я выбираю светло-розовый оттенок «Пуанты». Он настолько бледный, что кажется почти белым. Ренни делает свой выбор в пользу ярко-оранжевого «Ча-ча-ча». Когда лак на ее ногтях высыхает, она уходит в душ, а я плюхаюсь на кровать.

В комнате Ренни целая стена посвящена нашей дружбе. На ней висят также фотографии Эшлин, Рива и всех остальных, но центральное место отведено нам. Вот эти снимки мы сделали когда-то в фотобудке на выставке, а эта открытка с изображением нью-йоркского метро, куда нас возила моя мама на мой четырнадцатый день рождения. Бродвейская программка из того же путешествия. Мне грустно смотреть на эти воспоминания, которые кажутся таким далеким прошлым.

Тут в дверь просовывает голову мисс Хольц и говорит:

— Пицца уже здесь, Лил.

— Хорошо, — радостно сверкнув улыбкой, отвечаю я. — Спасибо, Пейдж. — Мне немного неловко обращаться к маме Ренни по имени, но она всегда на этом настаивает.

Вместо того чтобы уйти, она прислоняется к дверному косяку.

— Я так рада, что ты сегодня пришла. Знаешь, я только утром сказала Ренни: «Что-то я не видела мою Лилию целую вечность!» — Прошла всего неделя, и это не было бы странным, если бы мы с Ренни чуть ли не жили вместе. Вот сколько времени мы обычно проводим друг с другом. Между нами повисает молчание, и я не знаю, ждет ли мисс Хольц от меня каких-то объяснений, но потом, весело рассмеявшись, она продолжает: — Не волнуйся, милая! Я не злюсь на тебя, потому что знаю, как вы заняты в школе и на

тренировках.

Я киваю, будто дело именно в этом.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя. Ты моя любимица из всех друзей Ренни, милая. Я просто хочу, чтобы вы, девочки, так и оставались близкими подругами.

Я снова киваю. Мисс Хольц постоянно твердит мне о том, что я ее любимица. Да, это приятный комплимент, но сегодня он вызывает во мне чувство неловкости. А может, это просто говорит моя нечистая совесть.

Из душа выходит Ренни в двух полотенцах: одно обернуто вокруг тела, второе — вокруг головы.

— Рен, пиццу уже привезли, — говорит мисс Хольц.

— Круто. Спасибо, мам. Желаю хорошего вечера! — отвечает Ренни и практически захлопывает дверь прямо перед лицом матери.

После этого она снимает с головы полотенце и бросает его на кровать. Ей приходится отключить кондиционер, чтобы воткнуть в освободившуюся розетку фен. Я встаю и, дабы в комнате не стало слишком жарко, открываю окно. Ренни садится на пол перед зеркалом, висящим на двери в ее спальню, и начинает сушить волосы круглой щеткой.

— Так чем займемся вечером? — спрашивает она.

Я слезаю с кровати и на коленях подползаю к ней.

— Пойдем в кино. Мы там не были уже целую вечность.

Туда мы с Ренни обычно ходим, когда идет дождь. Но этим летом в основном стояла солнечная погода. Сегодня я хочу пойти в кино, чтобы мне не пришлось много говорить или смотреть на нее.

— О да! Хочешь устроить девичник? Я, ты и Эш?

— Нет, можно позвать парней, — приходится сказать мне, потому что именно так бы поступила старая Лилия. А именно ей я и должна оставаться.

— Только Рива и Пи Джея? Или Алекса тоже? Он уже перестал сердиться на нас за то, что мы ушли с вечеринки?

— Думаю, да, — отвечаю я, начиная заплетать свои волосы. — Кроме того, кто еще купит мне конфет?

Ренни со смехом заваливается на спину, утягивая меня за собой, а потом хватается за колено, и я хихикаю, потому что очень боюсь щекотки. После она поворачивается на бок и улыбается мне.

— Лил, — вздыхает она. — Я так рада... — Не знаю, может, она ждет, что я закончу за нее предложение, но, когда этого не происходит, она снова переворачивается на спину и, не глядя на меня, произносит: — Ты поступаешь правильно, что отпускаешь это.

Я впираюсь ногтями в ладони, ощущая, как при соприкосновении с кожей сворачивается почти высохший лак.

— Знаю, — крепко закрыв глаза, отвечаю я.

* * *

Я проснулась от того, что Ренни трясла меня за плечо.

— Вставай, Лилия. Вставай!

Было темно. Я лежала на кожаном диване, свесив ноги вниз. На мне не было ни топики, ни шорт, только слитный купальник.

— Что случилось? — прохрипела я. У меня кружилась голова, а во рту все пересохло.

Ренни с выпученными глазами наклонилась к моему лицу и прошептала:

— Ш-ш-ш! — От нее пахло текилой, а в руке она держала свои туфли. — Нам нужно уходить отсюда.

Я села, и комната сразу же закружилась перед глазами. Я все еще была пьяна. На кровати кто-то спал. «Моего» парня, Майка, не было в комнате, и я не знала, где он.

Ренни, стоя на четвереньках, пыталась на ощупь в темноте найти мою майку. Та оказалась под столом. Я быстро натянула ее через голову, а потом обнаружила шорты за одной из диванных подушек. Ренни, не отрывая взгляда от парня на кровати, приоткрыла дверь спальни и выпустила меня первой.

В доме все было вверх дном. Кто-то спал в комнатах, мимо которых мы проходили, а кто-то — на выдвижном диване в гостиной. Я, буквально затаив дыхание, бежала к двери, а Ренни неслась следом.

Мы остановились только на подъездной дорожке. Тяжело дыша, я привалилась к почтовому ящику. Ренни присела на корточки и надела туфли. Я стояла рядом с ней и пыталась вспомнить, что произошло и как прошел этот вечер, но все казалось каким-то размытым.

А потом я вспомнила. Шоты текилы. Мы с парнями поднимаемся в спальню. Они сказали, что мы будем смотреть фильм. Майк целует меня в шею, потом берет на руки и сажает на стол. Я целую его в ответ. Сначала мне это нравилось. Потом стало неприятно. Я сказала ему «нет». По-моему, я сказала «нет». Разве он меня не слышал?

К горлу подступила тошнота.

— Меня сейчас вырвет. — Я начала тяжело дышать, и Ренни утянула меня на обочину.

Из меня вышло все, что оставалось в желудке.

— Нужно идти, — сказала Ренни. — Мой джип заблокирован на подъездной дорожке.

— Нет! — чуть ли не плача закричала я. — Мы не сможем дойти отсюда до Томастауна! Это слишком далеко.

— Придется, — безжалостно ответила она и начала уходить. — Пошли.

Первую милю я брела молча и просто рыдала. Ренни с неестественно прямой спиной шла в нескольких шагах впереди меня. В сандалиях у меня сильно болели ноги, но я не могла их снять, потому что на дороге попадалось битое стекло. Мимо нас проезжали машины, и я все гадала, остановится ли хотя бы одна из них, но нет. Они даже не сбавляли скорость.

Меня очередной раз вырвало на траву. Ренни подошла и похлопала меня по спине.

— Я больше не могу идти, — пожаловалась я, обнимая себя руками.

— Нет, можешь. Осталось совсем немного.

Ренни снова пошла вперед, но на этот раз я не сдвинулась с места.

— Мы должны кому-нибудь позвонить. Думаю... думаю, мне нужно в больницу. Майк, наверное, что-то подсыпал в мою текилу.

— Ничего он тебе не подсыпал, — ответила Ренни. Ее волосы развевались на ветру. — Ты просто слишком много выпила, вот и все.

— Нет, не все! Он... я не... — Слезы ручьем текли по моим щекам и попадали в рот. — Я могла подхватить венерическое заболевание! Я могла забеременеть!

Ренни покачала головой.

— У него был презерватив. Не переживай, — глядя куда-то в сторону, произнесла она. — Он попросил его у Йена.

— Боже мой. Боже мой, — снова и снова повторяла я, как молитву. Молитву о том, чтобы все это оказалось дурным сном, чтобы я проснулась и очутилась где угодно, но только не здесь.

— Лил, тебе нужно...

— Ты переспала с Йеном?

— Да, — тихо ответила она.

— Почему ты мне не помогла? — горько плача, спросила я. Теперь я вспомнила, что звала ее по имени. Я видела ее с Йеном на кровати. Майк целовал мою шею и спускал с меня верх купальника. Я выкрикнула «Ренни», а потом отключилась.

— С тобой все было в порядке! Ты просто хорошо проводила время, — удаляясь от меня, огрызнулась она.

Я подбежала и схватила ее за руку.

— Нет, не было! Ты же знала, что я не хотела, чтобы это случилось вот так! — С парнем, которого я едва знаю, в одной комнате со своей лучшей подругой и в таком пьяном состоянии, что даже невозможно поднять голову. Мой первый раз должен был быть особенным. С человеком, которого бы я любила. Я до этого даже ни с кем не обжималась и целовалась всего с тремя парнями.

Ренни встряхнула меня и посмотрела твердым, как алмазы, взглядом.

— Все немного вышло из-под контроля. Но мы обе знали, что произойдет, когда поднимались с ними наверх.

— Я не знала! — прокричала я так громко, что у меня засадило в горле.

— Да признайся же себе, Лилия! Ты участвовала в этом так же, как и я. Никто не заливал в тебя шоты насильно.

— Это... это не должно было произойти вот так. Только не со мной.

Ренни скривила губы.

— А для меня, значит, это нормально? Я, может, и не девственница, но и не шлюха. — Я слишком сильно плакала для того, чтобы ответить ей, поэтому она вздохнула и сказала: — Послушай, это уже случилось, так что попробуй просто обо всем забыть.

— Я не могу, — промямлила я, у меня тряслись плечи. — А что, если об этом узнают? Что, если мы снова увидим этих парней? — При мысли о том, что я могу столкнуться с Майком на острове, мне захотелось умереть.

Ренни покачала головой и положила руки мне на плечи.

— Они арендовали этот домик всего на неделю. Завтра к обеду их уже здесь не будет, — произнесла она, твердо глядя мне в глаза. — Я никому ничего не расскажу. Ты никому ничего не расскажешь. Никто ни о чем не узнает.

К тому времени, как мы с Ренни добрались до ее квартиры, уже рассвело. Мне хотелось пойти домой и поплакаться маме. Она бы знала, что делать. Знала, как все исправить. Но я не могла ничего ей рассказать. Мама считала, что я ночую у Ренни. Да и что бы она обо мне подумала, узнай правду? Что подумал бы отец? И Надя? Я больше не была бы для них той самой девочкой. Никогда.

Когда я вышла из душа, Ренни уже лежала в постели с закрытыми глазами. Я заползла под одеяло и устроилась рядом с ней.

Мы лежали на кровати спиной друг к другу, и Ренни неожиданно заговорила:

— Сегодняшней ночи не было. Мы больше никогда не будем это обсуждать.

Мы подбираем Эшлин и едем в кинотеатр. Я даже и не знаю, что сейчас в прокате, пока мы не подъезжаем к нему. Парни уже ждут нас на улице. Ренни запрыгивает Риву на спину, и тот заносит ее внутрь. Мы с Эшлин встаем в очередь для льготников и решаем, что купить из еды.

— Как насчет попкорна, конфеток «Рисес Писес» и мармеладок? — спрашивает она.

Я чувствую, что где-то у меня за спиной притаился Алекс, поэтому начинаю играть на публику:

— А как же «Снокэпсы»? Они ведь самые лучшие!

«Снокэпс» — любимые конфеты Алекса.

Эшлин кривится.

— Фу, это такая гадость, Лил! Они на вкус как помои.

И как по часам тут же появляется Алекс и обращается к Эшлин:

— Ты что, шутишь? «Снокэпсы» — это такая вкуснятина.

— Вот видишь?! — восклицаю я. — Я не единственная, кто их любит.

И после Алекс обращается девушке на кассе:

— Коробку «Снокэпсов», пожалуйста.

— Ты ведь со мной поделишься? — положив подбородок ему на плечо, спрашиваю я.

— Купи себе сама, — отвечает он, но я вижу, как у него розовеют кончики ушей, а уголки губ приподнимаются в улыбке.

И в этот миг я точно знаю: Алекс думает, что между нами все в порядке и я ни о чем не подозреваю. Именно это мне и нужно.

МЭРИ

Я сижу за кухонным столом и доделываю домашнюю работу. Тетушка Бетт готовит ужин и разговаривает по телефону с одной из своих подруг.

— Все отлично. Мэри обеспечивает мне компанию, — говорит она.

Первые несколько дней отношения между нами были слегка натянутыми, но сейчас тетушка Бетт по-настоящему счастлива, что я рядом. Мы установили для себя порядок: я держусь подальше от нее и не мешаю, пока она занимается живописью, а если дверь в мою спальню закрыта, тетушка Бетт меня не тревожит.

Когда той ночью я вернулась с причала домой, тетушка Бетт еще не спала. Я умоляла ее ничего не рассказывать моим родителям. Если бы они об этом узнали, то, скорее всего, сели бы в машину и приехали сюда за мной. Тетя не сказала ни «да», ни «нет», но родители так и не появились на своем минивэне, поэтому я уверена, что она оставила это между нами.

Вот такая она крутая тетушка.

Как только она идет спать, я тайком выхожу на улицу, а затем в ожидании Кэт сажусь на бордюр и вытягиваю ноги. В домах уже погас свет, но почти у самого подножия холма едва видно, как луна освещает воду. Уверена, если как следует прислушаться, то можно различить шум океана.

Наконец на холм с выключенными фарами подтягивается машина Кэт, и я быстро вскакиваю с бордюра.

— Привет. Готова это сделать? — спрашивает она, останавливаясь прямо передо мной.

— Абсолютно, — отвечаю я и перелезаю через дверь, чтобы забраться на заднее сиденье. — Жду не дожусь, когда и у меня будут права. — Конечно, я люблю кататься на велосипеде, но с правами можно поехать куда угодно. Если только тетушка Бетт разрешит мне брать ее «вольво».

— Почему ты села назад? Я ведь не шофер, — повернувшись ко мне, негодует она.

— Не знаю, — покраснев, лепечу я. — Я подумала, что переднее сиденье нужно оставить для Лилии.

Я чувствую себя неуклюжей и глупой, но Кэт трогается с места, а потом говорит:

— Уверена, именно этого она и ждет. Все только самое лучшее для принцессы Лилии.

— Но я не возражаю! — восклицаю я, подавшись вперед.

— Ну конечно же, — фыркает Кэт, но это выходит у нее как-то мило и больше похоже на комплимент.

Вскоре мы останавливаемся перед большим и современным домом Лилии. Скорее, он даже похож не на дом, а на самый настоящий особняк. Лилия живет в самой роскошной части острова, которая называется Уайт-Хейвен. Большинство домов огорожены широкими живыми изгородями, через которые едва возможно разглядеть сами строения. А еще здесь очень большие участки. Дома стоят на большом расстоянии друг от друга, и в каждом есть большой гараж, вмещающий тонну машин, изысканный сад и аккуратно подстриженный газон.

Кэт глушит мотор и выключает фары, а потом смахивает с глаз челку и раздражается:

— Ну вот, опаздывает. Это так похоже на нее — не думать о других.

Я улыбаюсь про себя, но не озвучиваю свои мысли. Так-то Кэт тоже опоздала.

Пока мы сидим в темноте, поднимается ветер. Кэт застегивает толстовку и

поворачивается ко мне.

— Ты не замерзла? В багажнике наверняка завалилась одна из рабочих рубашек Пэта.

— Нет, — отвечаю я, одергивая свои светло-розовые шорты. — Мне совсем не холодно.

Наверное, я просто сильно волнуюсь.

Именно в эту минуту появляется Лилия. На улице так темно, что издалека даже не разглядеть ее лица. Она крадется по подъездной дорожке, одетая во все черное: черная водолазка, черные легинсы и черные балетки.

— Боже мой, — взрывается смехом Кэт.

Лилия, запыхавшись, подбегает к машине.

— Привет, — говорит она и забирается на пассажирское сиденье.

— Блин, Лилия, мы же не в банк проникать собираемся! — восклицает Кэт. — Это не ограбление.

— Мы должны быть осторожны, — защищается она в ответ, а потом оглядывается на меня и хмурится. — Ну, ладно. Думаю, это не так важно.

У меня опять такое чувство, что я что-то сделала не так. С этими девчонками мы одного возраста, но они кажутся гораздо старше меня.

Дом Алекса расположен всего в паре миль от особняка Лилии. Он такой же большой, как и у нее, но сделан из кирпича и выглядит гораздо традиционнее. У него даже есть собственный причал, к которому привязан скоростной катер. Как только мы подъезжаем ближе, Кэт сбрасывает скорость и выключает фары, а потом паркуется в нескольких домах от него.

Не могу поверить, что мы и правда это делаем.

— Все помнят свои инструкции? — спрашивает нас Лилия, но почему-то смотрит только на меня в зеркало на козырьке.

Было решено, что я буду стоять на шухере. Мне и хорошо, потому что не придется взламывать внедорожник Алекса. Тетушка Бэтт, может, и хорошая, но не думаю, что она станет скрывать от родителей мои похождения, если ей придется вытаскивать меня из тюрьмы. А учитывая то, как они за меня переживают, я буду сидеть под замком до конца жизни.

— Мы уже повторили их пятьдесят раз. Это не так уж сложно, — закатив глаза, отвечает Кэт.

Задача Кэт — найти личную записную книжку Алекса. Лилия говорит, что он постоянно что-то в ней пишет, но никогда никому не показывает. Она назвала ее тайным дневником. Лилия уверена, в ней окажется что-нибудь интересное, что можно будет использовать против него, а если нет, то Алекс по крайней мере взбесится из-за ее пропажи.

— Как скажешь, — буркает Лилия. — Я просто хотела убедиться, что вы все помните.

— Лучше переживай за свою часть плана, — говорит Кэт, протягивая руку и открывая бардачок, чтобы вытащить из него фонарик. — Ты взяла «Ретин-А»?

Лилия поднимает вверх маленький флакончик с лосьоном.

— Этого хватит? — интересуется Кэт.

— Здесь трехмесячная доза. Так что да, хватит.

Кэт бросает на нее косой взгляд.

— Не думала, что ты страдаешь от акне, Лил.

— Моя мама использует его как средство против морщин, — возмущенно отвечает та.

План состоит в том, чтобы Лилия опустошила бутылку Алекса с солнцезащитным

кремом и наполнила ее «Ретином-А», средством против прыщей. От него кожа становится сверхчувствительной к солнечному свету. По словам Лилии, Алекс мажется лосьоном, даже если просто переступает порог дома. В общем, благодаря нам он получит самый страшный солнечный ожог в своей жизни. Волдыри, шелушение, боль. Это будет ужасно.

Кэт несколько раз включает и выключает фонарик, после чего мы выбираемся из машины.

И пока идем по подъездной дорожке, Лилия шепчет:

— Нужно не спускать глаз с домика у бассейна. Именно там и живет Алекс.

— Я знаю, — огрызается Кэт.

— Я обращалась к Мэри, — в тон отвечает Лилия.

— Девчонки, хватит уже ссориться, — шепчу я, присаживаясь на карточки позади внедорожника Алекса и не отрывая взгляда от дома. Свет горит лишь в домике у бассейна. Кэт сказала, что к этому часу Алекс будет уже спать, но она, судя по всему, ошиблась.

Тем временем Кэт и Лилия уже забираются в машину. Наверное, Алекс не запирает двери. Кэт, устроившись на переднем сиденье, копается у него в рюкзаке, а Лилия на заднем ищет спортивную сумку.

— Я ее не вижу, Кэт! — с паникой в голосе восклицает она.

— Может, он оставил ее в шкафике?

— И как я тогда перелью лосьон?

— Не психуй! Завтра мы что-нибудь придумаем, — отвечает Кэт. Несколько секунд спустя она добавляет: — Черт. Его записной книжки тоже нет.

— Не может быть! Ты же сказала, что он всегда хранит ее в машине! — Лилия перебирается на переднее сиденье к Кэт и роется в бардачке. Потом обшаривает центральную консоль, опускает оба козырька, но записной книжки Алекса нигде нет.

— Можно взять его учебники и выбросить их в воду, — предлагает Кэт, держа один из них в руке.

— Нет! Кому нужны эти учебники? Он просто пойдет и купит новые. — От злости Лилия едва не плачет. — Я не уйду отсюда без записной книжки.

У меня внутри все резко сникает. Когда мы обговаривали план, он казался таким легким. Бросив последний взгляд на дом, я обегаю внедорожник, чтобы помочь им в поисках.

— Боже, Мэри! Что ты делаешь? Возвращайся на свой пост! — резко вскинув голову, шипит Лилия.

Я вся напрягаюсь.

— Я просто хотела помочь...

— Нашла! — неожиданно вскрикивает Кэт, торжественно поднимая записную книжку — она была под водительским сиденьем. Они с Лилией ударяют по рукам, а потом с улыбками смотрят на меня. Я облегченно выдыхаю и одобрительно вскидываю большие пальцы вверх.

Девушки выбирают из внедорожника, и Кэт слишком громко захлопывает дверь. Мы с ней на полной скорости бежим к ее машине. Кэт садится на водительское сиденье, а я ныряю назад.

Но, в отличие от нас, Лилия все еще стоит возле внедорожника и смотрит в сторону домика у бассейна.

— Что она делает? — спрашиваю я у Кэт.

Не успевает она ответить, как Лилия нагибается и подбирает булыжник, лежащий под одним из горшков с цветами, которые окаймляют двор. А потом она с силой швыряет его в заднее стекло автомобиля. Во множестве разлетающихся осколков отражается лунный свет, а в воздухе разносится звук бьющегося стекла.

Мы с Кэт одновременно вскрикиваем. Это явно не входило в наш план.

В доме начинает загораться свет. Сначала в комнате наверху, а потом в окнах по обеим сторонам от входной двери.

— Черт! Уходим! — кричит Кэт.

Лилия несется напрямиком к нам, ее длинные черные волосы развеваются за спиной, точно знамя.

— Поехали! — запрыгивая в машину, кричит она.

Под визг шин мы срываемся с места.

— Что, черт возьми, это было? — отъехав на несколько кварталов, вопит Кэт.

Лилия не отвечает. Развернувшись на сиденье, она продолжает смотреть на дом Алекса. Она тяжело дышит, а на щеке у нее тонкий порез. Должно быть, в нее попал осколок стекла.

— Лилия! У тебя кровь! — восклицаю я.

Она прикладывает ладонь к щеке, а потом смотрит на нее.

— Совсем немного, — произносит она и, встретившись со мной взглядом, ошеломленно моргает. — Наверное, я поддалась минутной слабости.

— Точно, — соглашается Кэт. — Это было круто! Судя по всему, завтра кому-то придется ехать в школу на автобусе! — Она делает радио громче и как сумасшедшая начинает пританцовывать на месте.

Я смеюсь и вскидываю руки вверх, будто мы едем на американских горках.

— Держи руль! — кричит Кэт. В машине оглушительно орет музыка, а во мне бурлит адреналин. Мы летим! — Хочу посмотреть его записную книжку!

Лилия наклоняется и придерживает руль, пока Кэт открывает блокнот.

— Да здесь полно стихов! — перекрикивает она музыку и ветер. — *Все твои двери на запоре. Мои ключи к ним не идут. К тебе ведет длинейший коридор, который не пройти мне до конца.*

— Что за пошлятина! — восклицаю я.

Сделав вдох, Кэт продолжает:

— *Длиннейший коридор. Ну очень длинный коридор. Длиннейший коридор.*

— Да уж, — говорит Лилия. — Судя по всему, это и правда длинный коридор.

После ее слов мы взрываемся смехом.

— И что мы будем с этим делать? — спрашиваю я.

— Я знаю что. Мы сделаем копии одного из этих слащавых стишков и развесим их по всей школе, — отвечает Кэт, поворачивая к дому Лилии.

Та хихикает.

— Кэт, я знала, что ты придумаешь нечто крутое.

— Подождите, а что мы будем делать с «Ретином-А»? — подавшись вперед, спрашиваю я.

— Ну, завтра на футбольной тренировке у него точно будет с собой спортивная сумка, — отвечает Лилия, выбираясь из машины. — Они занимаются два раза в неделю. Мне просто нужно будет проникнуть в мужскую раздевалку.

— Алекс будет выглядеть как прокаженный! — злорадствует Кэт.

Лилия радостно взвизгивает и бежит к дому.

— Пока, девчонки.

— Хорошей тебе ночи! — кричу я ей. Потому что именно такой она и является. Хотя нет, это невероятная ночь.

ЛИЛИЯ

Когда раздается звонок, я говорю Эшлин, чтобы та шла на обед без меня, поскольку мне нужно кое-что узнать у мистера Франклина по поводу контрольной. Дождавшись, когда она скроется из виду, я несусь в спортзал.

В мужской раздевалке никого нет, но я не рассчитывала, что в ней не окажется мест, выделенных специально для футболистов. Я думала, что их шкафчики будут располагаться рядом друг с другом и, может быть, даже будут подписаны, как это заведено у чирлидерш. Но, глядя на них, невозможно определить, где чей.

Я начинаю наугад открывать незапертые шкафчики, но в них ничего нет. Я предполагала, что парни не станут закрывать их на замок. Ну что у них там может быть такого ценного? Гель для волос? Мое сердце стучит как сумасшедшее, я даже боюсь, что оно разорвется на мелкие кусочки. Что, если кто-нибудь войдет и увидит меня? Я никак не смогу объяснить, почему нахожусь в мужской раздевалке.

Когда берешься за дело одна, то все кажется совсем другим. И намного страшнее.

Я лихорадочно дергаю еще несколько шкафчиков, а потом сдаюсь.

* * *

На тренировке я сижу на нижней трибуне и тереблю шнурки на кроссовках. Печально, что мне не удалось выполнить свою часть плана.

Ренни стоит перед нами с планшетом в руках, готовясь объявить, кто за кого будет болеть во время первой игры в пятницу вечером.

— Большинство из вас уже знает основные правила. Каждая из девушек закреплена за одним из футболистов, которого она обязана опекать. Украшать его шкафчик в день матча, печь его любимые печенья и, грубо говоря, поднимать ему настроение перед и во время игры. К примеру, я опекала основного нападающего Джо Блэкмена с девятого класса и до тех пор, пока он не окончил школу, потому что каждый год Джо просил, чтобы меня закрепляли за ним. Хотите знать почему?

Парочка десятиклассниц, Тереза Круз и Линн Макмэннис, перешептываются и хихикают. Я знаю, о чем они думают, но это неправда.

Ренни бросает на них ледяной взгляд, и они замолкают.

— Я скажу вам почему. Потому что я — лучшая и в день матча выкладывалась на тысячу процентов. Я заранее предугадывала желания Джо Блэкмена: утреннее свежееиспеченное печенье с ореховым маслом и без сахара или особые кричалки, когда его нужно было подбодрить. И, честно говоря, я горжусь тем, что сейчас Джо играет за колледж в третьем дивизионе, так как знаю, что помогла ему попасть туда. — Ренни начинает вышагивать перед нами. — Чирлидинг — это не только красивая внешность и влияние задницей. Это стремление к совершенству. И кстати, Пейдж, твои той-тачи на вчерашней тренировке были отвратительны.

К этому времени я уже ее не слушаю. Когда Ренни начинает свои «вдохновляющие» речи, то это может продолжаться бесконечно.

Наконец ее лекция заканчивается, и она начинает зачитывать список. Когда она доходит до Нади, я вскидываю голову.

— Надя, ты закрепляешься за Диего Антунешем, — говорит она.

Я поворачиваюсь и смотрю на Надю — она пожевывает нижнюю губу и выглядит разочарованной.

Тогда я встаю и заявляю:

— И, чтобы вы знали, поддерживать старшеклассника — это очень почетно для первогодки. — Тем самым я пытаюсь взбодрить Надю, хотя не думаю, что это поможет.

В последнее время между Надей и Алексом все было тихо. Она до сих пор наказана и может тусоваться либо у Жанель, либо у нас дома. По ночам я оставляю дверь в свою спальню открытой, чтобы услышать, если она снова решит удрать. А вчера утром, пока Надя была в душе, я проверила ее телефон, но не обнаружила в нем ни звонков, ни сообщений от Алекса. Надеюсь, их связь была временной. А если нет, то станет таковой уже к началу следующей недели.

Ренни продолжает зачитывать список. Я жду, когда она дойдет до Терезы, поскольку уверена, что она закрепит ее за каким-нибудь неудачником.

— Тереза, ты числишься за Ли Фреддингтоном.

О да! Ли Фреддингтон — это наш запасной нападающий, который учится в десятом классе. С Ривом ему не светит и минута на поле. Тереза пристально смотрит на Ренни, и на секунду мне кажется, что она как-то возразит. Но она, конечно же, этого не делает. Ренни никто никогда не возражает.

Подруга отдает мне свой планшет.

— Все подходим к Лилии, она расскажет вам всю необходимую информацию о ваших игроках. Мы делаем это всего один раз, поэтому настоятельно рекомендуем записать ее там, где она не потеряется, — отчеканивает она, потом обращается ко мне: — Я схожу за водой. Скоро вернусь.

Я смотрю на список парней из футбольной команды. Напротив их имен указаны дни рождения, любимые виды печенья, домашние адреса, мобильные телефоны и коды к шкафчикам — как к обычным, так и тем, что в раздевалке.

В этот миг мне хочется расцеловать лист бумаги. Алекс Линд, тебе крышка.

* * *

Уже во вторник кожа Алекса выглядела розовой и опухшей. Сегодня среда, и она начала трескаться. Он похож на ящерицу, которую Надя нашла на Гавайях, где мы с семьей отдыхали на Рождество несколько лет назад. Мне почти жаль его, и я с трудом смотрю ему в глаза. На фоне кожи его глазные яблоки выглядят невероятно белыми. Губы тоже потрескались и опухли.

Мы сидим за обеденным столом. Ренни наклоняется ко мне и шепчет:

— От вида кожи Алекса у меня пропадает аппетит.

— Все не так уж и плохо, — лукавя, отвечаю я и откусываю сэндвич.

— Тогда ты и сиди напротив него.

Алекс выглядит таким жалким. Похоже, ему даже есть больно. Я и не думала, что это будет настолько ужасно, скорее рассчитывала на незначительный и поверхностный эффект. Тут Алекс замечает, что я смотрю на него, и мне приходится быстро отвести взгляд.

Как только он встает, чтобы сходить за содовой, я обращаюсь к Ренни и Эшлин:

— Думаете, он заразный?

На лице Эшлин появляется выражение ужаса, а Ренни чуть не давится сельдереем.

— Боже мой! Я пересаживаюсь, — бормочет она, передвигаясь на два стула от своего и устраиваясь рядом с Пи Джейем. Эшлин поступает так же.

Когда Алекс возвращается с колой, с его стороны стола сидим только мы с Ривом, и он явно это замечает. Рив, должно быть, тоже, потому что говорит:

— Блин, чувак, что у тебя с кожей?

— Солнце, — не поднимая головы, отвечает Алекс. — Тренеру пора заканчивать с нами, тренировки два раза в день.

— Я же был на тренировках вместе с тобой, — произносит Рив, допивая молоко залпом. — Может, тебе стоит сходить к врачу и провериться?

— Мама уже записала меня на завтра. Наверное, это просто аллергическая реакция. Думаю, на новый стиральный порошок, которым начала пользоваться наша домработница.

— Тебе стоит намазаться алоэ, — советует Рив.

А я мило предлагаю:

— У моего папы есть алоэ. Я могу отрезать для тебя веточку.

— Спасибо, Лилия, — вздыхает Алекс. — Сначала кто-то разбил стекло в моей машине, а теперь это. Отстойная неделя.

— Чувак, нет худа без добра. Теперь ты можешь сделать тонировку, как и хотел. — Рив обнимает Алекса за плечи. — Знаешь, что? Может, тебе стоит показаться не дерматологу, а венерологу? Ты вполне мог подхватить какой-нибудь опасный герпес от Дебрассио! — Сказав это, он взрывается смехом.

Алекс дергает головой и, быстро взглянув на меня, рычит:

— Заткнись, Рив.

— Эй, надо отдать ей должное. Она такая же распутница, как и я.

— Хочешь сказать, что у тебя герпес? — поворачиваясь к Риву, спрашиваю я. Но он лишь пуше заливается смехом.

— Кэт не такая, — яростно сверкая глазами, возражает Алекс, а потом встает и выбрасывает свой обед в мусорку.

— Я же пошутил, — кричит ему вслед Рив.

Затем подскакивает и выходит за ним из столовой. Удивительно, что Алекс вступился за Кэт. Даже как-то мило. Но потом я напоминаю себе, что этот якобы рыцарь изменил Кэт с моей младшей сестренкой. Так что какое право он вообще имеет защищать кого-то? Ему больше не удастся меня обдурить.

КЭТ

В среду после школы я сажусь на паром и еду к Ким. Когда я позвонила к ней в музыкальный магазин и поинтересовалась, нельзя ли воспользоваться их ксероксом, она попросила меня подождать и отошла убедиться, что Пола, владельца, не будет. Вернувшись, она сообщила, что у них заканчивается бумага, поэтому мне нужно принести свою. Я стащила целую пачку из библиотеки. Пятьсот листов унижения для Алекса.

Несмотря на свой энтузиазм, я все же немного раздражена, потому что мне, скорее всего, придется убить на это весь вечер. Я бы не стала этим заниматься, но Мэри пока так ничего и не придумала. Я ее не виню, ведь она не знает Алекса. И все же, ей пора собраться и показать себя. Идея Лилии оказалась неплоха. Обычно ее предложения слабоваты, однако выходка с «Ретином-А» вполне удалась. Хотя я на ее месте подмешала бы в его шампунь средство для депиляции. Тут либо все, либо ничего.

Но что сделано, то сделано. Мы только начали. Надеюсь, что, когда очередь дойдет до Ренни, мы уже превратимся в хорошо отлаженный механизм мести.

Когда я захожу в магазин, Ким радостно вскидывает голову. Несмотря на покупателя, который ждет, чтобы его обслужили, она тянет меня за прилавок и обнимает. Очевидно, она решила, что панку с большим ирокезом все равно плевать на обслуживание.

— Кэт! — восклицает она. — Я так соскучилась по тебе, стервочка!

— Я тоже, — отвечаю я, хотя на самом деле это не так. Я была слишком занята планами мести.

* * *

Летом перед десятым классом я много времени проводила в «Магазинчике Пола», роясь на стеллажах и прослушивая незнакомые группы. На одном из устройств были наушники с очень длинным шнуром, так что я могла сидеть на полу. Я слушала не отдельные песни, а целые альбомы. Пять, шесть, семь.

Несколько раз Ким выпроваживала меня из магазина. Она уже собиралась запирать его на ночь, а я все сидела на полу с закрытыми глазами и, не имея понятия о времени, слушала на полной громкости музыку. Не то чтобы мне больше нечем было заняться. Я всегда была желанным гостем в компании Пэта. Но в общении с чуваками, которым нравятся кроссовые байки, меня надолго не хватало, и вскоре я начинала мечтать о том, чтобы запереть двери, завести все моторы и умереть от отравления угарным газом.

Так что в то время я была ужасным покупателем, чем страшно раздражала Ким. В большинстве случаев я просто проводила в магазине весь день и ничего не покупала. На ее месте я бы, как ворам, запретила себе в нем появляться.

Не знаю, что именно заставило ее в конце концов сжалиться надо мной, но случилось это следующим образом: я попыталась купить в кассе билет на группу «Муссон», которая должна была выступать в гараже. Но имелось ограничение по возрасту — двадцать один год и старше.

Ким раскусила меня в два счета. Она перегнулась через прилавок, окинула меня взглядом и произнесла:

— Тебе сколько, тринадцать?

— Шестнадцать, — переминаясь с ноги на ногу, ответила я.

Она рассмеялась мне в лицо и подняла перед собой билет.

— Кажется, я не расслышала. Сколько, говоришь, тебе лет?

Мне понадобилась всего секунда, чтобы понять, чего она от меня хочет. Я откашлялась и сказала:

— Двадцать один.

Тогда она выгнула одну из своих сильно подведенных бровей.

— И где твое удостоверение личности?

Я прикусила губу, потому что на этот вопрос у меня не было ответа. К счастью, Ким подсказала мне:

— Ты, наверное, оставила его в машине, да?

Я кивнула.

— Ага.

Она вручила мне билет. Я протянула ей десять баксов, но она их не взяла.

— У меня есть несколько бесплатных билетов.

— Ух ты! — воскликнула я. — Спасибо.

— Не благодари. Из работников никто не хочет на них смотреть, так что я буду обслуживать выступление одна. Если ты еще не в курсе, «Муссон» — отстойная группа. Ну, а когда шоу закончится, ты сможешь мне все привести в порядок.

Конечно же, она была права. «Муссон» оказалась ну очень отстойной группой. И все же, это была лучшая ночь в моей жизни.

* * *

Ким отлепляется от меня и заглядывает в глаза.

— Эй, прости, что на прошлой неделе нам не удалось нормально поговорить. Выступление было просто безумным. Группа приехала с опозданием и оказалась настолько пьяна, что едва смогла отыграть концерт. Да и Пол в последнее время ведет себя как мерзавец. Ты застала меня в самое ужасное время. Было...

— Да все нормально, — перебиваю я. Судя по всему, у Ким выдался не такой ужасный день, как у меня, но мне нужно все успеть до отплытия последнего парома на остров. — Можно мне пройти в офис?

Именно там находится ксерокс и компьютер. Они установили на него несколько программ, чтобы делать флаеры для выступлений. Несколько раз я помогала с ними Ким. Сейчас я собираюсь оформить «сочинения» Алекса в очень милом стиле, но так, чтобы никто и никогда не заподозрил, что я имею к этому какое-то отношение. Скорее всего, украшу каким-нибудь слащавым изображением двух единорогов, соприкасающихся друг с другом рогами, или чем-нибудь подобным.

— Да, конечно. — Ким обслуживает парня с ирокезом, после чего тот уходит. — Это что, какой-то школьный проект?

— Гм, скорее, интерес к искусству.

— О, круто. Как поживает твой парень, Алекс? Вы уже собирается укатить в закат на гольфмобиле?

При звуке его имени мне становится больно, но я быстро беру себя в руки.

— Фу-у! — восклицаю я. Когда Алекс уезжал на несколько дней ловить рыбу, я

приходила в магазин практически каждый день и много говорила о нем. Боже, просто не верится, как много может измениться всего за пару недель. Я начинаю пятиться в сторону офиса, потому что у меня нет времени с ней болтать.

— Но он был таким милым, Кэт. Тебе нужен милый парень. И ты ему нравилась, я это видела. Думаю, из вас получилась бы хорошая пара.

Я закатываю глаза.

— Просто не могу дождаться, когда закончится этот год, и я свалю в Оберлин. Я уже готова начать новую жизнь. Если застряну здесь еще на год, то, клянусь, я покончу с собой.

— Ладно, я тебя поняла, — поджав губы, отвечает Ким.

Я вижу, что она зла, но мои слова относились не к ней. Ким — самая классная из всех, кого я знаю.

— Ким, я не имела...

— Не знаю, заметила ли ты, но у нас с Полом роман. Вернее, был, пока об этом не узнала его жена. Так что сейчас он ведет себя как полный придурок и ворчит из-за каждого доллара, недостающего в кассе, или по поводу постоянного отсутствия туалетной бумаги в туалете. Он просто мечтает меня уволить и выкинуть из квартиры над магазином. Я это точно знаю.

— Какой ужас, — поражаюсь я. Как никогда искренне. Мне довелось видеть Пола. Он старый и мерзкий.

— Да, — соглашается Ким. — Ну, ты знаешь, где находится ксерокс. Только постарайся сильно не мусорить.

Я чувствую себя мерзавкой, но мне некогда. К тому же, если Ким в дурном настроении, ее лучше оставить в одиночестве.

Пока загружается компьютер, я достаю записную книжку Алекса и начинаю листать ее в поисках стишка потупее «Длиннейшего коридора». Хотя сомневаюсь, что найду что-то. Куда еще тупее.

Вдруг практически в самом начале записной книжки я замечаю произведение под названием «Красная лента». Боже, он такой чудак.

С неба падают зимние звезды, и я могу загадать желание.

Мне нравится, как ты выглядишь в этом свитере.

Давай, как эскимосы, будем носами целоваться всю ночь напролет?

Потому что твоя красная лента привязала меня к тебе навсегда.

Красная лента? Это еще что такое? Метафорическое определение месячных?

О да. Похоже, так оно и есть.

ЛИЛИЯ

Вечер субботы. Рив достал ключи от одного из пустующих летних домиков в Миддлбери, которые обслуживает компания его отца, и мы, погрузившись в машины, отправились туда. Рив только попросил нас снять обувь, чтобы не испачкать ковер, а сам достал из бара непочатую бутылку джина и смешал его со спрайтом. Логично, правда? Он разлил получившийся напиток по стаканчикам всем, кроме себя, потому что в понедельник у него футбольная тренировка и ему нужно явиться на нее бодрым. Во время сезона Рив рьяно блюдет трезвый образ жизни.

Я сижу на полу гостиной, вытянув перед собой ноги. У меня жутко болит тело после недельной тренировки. Для перерыва между таймами Ренни поставила новый номер и заставила нас прогонять его миллион раз. Несколько парней из футбольной команды тоже лежат на полу и обсуждают новую стратегию защиты.

Я уже клюю носом, как вдруг в комнату врывается Ренни, а за ней и Рив.

— У нас потрясная идея! — объявляет она и, пританцовывая, поднимает вверх пустую бутылку пива. — Кто хочет сыграть в бутылочку?

Парни оживляются. Да и я сразу взбодряюсь. Ни за что не останусь ради такого. Быстро встаю и говорю Эшлин:

— Я позвоню тебе завтра.

— Все садятся в круг: мальчик-девочка-мальчик-девочка, — инструктирует Ренни. — Эш, позови народ из джакузи.

Эшлин прикрывает рот и, хихикая, отвечает:

— Серьезно, Рен? Мы что, в седьмом классе?

Ренни недовольно смотрит на нее.

— Эй, это же классика. Мы выпускники, а так создаются воспоминания. — И уже тише, но все равно достаточно громко добавляет: — А еще это отличная возможность поцеловаться с Дерекком, Эш.

Лицо Эшлин покрывается пятнами, она вскакивает и идет звать всех внутрь.

Я быстро машу Ренни на прощание, надеясь, что останусь незамеченной, но даже не успеваю выскользнуть из комнаты, как она хватает меня за руку.

— Лил, ты должна остаться, — шипит она, многозначительно глядя на меня. Потом переводит взгляд на Рива и снова на меня. — Пожалуйста. Ты нужна мне.

— Я должна вернуться домой до комендантского часа.

— Сегодня же суббота! Твоя мама всегда разрешает тебе задерживаться по субботам. — Ренни сжимает мою руку, и я понимаю, что она не даст мне уйти. — Всего лишь до полуночи, хорошо?

— Ладно, — со вздохом отвечаю я, — но я не играю, только смотрю.

Она благодарно целует меня в щеку и тянет к уже рассевшейся на полу компании. Среди них, рядом с Эшлин, сидит Алекс с мокрыми после джакузи волосами. Дженн Барнс и Венди Камникер, две десятиклассницы, с которыми дружит Дерек, устраиваются напротив них. Я сажусь между Тайлером Класком и Пи Джемом, вроде бы в круг, но не совсем. Принимаюсь изучать свои волосы на предмет секущихся кончиков, как вдруг Ренни орет «Лилия первая!» и толкает бутылку ко мне.

У меня отвисает челюсть.

— Ренни!

— Не будь занудой, Лил, — с улыбкой отвечает Ренни. — Все должны сыграть. — Я с прищуром смотрю на нее, но та продолжает радостно улыбаться. — Давай, крути.

— Ну же, Лил. Соглашайся, она ведь от тебя не отстанет, — тихо произносит Пи Джей, пихая меня локтем.

Озадаченно глядя на меня, Рив вдруг начинает стучать кулаками по ковру:

— Ли-ли-я! Ли-ли-я!

К нему присоединяются и остальные.

Я окидываю всю компанию сердитым взглядом.

— Боже, ребята! Вы еще такие дети.

Эшлин вращает бутылку и кричит:

— Это за Лил!

Та останавливается и показывает... на Рива.

Я чувствую, как у меня вспыхивают щеки, когда мы встречаемся взглядами. Я уже готова отказаться, но Рив протягивает руку и поворачивает бутылку так, чтобы она указывала на Алекса.

— Думаю, она двигалась скорее в этом направлении, — с ленивой ухмылкой произносит он.

— Эй! — возражаю я. — Это же вмешательство!

Тут Алекс прочищает горло и шутливо говорит:

— Не знаю, что ты там слышала, но я, вопреки расхожему мнению, не заразен.

— Я... я ничего такого и не думала! Просто это против правил.

Я не хочу целовать Рива, но Алекса не хочу целовать еще больше. На самом деле, я никого не хочу целовать. Может, и вообще больше никогда не захочу. По крайней мере, еще долгое время.

Рив выгибает бровь.

— Не знал, что ты так сильно меня хочешь. Я польщен, Чо.

— Я... я вовсе не это имела в виду, и ты это знаешь, — возражаю я, начиная волноваться. Рив всегда так делает. Искажает мои слова.

— Рив, да поцелуй ее уже, — не выдерживает Дерек.

— Ребята, не давите на нее, — торопливо произносит Ренни.

О, так *теперь* она за меня заступается? Кто бы подумал!

Хорошо, я это сделаю.

Пока ползу в центр круга, я даже не могу нормально вдохнуть. Сажусь на колени и для устойчивости упираюсь ладонями в пол. Рив с самодовольной ухмылкой ме-е-едленно наклоняется ко мне, растягивая это мгновение как можно дольше. Я чувствую, что начинаю паниковать, но держусь изо всех сил, чтобы не отпрянуть от него. Если струшу, то все это заметят и удивятся, а я не могу этого допустить. Я должна вести себя как обычно. Должна притворяться, что я все та же девчонка.

Рив приподнимает мой подбородок, и в этот миг что-то в выражении его лица меняется. Перестав ухмыляться, он пристально смотрит мне в глаза, словно пытается что-то для себя понять. И в последнюю секунду, вместо того чтобы поцеловать в губы, он целует меня в лоб, как это раньше делал мой отец, желая спокойной ночи. Даже не знаю, благодарить ли его за это или обидеться.

— Так не честно! — восклицает Эшлин, грозя Риву пальцем. — Это должен быть

поцелуй в губы! Таковы правила.

Пи Джей глубокомысленно кивает.

— Эш права. Таковы правила.

— Да забейте уже, — вмешивается Алекс. — Он ее поцеловал.

Рив хлопает в ладоши.

— Кто следующий?

Я ползком возвращаюсь на свое место. Мне хочется просто уйти домой.

— Теперь очередь Рива, — громко объявляет Ренни.

— Ура! — Рив потирает руки и крутит бутылку.

Часть меня надеется, что она укажет на Ренни, и тогда я смогу быстрее убраться отсюда, а другая — не хочет, чтобы она получила желаемое. Бутылка указывает не на нее, а на Джоша Флетчера, и все взрываются смехом.

— Ну же, Флетч. Не бойся, — говорит Рив. — Я поцелую тебя так же, как Лилию.

— Лучше перекрути бутылку, — предупреждает Джош. — Я не знаю, в каких местах побывали твои губы.

Все заканчивается тем, что Рив снова ее раскручивает, и на этот раз она указывает на Ренни. Он с ухмылкой наклоняется к ней, чтобы чмокнуть, но у Ренни другие планы. Она встает на колени и ползет в круг до тех пор, пока не останавливается прямо перед ним. Потом хватает Рива за футболку и, притянув к себе, начинает целовать так, будто хочет съесть его лицо. Сначала он отвечает ей сжатыми губами, но секунду спустя они уже целуются *по-настоящему*. Ренни даже обнимает его за шею.

Все начинают улюлюкать и просто сходить с ума. Как грустно и мерзко. Ренни выставляет себя полной дурой перед всеми. Особенно перед Ривом. Он уже и так мягко ее отшил. Очевидно же, что он не хочет с ней встречаться, но это только больше распаляет Ренни. Как на нее жалко смотреть.

МЭРИ

Сеньор Тремонт выкладывает на столе пластиковые овощи в ряд и спрашивает, есть ли добровольцы, чтобы разыграть сценку на испанском рынке. А я лишь тупо улыбаюсь, глядя на пустующий стул Алекса.

Та ночь была самой веселой в моей жизни. Мне понравилось, как мы с Лилией и Кэт кралась, надрывали животы от смеха и мчались на машине в темноте. Оказавшись дома, я забралась в кровать и попыталась уснуть, но это было невозможно. Я просто лежала в ночи, очерчивая пальцем цветы на обоях и думая, что для первого дня все прошло даже лучше, чем можно было представить. Дело не только в Риве, но и во мне. Такое чувство, будто нас свела судьба или магия — девчонки вошли в мою жизнь как раз тогда, когда я нуждалась в них больше всего.

Выглянув в окно, я замечаю выходящего из машины Алекса. Женщина — полагаю, его мать — машет ему на прощание и уезжает. Я наблюдаю за тем, как он бежит к главному входу, а потом слышу топот его шагов по паркету. Его даже не заглушает голос сеньора Тремонта, который спорит с сидящей за мной девушкой о том, сколько душистого перца можно купить на три евро.

— Простите за опоздание, сеньор, — вбегая в класс, говорит Алекс. — Я был у врача.

Сеньор Тремонт хмурится, после чего прикладывает к уху ладонь, притворяясь, будто не слышит Алекса.

— En español, Senor Lind. Por favor⁸.

Алекс уже на полпути к своему месту. Он останавливается, его плечи поникают, а глаза закатываются к потолку. Мне приходится прикрыть рот, чтобы не засмеяться.

— Yo... yo soy ... — пытается выдать он.

Я опираюсь на локти и опускаю подбородок в ладони. Мне очень, очень, очень хочется, чтобы Лилия и Кэт были сейчас здесь и увидели все своими глазами.

Когда Алекс пытается проспрягать глагол «извините» уже в третий раз, вдруг срабатывает пожарная сирена.

КЭТ

Как только срабатывает пожарная сирена, я резко захлопываю крышку своей зажигалки «Зиппо». Вовремя, потому что в ней, судя по всему, почти не осталось газа. К тому же металлический корпус чертовски нагрелся. Я дую на него, спрыгиваю с батареи в женском туалете и присаживаюсь на корточки возле двери. Верхняя ее часть сделана из дерева, а нижняя представляет собой тонкую вентиляционную решетку. И через нее я вижу, как мимо к выходу проносятся ноги. Потом слышу, как один из учителей говорит:

— Мы же не планировали на сегодня никаких учений?

А другой ему отвечает:

— Наверное, это настоящая пожарная тревога.

Они настойчиво просят своих учеников поторопиться, предупреждая, что это не учение.

Да уж. Поторопитесь, блин. Мне нужно работать.

Я стаскиваю сумку, просовываю руки через лямки так, чтобы она висела спереди, и открываю ее. Внутри лежат ксерокопии, сделанные мною на прошлой неделе, а также рулон клейкой ленты, который я стащила из кабинета труда. Достаяю ее, отрываю полосы и приклеиваю их на руку, чтобы действовать быстрее.

На острове Джар существует только добровольная пожарная охрана, и, по моим подсчетам, им понадобится не меньше десяти минут, чтобы добраться сюда. А чтобы школа опустела — минута-полторы. Как только на горизонте становится чисто, я открываю дверь и бегу.

Коридор, где тусуются выпускники, подходит для моей цели лучше всего, так что я начинаю расклеивать ксерокопии через каждые пару шагов. На двери классов, на шкафчики, на питьевой фонтанчик.

Знаю, это месть от лица Лилии, но, должна признать, происходящее сейчас вызывает у меня просто невероятные эмоции. На прошлой неделе Алекс звонил мне несколько раз. Я, разумеется, не потрудилась ни ответить, ни перезвонить. Он не заслуживает того, чтобы я хоть раз еще с ним заговорила. Со мной только так: ты поступил плохо, ты для меня умер.

Кроме Лилии. Для нее я делаю временное исключение.

В конце коридора я пинком распахиваю дверь на лестницу и, перепрыгивая через две ступеньки, поднимаюсь. По пути, естественно, не забываю расклеивать листовки. Сирена орет так громко, что мне кажется, из ушей вот-вот пойдет кровь. Аварийные лампы излучают яркие вспышки. Помню, когда только перешла в старшую школу, друг моего брата, Люк, дернул пожарную сигнализацию. Его отстранили от занятий на неделю и заставили выплатить большой штраф за потраченное впустую рабочее время пожарной бригады. А потому я ускоряюсь.

Добравшись до лестничной площадки, я пригибаюсь, чтобы меня не было видно из окна, и бегом поднимаюсь на второй этаж, где располагаются шкафчики первогодок. Меня переполняет адреналин, и мне кажется, что я могла бы бежать так целую вечность.

Я думаю о том, как Надя вернется в школу и, увидев лицо Алекса и прочитав его идиотское стихотворение, ужаснется. Сомневаюсь, что она снова захочет покататься на его внедорожнике. Мне чертовски это нравится. Нравится, что Алекса бросит первогодка и что вся школа будет смеяться над его сентиментальной чушью.

Я заканчиваю расклеивать ксерокопии еще в одном коридоре. На этот раз мне понадобилось больше времени, потому что приходилось останавливаться и отрывать клейкую ленту.

Внезапно раздается вой сирен.

У меня осталось мало времени. Жаль, потому что мне не удалось обклеить и половины школы. Я убираю ленту и начинаю просто разбрасывать листы, как конфетти. Так гораздо быстрее. Успеваю закончить с крылом естественных наук и коридором английского. Съехав по перилам черной лестницы, бросаю ксерокопии через плечо.

Не успеваю я спуститься на первый этаж, как в двери врывается бригада пожарных в касках, с фонариками и трещащими рациями.

К счастью, я нахожусь прямо перед актовым залом. Поэтому ныряю внутрь и прячусь в складках большого американского флага. Через секунду влетают двое пожарных. Я задерживаю дыхание и наблюдаю за тем, как свет их фонариков скачет по стенам, потолку и сцене.

Потом они кричат «Чисто!» и возвращаются в коридор, продолжая искать огонь.

Его им найти не удастся, но Алекс получит хороший ожог.

ЛИЛИЯ

У меня даже не было времени на то, чтобы сходить к шкафчику и забрать куртку. Учителя чуть ли не в панике торопили нас по коридорам, будто здание и правда охвачено огнем. На улице сейчас ясно, но для начала сентября довольно прохладно. Я прижимаюсь Эшлин и дрожу в ее объятиях.

— Хочешь мою куртку, Чо? — предлагает Пи Джей.

Я киваю.

— Да, пожалуйста!

Он снимает ее и отдает мне. Я надеваю куртку, а Эшлин, перепрыгивая с ноги на ногу, застегивает на мне молнию. От куртки пахнет плесенью, как в подвале дома у Пи Джея, но это лучше, чем ничего.

— Думаешь, там настоящий пожар? — с надеждой спрашивает она меня. — Может, на опрос не останется времени.

На прошлой неделе у нас были пожарные учения. А сейчас это вовсе на них не похоже. Кажется, учителя об этом тоже ничего не знали. Интересно... может, это дело рук Кэт? Она сказала, что хочет развесить ксерокопии, но даже для нее это слишком смело.

— Может быть, — отвечаю я, когда на парковку залетает пожарная машина добровольцев. Некоторые первогодки начинают хлопать в ладоши и кричать «Пусть сгорит! Пусть сгорит!»

Как это по-детски.

Следующие полчаса мы стоим на парковке, пока пожарные проверяют здание. Я уже не чувствую пальцев ног. Наконец они выходят и сообщают, что все чисто. Тогда учителя загоняют нас обратно в здание.

Попав в крыло для выпускников, я вижу их. Наши плакаты с улыбающимся лицом Алекса и его стихотворением. На шкафчиках, на стенах. Они *повсюду*.

Алекс тоже их замечает и резко останавливается перед целым скоплением ксерокопий на нескольких шкафчиках.

— Что за... — медленно произносит он.

Рив срывает один плакат и, давась от смеха, начинает громко зачитывать написанное:

— *С неба падают зимние звезды, и я могу загадать желание... Мне нравится, как ты выглядишь в этом свитере. Давай, как эскимосы, будем носами целоваться всю ночь напролет? Потому что твоя красная лента привязала меня к тебе навсегда!»*

Это совсем не то стихотворение, которое читала в машине Кэт. То называлось «Длиннейший коридор».

Я тоже срываю плакат и перечитываю его.

Постойте.

Красная лента?

* * *

Это был канун Рождества, я тогда училась в девятом классе. Вся моя семья собралась дома у Алекса Линда на ежегодную праздничную вечеринку. Когда мы окончательно переехали на остров, наши с Алексом мамы крепко сдружились. Они вместе обедали, ходили

по магазинам и все в этом духе.

Родители находились внизу. Они пили и общались возле камина. В колонках проигрывателя звучал Элвис Пресли, и нам было слышно его наверху, в комнате Алекса. Все это было до того, как он переехал в домик у бассейна. Раньше весь третий этаж был в его распоряжении. По сути, это была огромная комната отдыха с большими креслами-мешками, настольным футболом и мишенью для игры в дартс. В честь праздника мама Алекса накрыла детям отдельный стол с куриными наггетсами, креветками в кляре и мини-пиццами. Наверняка для того, чтобы мы не спускались вниз и не беспокоили их.

Малышня, включая мою сестру, спорила по поводу того, кто будет следующим кидать дротики. Надя чуть не подралась с восьмилетним мальчиком, по-моему, двоюродным братом Алекса, и мне пришлось их разнимать. Поскольку мы с Алексом были самыми старшими, то и отвечали за всех. На самом деле, я не хотела приходить, ведь Ренни в списке гостей не значилась, но мама настояла на том, чтобы показаться тут всей семьей.

Алекс включил детям DVD, и те притихли. Я сидела за столом, копаясь в компьютере, и поела рождественское печенье в виде оленя с конфетой «Ред Хот» вместо носа. Алекс лежал в гамаке в нескольких метрах от меня и брэнчал на гитаре. У него неплохо получалось.

— Эй, классная повязка, — неожиданно заговорил он.

Я вздрогнула и подняла на него взгляд.

— О, спасибо, — ответила я, касаясь своей макушки. — Вообще-то, это лента.

Мама хотела, чтобы я надела платье. Но я бы чувствовала себя как дура, если бы пришла к Алексу нарядной. Поэтому на мне был ярко-зеленый свитер, клетчатая юбка и красная лента в честь праздника.

— Круто, — сказал он, переводя взгляд обратно на гитару. — Тебе идет красный. Как та кофта, что ты иногда надеваешь.

— Какая кофта?

— Я не помню. — Его веснушчатое лицо стало того же цвета, что и волосы. Он продолжил брэнчать на гитаре. — По-моему, ты была в ней в прошлый понедельник.

В понедельник я надевала красное только на физкультуру.

— Это моя спортивная форма из старой школы.

— Ясно, — ответил он. Теперь его лицо было таким же красным, как и моя лента. — Здесь-то мы не носим форму.

— Да, я знаю.

На пару секунд между нами повисла неловкая пауза. Потом Алекс встал и ушел в ванную комнату, а я снова уткнулась в компьютер.

* * *

Боже мой!

Та рождественская вечеринка была аж в девятом классе. Он помнил? Все это время? Не может быть!

Я смотрю на него, а он — на меня, но тут же опускает взгляд. Значит, оно действительно обо мне.

Рядом со мной Эшлин прикрывает рот рукой.

— Боже мой, — хихикает она. — Я и не знала, что Алекс у нас — поэт!

У меня начинает кружиться голова.

— Кто это сделал? — требует ответа Алекс. Он весь покраснел. Да, он определенно расстроен.

Рив загибается от смеха.

— Бро, это та самая песня, над которой ты работал? Да ладно тебе. Не стоит стыдиться. У тебя отлично получилось. Ты — талант.

— Заткнись, Рив.

Мы все наблюдаем за тем, как Алекс принимается срывать плакаты. Интересно, как Кэт умудрилась развесить их так высоко?

— Алекс, мужик, давай, как эскимосы, будем носами целоваться всю ночь напролет? — предлагает Рив, приобнимая друга и снова взрываясь от смеха.

Алекс отталкивает его.

— Это ты сделал?

— Нет! Клянусь твоей красной лентой! — качая головой, отвечает Рив.

Алекс срывает оставшиеся ксерокопии и в ярости уходит, по пути выбрасывая их в мусорное ведро.

Рив начинает напевать стихотворение, и все смеются. Я подхожу и вырываю у него из руки плакат.

— Ты такой придурок, — громко заявляю я, а потом обращаюсь к Эшлин: — Давай вернемся в класс.

Когда мы с Эшлин разворачиваемся и уходим, Рив кричит мне вслед:

— Тебе нужно поработать над чувством юмора, Чо.

Но я не оборачиваюсь. Просто продолжаю идти. Эшлин что-то говорит о стихотворении Алекса или его песне, но я едва обращаю внимание на ее болтовню. Я не могу перестать думать о выражении лица Алекса в тот момент, когда наши взгляды встретились. Неужели я действительно ему так нравлюсь? Но если это правда, то что он делает с моей сестрой? Бессмыслица какая-то.

МЭРИ

Я чувствую себя совершенно другой. При виде Рива в коридоре не схожу с пути, чтобы избежать с ним встречи. А просто прохожу мимо с высоко поднятой головой, потому что мне наплевать, заметит он меня или нет. Даже если он вдруг меня узнает, как я того хотела в первый день учебы, несмотря на то, что теперь выгляжу иначе, — не важно. Даже если Рив извинится, ему все равно достанется. Механизм уже запущен.

Я слишком долго оставалась в тени. С меня хватит. Поэтому, шагая по коридору, я улыбаюсь всем этим незнакомцам. На уроке биологии, когда Джеймс Терншек делает на бунзеновской горелке слишком сильное пламя и мензурка трескается, я смеюсь вместе с остальными. Мне даже плевать, что нам придется начинать лабораторную сначала.

Под конец дня мне в коридоре встречается Лилия. Я направляюсь на математику, а она стоит возле питьевого фонтанчика, придерживая одной рукой свои длинные черные волосы и нагнувшись над стружкой воды. Я бы продолжила идти дальше, если бы не ее реакция на мое появление. Лилия делает огромные глаза, раза в два больше обычного размера, и слегка дергает головой, как будто хочет поговорить.

Я пытаюсь незаметно остановиться и вернуться назад. Прижав к груди учебники, подхожу и делаю вид, что изучаю объявление студенческого совета на стене.

Как только я оказываюсь рядом с Лилией, та отпускает волосы. Они тут же закрывают ее лицо, а кончики нескольких прядей падают в раковину и намокают. Наверное, Лилия поступает так, чтобы никто не видел, что она со мной разговаривает.

— Встретимся после школы возле бассейна. Хорошо, Мэри? — шепчет она так тихо, что мне приходится напрячь слух, чтобы ее расслышать.

Я киваю, и мы расходимся в разные стороны.

* * *

Бассейн находится в отдельном здании, которое сейчас закрыто на ремонт. Его подготавливают к зиме, к началу плавательного сезона. Заклинившая дверь приоткрыта, поэтому я проскальзываю внутрь.

Я прихожу последней. Лилия и Кэт вместе сидят на высоком кресле спасателя и, склонившись, что-то смотрят в телефоне. Лилия крутит во рту леденец, Кэт теребит рваный край джинсов.

— Привет, — говорю я. — Что вы там смотрите?

Лилия спрыгивает с кресла, от чего ее плиссированная юбка слегка приподнимается. Она отводит леденец в сторону, и теперь белая палочка торчит в уголке рта.

— Кэт сегодня сняла видео, где ученики в столовой расппевают песню Алекса.

Кэт спрыгивает следующей, ее ботинки шлепают о цементный пол. Она протягивает мне телефон, чтобы я тоже посмотрела.

— Эти ребята зачитали ее как рэп. Но я слышала и другие вариации: в стиле джаза и тяжелого металла...

— Господи, — удивляюсь я, — может, Алекс действительно пишет хорошие песни? Раз они так заседают у всех в головах.

Кэт раздражается смехом, который заполняет все здание и эхом отскакивает от каждой

стены и плитки.

— Надо отдать ему должное, эта фигня цепляет. — С этими словами она достает из кармана сигарету и прикуривает ее.

Я начинаю нервничать, потому что Кэт не стоит здесь курить. Но останавливать ее я не собираюсь. Вместо этого спрашиваю:

— Думаете, кто-то подозревает, что за всем этим стоим мы?

Кэт закатывает глаза.

— Никто нас не подозревает. Никто даже не знает, кто ты такая.

Очевидно, заметив, что я обиделась, Лилия добавляет:

— Да. Вот поэтому ты — наше секретное оружие!

— Ага, тихое, но смертельное, — шучу я.

— Как пердеж! — лопаюсь от смеха, произносит Кэт.

Я тоже смеюсь, а потом показываю ей средний палец. По-моему, я впервые в жизни это сделала.

На лице Кэт расплывается ухмылка.

— О, вы только посмотрите. Наша милая малышка Мэри превращается в оторву.

— Это не так! — взвизгиваю я немного громче, чем хотела, и тут же прикрываю рот ладонью.

— Да я просто шучу, — отступает Кэт. — Но если серьезно, то мы ужасно хороши.

— Не просто хороши, — поправляет ее Лилия и вытаскивает леденец. Весь ее рот окрашен в ярко-вишневый цвет. — Мы великолепны. — Она опускает взгляд на телефон и начинает стучать по экрану. А потом, так и не глядя на нас, говорит: — А вообще, мы уже сейчас можем остановиться, если захотим.

Мы с Кэт смотрим на нее.

— Что?

Лилия убирает телефон в сумку.

— Я лишь говорю... что мы могли бы пока остановиться и приступить к Ренни и Риву. — Ее голос звучит немного тише, чем раньше.

— Ни за что, подруга! — возражает Кэт. — Завтра будет эпичный денек. Первая футбольная игра сезона. Все будут наблюдать наш план в действии. И это будет наша лучшая работа. Бьюсь об заклад, сегодня я даже не сомкну глаз. Черт, да это как гребаный канун Рождества.

Я вижу, что Кэт не воспринимает Лилию всерьез. Она просто улыбается, думая о завтрашнем дне. Но мне заметен взгляд Лилии. Что-то не так.

— Что изменилось? — спрашиваю я у нее.

Она прикусывает губу.

— Не знаю. Ничего.

— Завтра игра. Мы уже столько сделали.

— Лил, забудь уже о своем чувстве вины, — нетерпеливо замечает Кэт.

— Я думала, что это моя месть, — отвечает Лилия, засовывая руки в карманы. — Разве не я должна решать, когда она заканчивается?

— Зачем нам выходить из игры сейчас? — требует ответа Кэт. — Ты кому-то рассказала? Ты что-то сказала Ренни?

— Нет! Боже, нет, все совсем не так. Понимаете, я уверена: что бы ни происходило между моей сестрой и Алексом, оно закончилось. Так что, Кэт, можешь заново строить с ним

отношения. Мне достаточно и того, что он больше не будет ошиваться около моей сестры.

— Только не вмешивай в это меня! — начиная расхаживать, негодует Кэт. — Это твоя месть, не моя.

— Да ладно. Не делай вид, что ты от этого ничего не выигрываешь. Тебе нравится Алекс, он тусовался с моей сестрой, а теперь снова свободен. Поздравляю.

Кэт пристально смотрит на Лилию.

— Называй вещи своими именами, Лил. Твоя младшая сестренка пользовалась им после меня.

Я встаю между ними.

— Эй, о чем это вы? — Алекс и Кэт? Они встречались? — Почему мне никто ничего не сказал? — Я качаю головой. — Это все неправильно. У нас не должно быть секретов друг от друга!

— Ты права, Мэри. — Лилия так резко разворачивается к Кэт, что ее волосы перелетают с одного плеча на другое. — Кэт, кем вы там с Алексом были? Парнем и девушкой, которые каждый вечер пишат друг другу «Я тебя люблю»? Или просто ошибкой на одну ночь?

У Кэт вспыхивают глаза. Но не успевает она ответить, как дверь в бассейн с глухим стуком закрывается и раздается чей-то громкий голос:

— Эй? Кто здесь?

Я ахаю. Как и Лилия.

Кэт наклоняется и тушит сигарету о пол, а потом кивает нам в сторону двери. Мы троим бежим и открываем ее. За дверью оказывается маленькая электрощитовая. Мы втискиваемся внутрь, и Кэт закрывает дверцу, оставляя лишь маленькую щель, чтобы видеть происходящее снаружи.

— Кто это? — шепчет Лилия, но Кэт поднимает палец. Мне кажется, мы все задерживаем дыхание.

В полоске света нам виден один из строителей, который осматривается по сторонам. Большой парень в грязных джинсах, рабочих ботинках, желтой каске и со связкой побрякивающих ключей в руке.

— Эй! Кто здесь? — повторяет он, а потом начинает принюхиваться.

Сигаретный дым.

Кэт рядом со мной закрывает глаза.

Мы совершенно неподвижно наблюдаем за тем, как рабочий, подозрительно оглядываясь по сторонам, обходит бассейн. Он подходит к электрощитовой и закрывает дверь, оставляя нас в темноте.

Через секунду мои глаза привыкают к отсутствию света, и я потихоньку начинаю различать Лилию, которая стоит рядом. Кажется, она вот-вот упадет в обморок. У нее закрыты глаза и сильно трясутся руки. Кэт тоже это замечает и успокаивающе сжимает ее ладонь. Но Лилия так и не открывает глаза.

Несколько минут ничего не происходит, а потом мы слышим, как хлопает входная дверь. Мы выжидаем еще пару секунд, после чего покидаем свое укромное местечко.

— Черт, — выдыхает Кэт, — чуть не попались.

Но Лилия не выглядит расслабленной. Она по-прежнему дрожит.

— Тебе не стоило здесь курить, Кэт.

— Да ладно, — отмахивается та, — нас же не поймали. К тому же это не я кричала.

— Вот об этом я и говорила, — ощетинившись, парирует Лилия.

Я понимаю, что они вот-вот снова начнут ругаться. Нельзя допустить, чтобы все расстроилось еще до того, как я доберусь до Рива и смогу ему отомстить. Но если для Лилии это тяжело, то для меня будет еще хуже. Мне просто придется напоминать себе о том, что Рив этого заслуживает. Он заслуживает всего, что его ждет, и даже больше.

— Девочки, прекратите, — твердым, четким голосом говорю я.

Они обе удивленно смотрят на меня.

И тогда я продолжаю:

— Я верю в то, что мы пытаемся сделать. Просто зная, что Рив получит свое сполна, я чувствую умиротворение, которого не испытывала многие годы. — Быстро делаю вдох на случай, если Лилия и Кэт захотят меня прервать, но они этого не делают. На самом деле, они внимательно слушают. — Я знаю, что у вас двоих запутанная история и в прошлом было много всего. Но сейчас это не имеет значения. Мы все здесь потому, что нам кто-то причинил боль. — Я поворачиваюсь к Лилии. — Если бы у меня была сестра и кто-то ею воспользовался, я бы хотела отомстить ему в десятикратном размере. И в этом нет ничего плохого. Думаю, именно это и значит быть хорошей старшей сестрой. И сейчас ты защищаешь свою сестру. Мне... мне бы очень хотелось, чтобы кто-то сделал подобное для меня.

У Лилии начинает дрожать подбородок.

— Именно этого я и хочу. Защитить Надю.

Кэт цокает.

— О чем ты говоришь? Ты хорошая старшая сестра, Лил. И всегда такой была.

Лилия достает из сумки гигиеническую помаду и наносит ее на губы.

— Давайте пройдемся по завтрашнему плану на футбольный матч. Нам нужно многое предусмотреть.

И мы быстро снова переходим к делу.

КЭТ

Сегодня пятница, только что пробило семь. Изначально мы планировали приобрести в автомагазине запчасть для мотоцикла Рики, но тот уже был закрыт, поэтому теперь мы просто катаемся по городу. Я, Рики и Джо. Рики и Джо — парни, с которыми я познакомилась через своего брата, Пэта. Они оба учились на год старше меня. И сейчас Джо еще не выпустился, потому что прогуливает уроки, а Рики ходит в общественный колледж. Лилия, вероятно, сочла бы их неудачниками, но они хорошие ребята.

Я сижу впереди, а Рики дремлет на заднем сиденье.

— Куда мы едем? — спрашиваю я у Джо.

— А куда мы обычно ездим? — с полуприкрытыми глазами отвечает он. — Никуда.

— Вот почему этим летом она перестала с нами тусить, — сонно ворчит Рики.

— Заткнись. Это неправда. — Но так оно и было. Большую часть времени я проводила с Алексом. Повернувшись, бью Рики по плечу. — Просыпайся! Ну же. Сегодня вечер пятницы. Давайте чем-нибудь займемся.

— Ты какая-то взвинченная, Кэт, — отзывается Джо. — Тебе стоит расслабиться.

Я взвинченная, потому что скоро начинается футбольный матч. Я наклоняюсь вперед и стучу по приборной доске.

— Эй, у меня идея. Почему бы нам не заехать в школу? Сегодня будет матч. Посмеемся над народом.

Джо смотрит на меня как на сумасшедшую.

А Рики садится прямо и говорит:

— Футбольный матч? Да ни за что.

— Поехали, ребята, — уговариваю я. — Что нам еще делать? Кататься всю ночь по городу? — Я открываю сумочку и достаю пакетик травки, которую стащила у брата. — Вы курите. А я веду машину.

И от этого предложения они, конечно же, не могут отказаться.

* * *

Через полчаса мы стоим под трибунами возле конечной зоны. Игра вот-вот начнется. Лилия разминается на боковой линии, делая махи руками и ногами. Мы встречаемся взглядами, и она успевает кивнуть перед тем, как приступить к растяжке. Это означает, что все готово. Отлично. Признаться, я переживала после нашего вчерашнего разговора в бассейне. Не нужно больше на нее давить. Потому что, если Лилия решит уйти, я никак не смогу ее остановить. Даже если стану рассказывать всем в школе о том, что она сделала с Алексом, никто ее не осудит, тем более после того, как узнают о причинах. Сложно признаться, но она нужна мне больше, чем я ей. Если бы не Мэри, мы бы вчера вконец разругались. И к чему бы это привело?

Забрав у Джо сигарету, я делаю затяжку и в этот миг замечаю на трибунах Мэри. Она возбужденно машет мне рукой. Я отвожу взгляд, но прежде замечаю, как ее лицо искажается от боли.

Мне становится не по себе. Она сидит там одна. Но я ведь не могу ее позвать к нам с Джо и Рики. Они станут задавать вопросы, захотят узнать, кто она такая. А Мэри при виде

косяка, скорее всего, упадет в обморок. Пусть лучше все остается так, как есть.

МЭРИ

Черт!

Я отвожу взгляд и сползаю ниже по сиденью. Глупо было махать Кэт, когда вокруг столько людей. И это называется не привлечь к себе внимание. К тому же помахать кому-то и не получить ответ — ужасно неловко. Надеюсь, никто этого не заметил.

Думаю, когда все закончится, мы с Кэт можем стать подругами. А вот по поводу Лилии не уверена. Нет, я надеюсь, что мы будем иногда болтать. Но она такая популярная. Ей не нужна еще одна подруга. Наверное, самое большое, на что я могу рассчитывать, — это что на людях мы перестанем притворяться незнакомками.

Расположившийся внизу, перед трибунами, оркестр острова Джар начинает исполнять какую-то боевую песню. Я сижу на самом верхнем ряду, поэтому мне его не видно. Лишь края сверкающих медных духовых инструментов, которые движутся в унисон из стороны в сторону, и торчащие из шляп белые перья.

Все вокруг подпевают. Машут руками, словно чайки — крыльями, и громко топают ногами по трибунам.

Но я слов не знаю.

Лилия и Ренни в своей чирлидерской форме стоят на футбольном поле. У Ренни в руках рупор с большой буквой «К» сбоку, наверное, потому что она капитан. Остальные девочки из группы поддержки выстроились в идеальную шеренгу, мыски их кед едва касаются белой боковой линии, выведенной мелом. Лилия, Ренни и Эшлин расхаживают вдоль строя и тщательно осматривают каждую чирлидершу: поправляют белые атласные ленты, которыми повязан хвосты, разглаживают кофты, по необходимости наносят на губы блеск. Дойдя до конца линии, Ренни и Лилия какое-то время совещаются. После чего Лилия бегом приносит Ренни пушистые белые помпоны, и они вместе с остальными девочками начинают ими трясти, пытаясь раскачать людей на трибунах.

Я наблюдаю за тем, как Лилия и Ренни исполняют свой короткий танец, улыбаясь и смеясь друг другу в лицо. Все больше и больше я начинаю понимать, насколько для Лилии это должно быть тяжело — вести себя с Ренни как подруга и при этом помогать Кэт нанести ей удар в спину. Откровенно говоря, все, кому мы собираемся отомстить, являются друзьями Лилии.

На стадион выходит футбольная команда противников и направляется на противоположную сторону поля. У них своя группа поддержки и оркестр, но нет и половины болельщиков, которые есть у нашей команды. Наверное, из-за того, что сюда им пришлось добираться на пароме. Для них это препятствие, а для нас — удача. Видимо, не зря существует такое понятие, как преимущество игры на своем поле.

Наш оркестр начинает исполнять другую мелодию. Чирлидерши выстраиваются в две длинные линии по краям от двери в раздевалку. Затем Лилия и Ренни на всю конечную зону растягивают рулон оберточной бумаги, на которой яркими округлыми буквами выведено: «В бой, «Чайки», в бой!»

Несколько секунд спустя распахиваются двери, и оттуда со шлемами в руках вылетает команда футболистов. Во главе нее широкими шагами скачет Рив, а за ним уже все остальные. И он же первый с треском прорывается через бумагу.

Под глазами у Рива нарисованы черные полосы, а мокрые волосы зачесаны назад.

Наши болельщики вскакивают со своих мест и начинают орать. Он ухмыляется и показывает пальцем на трибуны, словно выделяет в толпе знакомого ему человека. Например, маму или папу, которым посвящает игру. Только Рив делает это вдоль всей трибуны, указывая на каждого. А те орут так, будто он выделил именно их.

Обожаемый всеми Рив Табатски.

* * *

В тот день шел сильный дождь. Возвращение на остров Джар выдалось тяжелым, паром качало из стороны в сторону. Когда мы причалили, оказалось, что отец Рива за ним не приехал. На самом деле, он никогда его не забирал, но я подумала, что в этот раз из-за дождя сделает исключение.

Я сразу заметила мамину машину в том месте, где она всегда останавливалась. Я застенчиво поинтересовалась у Рива, не хочет ли он, чтобы мы его подвезли, но тот отказался. Он собирался ждать, пока не прекратится дождь. Направляясь к машине, я то и дело оглядывалась через плечо. Рив пытался укрыться под навесом туристического киоска, но его рюкзак с учебниками все равно намокал. Как и плечи. А после грянул гром, такой сильный, что эхом отозвался у меня в груди. Добравшись до машины, я спросила у мамы, не можем ли мы подвезти домой Рива. И она согласилась.

Когда мы притормозили возле него, он поглядел на нас с благодарностью, а потом забрался на заднее сиденье.

— Вы уверены, что вас это не затруднит?

— Ни капельки, Рив. Я рада, что у меня наконец появился возможность с тобой познакомиться.

Я не смела повернуться и посмотреть на Рива — боялась, что он подумает, будто я рассказала маме и папе о своем прозвище и о том, как плохо он ко мне относится. Но я ничего подобного им не говорила. Только хорошее.

— Как насчет того, чтобы заехать в «Скупс» и поесть мороженое? — предложила мама.

Я набралась мужества и, развернувшись, посмотрела на Рива.

— Тебе сразу нужно ехать домой?

Рив покачал головой, но прошептал:

— У меня нет денег.

— Ничего страшного, — улыбнувшись, прошептала я в ответ, потому что мама все равно не позволила бы ему заплатить.

Мама взяла свое любимое шоколадное мороженое с шоколадной крошкой, Рив выбрал «лосиные следы»¹⁰ в вафельном рожке. А я обычно брала шарик шоколадного с мятой и шарик карамельного с арахисом, но в этот раз решила попробовать «радужный шербет», потому что, как гласил информационный стенд, в нем было меньше калорий.

Когда мы высадили Рива, он, несмотря на проливной дождь, не побежал сразу домой. А подошел к моему окну и, поблагодарив маму, сказал:

— Увидимся завтра! — И только после этого помчался по дорожке к дому.

Мы подождали, пока он зайдет внутрь, и поехали к себе.

Всю дорогу домой я не переставала улыбаться. Я нравилась Риву. Он стал моим другом. Теперь все должно было измениться.

После того дня все и правда изменилось. Рив больше не удирал с парома, оставляя меня

позади. Наоборот, ждал, и мы вместе шли в школу.

* * *

Передо мной сидят три девушки, одетые в школьные цвета острова Джар. Одна из них наклоняется к подругам и говорит:

— Боже, Рив такой красавчик.

— Он свободен? — спрашивает другая. — Или все еще мутит с Терезой Круз?

Я задерживаю дыхание.

— У них все кончено, — произносит третья девушка. — Теперь Рив вместе с Ренни. Во всяком случае, я так думаю. Слышала, что они встречались пару раз.

В мой первый день именно Рив утешал Ренни после того, как Кэт плюнула ей в лицо. Он даже отдал ей свою футболку, чтобы вытереться.

Могут ли они быть вместе?

Я перевожу взгляд на поле. Ренни забирается на самую вершину чирлидерской пирамиды. Она такая маленькая и весит, наверное, не больше девяноста фунтов. Ее кроссовки скользят по спинам девчонок из команды, она подтягивается все выше и выше. Некоторые из них морщатся.

Такие девушки, как Ренни, всегда получают то, что хотят. Им плевать, через кого придется переступить.

А это неправильно.

Я наконец выдыхаю. И в этот момент нога Ренни соскальзывает. Вся толпа это замечает. Кто-то вскрикивает. В итоге Ренни падает спиной назад и приземляется в руки своим страхующим, которые аккуратно опускают ее на землю — целую и невредимую. Она, похоже, злится из-за того, что не смогла добраться до вершины. Злится и недоумевает. Остальные девочки в пирамиде слезают друг с друга, и Ренни начинает кричать, что они в плохой форме.

Мое сердце бешено колотится, я тяжело дышу. Я в этом не виновата. Я не могла это сделать.

Даже если Ренни и заслужила. Даже если на миг мне и захотелось, чтобы она упала. Просто, чтобы что-то произошло, одного желания недостаточно.

Или нет? В тот день, когда я преследовала Рива в коридоре, мне так хотелось, чтобы он обратил на меня внимание. Шкафчики... неужели именно я заставила их захлопнуться?

Я сильнее вжимаюсь в кресло и засовываю руки под бедра. Нет. Ни в коем случае. Это невозможно.

Пока все внимательно смотрят на поле, я обращаю лицо к комментаторской будке в самом верху трибун. За микрофон усаживается пожилой мужчина. Шнур микрофона воткнут в микшерский пульт, который подсоединен к громкоговорителям, установленным на свесе крыши. Он делает глоток воды, прочищает горло и говорит:

— Дамы и господа, встречайте «Боевых чаек» с острова Джар!

Мужчина открывает лежащую перед ним папку и начинает водить пальцем по списку имен, который мы с Кэт подложили в его будку сегодня рано утром, когда на стадионе еще никого не было.

— Давайте тепло поприветствуем наших выпускников, которые играют последний сезон. — Как только из динамиков доносятся эти слова, Рив, Алекс и остальные

старшеклассники отделяются от команды и встают лицом к трибунам. Чирлидерши-выпускницы тоже делают шаг вперед и устраиваются за ними.

— Нападающий и капитан, номер шестьдесят три, РИВ ТАБАТСКИ.

Услышав свое имя, Рив запрыгивает на скамейку для команды и машет толпе. Болельщики встречают его, как рок-звезду. Ренни делает несколько обратных сальто по всей длине скамейки.

— Бьющий, номер двадцать семь, ПИ ДЖЕЙ МУР!

Все приветствуют Пи Джея, который встает на скамейку рядом с Ривом. Потом отводит ногу назад и резко выбрасывает ее вперед, изображая пинок. Лилия подпрыгивает и выполняет той-тач.

Аплодисменты стихают, и я задерживаю дыхание, так как знаю, что будет дальше.

— Принимающий, номер сорок шесть, АЛЕКС ЛИМП¹¹.

Некоторые болельщики начинают хлопать, но в основном люди хихикают и перешептываются.

— Как его назвали? Лимп?

Алекс наклоняет голову вбок, как будто сомневается, правильно ли расслышал. Его лицо становится красным — краснее, чем характерно для его кожи. Краснее, чем у любого другого человека, которого я когда-либо видела. Светловолосая девушка, чирлидерша Алекса, вскидывает помпоны над головой и уже собирается делать стойку на руках. Но так и замирает.

Поскольку Алекс не забирается на скамейку, комментатор еще раз объявляет его имя:

— АЛЕКС ЛИМП!

В этот раз его слышат все.

Рив сгибается пополам и смеется. Пи Джей вторит ему. Один из игроков, стоящих за Алексом, хлопает его по спине. Когда Алекс поворачивается к нему, все в толпе видят это — на обратной стороне его футболки написано не «Линд», а «Лимп».

Эта великолепная идея принадлежит Лилии. Она подменила его старую футболку на новую, купленную в спортивном интернет-магазине, который шьет футболки в цветах нашей школы. Она отправила им денежный перевод, чтобы ее имя нельзя было отследить, и получила посылку на следующий день.

— Боже мой, — взвизгивает девушка, сидящая передо мной. — Алекс Лимп? Фу-у! Какой ужас!

Я смотрю на Лилию. Та прикрывает лицо руками, делая вид, что потрясена. Когда ведущий первый раз объявил имя Алекса, ее сестра принялась прыгать и хлопать, но теперь ее руки свисают по бокам. Она отступает назад и прячется за спинами других чирлидерш, которые выстроились вокруг скамейки.

Алекс начинает крутиться, как собака, преследующая свой хвост, в попытке увидеть или прикрыть руками надпись на футболке. Я лопаюсь от смеха, потому что это нереально смешно.

В конце концов Рив спрыгивает со скамейки и предпринимает попытку ему помочь, но при этом продолжает хохотать. Может, он действительно хочет помочь. Но Алекс видит лишь насмехающегося над ним друга, поэтому опускает голову и, отбросив свой шлем, кидается на Рива. Обхватывает его руками за талию и с грохотом опрокидывает на землю.

На трибунах больше никто не аплодирует. Все члены команды толпятся вокруг дерущихся парней. Тренер берет свисток и несколько раз подряд свистит. Комментатор

продолжает объявлять имена оставшихся выпускников, но на скамейку никто не поднимается. Все пытаются оттащить Алекса, бьющего Рива по лицу. Я вижу, как Алекс хорошенько заряжает Риву прямо в челюсть, и закрываю лицо ладонями.

Кэт и ее друзья с криками подбегают к забору: «Драка! Драка! Драка!» Потом она забирается на забор, чтобы получше разглядеть происходящее.

Наконец Алекса оттаскивают. Рив спиной лежит на траве. Один из членов команды протягивает ему руку, чтобы помочь встать, но он отталкивает ее и поднимается сам. Хотя ему и требуется на это время. Его челюсть красная и опухшая. Футболка в грязи.

В нескольких шагах от него стоит Алекс с Дерекком, который не дает ему снова броситься на Рива. Алекс что-то кричит — мне со своего места слов не разобрать — и поверх плеча Дерекка тычет в него пальцем. Но Рив даже не слушает. Он поворачивается к нему спиной и уходит к боковой линии. Ренни бросается за ним, чтобы узнать, все ли в порядке, но Эшлин ловит ее за руку. И она не отпустит. К Риву подбегают два взволнованных тренера и проверяют его бросковую руку. К Алексу же никто не подходит, кроме главного тренера, который, брызгая слюной, начинает на него громко орать. Дерекк вынуждает Алекса сесть на скамейку, а после тоже уходит.

— И о чем думал Алекс? — вскрикивает одна из девушек, сидящих передо мной. — Рив же наш нападающий. Он мог загубить весь футбольный сезон!

— Уверена, он до сих пор злится на Рива за «Красную ленту».

— Наш бедненький, слабенький Алекс, — лепечет третья девушка, а две другие смеются.

Вскоре начинается игра. Если Рив и был потрясен поведением Алекса, то не показывает этого. Всего через две-три комбинации он пасует мяч в зачетную зону и зарабатывает тачдаун. К этому времени все снова скандируют имя Рива, как будто никакой драки и не было. Алекс с расстроенным видом сидит на скамье.

В перерыве между периодами я встаю, чтобы купить себе диетическую колу, но очередь оказывается слишком длинной. Кэт уже ушла. Я видела, как она с друзьями покидала стадион вскоре после драки. Интересно, мне следует тоже уйти или остаться?

Я прохожу мимо скамейки для чирлидерш. Девушка, которая должна поддерживать Алекса, стоит в нескольких шагах от команды и умоляет Ренни с Лилией.

— Ну же, девочки! — хнычет она. — Можно я буду поддерживать кого-то другого?

— Ты серьезно? — складывая руки на груди, говорит Лилия.

— Пожалуйста! Каждый раз, когда я выкрикиваю свою кричалку, люди вопят: «Вперед, слаба-а-ак!»

— Не переживай, — отвечает Ренни, — сегодня он, скорее всего, даже не будет играть. Девушка вздыхает.

— А что, если его выкинут из команды? Мне тогда некого будет поддерживать!

В этот момент подходит Надя и тихо обращается к Ренни:

— Если Венди не хочет поддерживать Алекса, мы можем поменяться. Я не возражаю.

У Лилии отвисает челюсть.

— Никто не меняется игроками, — возмущается она. — Ренни долго думала над их распределением.

— Лилия права, — кивая, соглашается Ренни. — Как я сказала, так и будет. Венди, ты взяла на себя Алекса. И должна выполнять свои обязательства. Если тебе что-то не нравится — уходи. — Она достает из спортивной сумки, лежащей на скамейке, зеркало и поправляет

волосы. — Сегодня на трибунах присутствует пять представителей колледжей, которые присматриваются к Риву, и мне нужно, чтобы он отыграл на все сто, а не переживал из-за какой-то ерунды. Разговор окончен.

Ренни разворачивается и уходит, оставляя Надю и других чирлидерш. Лилия следует за ней, а, проходя мимо меня, кивает.

Я киваю в ответ. Миссия выполнена. И как нельзя вовремя, потому что я, если честно, жду не дождусь, когда мы приступим к Ренни.

КЭТ

Мы с Рики и Джо уходим с матча в перерыве. Футбол — невероятно скучная игра. Покупаем сырные палочки и кофе в «Серф Дайнер», еще немного катаемся по городу, а потом я прошу парней отвезти меня домой.

Несмотря на то, что сегодня вечер пятницы, я сажусь за домашнюю работу — просто чтобы чем-то себя занять. Но Алекс никак не выходит из головы.

Уверена, из-за драки с Ривом у него будут неприятности. Мама, скорее всего, отправит Алекса в его холостяцкую берлогу без ужина, заберет телефон или накажет как-нибудь еще. Судя по тому, как она с ним сюсюкается и покупает ему одежду, ей хотелось девочку. Так что она точно разозлится на него из-за драки. Ведь она вся такая утонченная, а Алекс повел себя как животное.

Никогда бы не подумала, что он способен на такую ярость. И уж точно не ожидала, что он ударит Рива. Поступок не был изящным и красивым, но Алекс метился точно в цель и попал. Мне хотелось позвонить ему и сказать, чтобы в следующий раз он вкладывал в свои удары больше силы. Держу пари, тогда бы Рив потерял сознание.

Но я не буду ему звонить. И не стану отвечать на его сообщения или электронные письма. До тех пор пока не буду уверена, что он усвоил урок. Что со мной не стоит шутить. Что он был идиотом, когда предпочел Надю мне.

Сегодня мне пришла в голову отличная мысль — попросить Рики подвезти меня в понедельник в школу. Ничто так не вызывает у ребят желание вернуть тебя, как появление на горизонте другого парня. Или, в моем случае, создание иллюзии другого парня.

Именно так мои мама и папа оказались вместе. Они встречались несколько месяцев, а когда он отказался переводить отношения на следующий этап, она появилась в его любимом баре со своим приятелем-геем, Альбертом, и горстью четвертаков для музыкального автомата. Потребовалась всего одна медленная песня, чтобы к ним подошел папа и похлопал ее друга по плечу. Моя мама поступила очень хитро.

Нет, я не пытаюсь так же подловить Алекса. Я просто живу своей счастливой жизнью, а он пусть живет своей — жалкой.

Я без труда представляю его стоящим на парковке в одиночестве. Никто с ним не разговаривает, все друзья избегают его из-за драки с Ривом. Ренни всегда Алексу предпочтет Рива. Я это точно знаю. Он будет как потерявшийся щенок, одинокий маленький мальчик. И тут подкачу я на ревущем мотоцикле Рики. Сниму шлем и медленно тряхну волосами.

И Алекс поймет, что потерял.

Уверена, он сразу подойдет ко мне. Либо там же на парковке, либо когда я буду стоять у своего шкафчика. Он будет умолять меня о прощении и говорить, что Надя ничего для него не значила. Что во всей школе больше нет такой девушки, как Кэт Дебрассио. Что после Кэт нет дороги назад.

* * *

В понедельник утром Рики заезжает за мной на мотоцикле. Я рада, что это японская модель, на которую он установил гоночные амортизаторы, чтобы можно было прыгать по песочным дюнам. Именно на нем я и хотела ехать. А не на его мятно-зеленой «Веспе».

Никто не увидит во мне ничего сексуального, если я спущусь с мятно-зеленой «Веспы».

Когда я выхожу из дома, он поднимает щиток на шлеме.

— Черт, Кэт.

Я бегу по дорожке, и мои волосы подпрыгивают, как в рекламе шампуня. Сегодня утром я завила концы. Но не настолько, чтобы можно было подумать, будто я пыталась прихорошиться. Скорее, будто я вчера легла спать с мокрой головой и проснулась с сексуально-растрепанными волосами. Еще я вырядилась в свои самые узкие черные джинсы, черный топ и мамины черные туфли на каблуках. Наверное, каблуки — это слишком, но мне плевать. Сегодня собрание старших классов, на котором появятся кураторы из приемных комиссий нескольких колледжей, поэтому я, если спросят, всегда могу сказать, что приоделась по этому поводу.

— Спасибо, что заехал за мной, — говорю я, забираясь на мотоцикл.

Сначала я обнимаю Рики за талию, но, хорошенько подумав, отстраняюсь и хватаюсь за сиденье. Такая поза смотрится немного круче.

— Да без проблем. Все равно мое первое занятие начинается только в девять тридцать. Вот, — поворачивается Рики и передает мне свой гоночный шлем, глянцевого, с красными полосками и тонированным щитком, — надень. Я забыл взять запасной для тебя.

Я отмахиваюсь.

— Все нормально. — В конце концов, школа находится всего в миле отсюда. И я не хочу, чтобы волосы примялись.

— Надевай, Кэт. — Судя по его тону, Рики никуда не поедет, пока я не сделаю так, как он сказал.

Я надеваю шлем, и Рики срывается с места. Мотоцикл ревет. Слишком громко. Глушитель специально сделан таким образом. Я улыбаюсь, потому что все слышат, как мы подъезжаем.

— Быстрее, — кричу я Рики и обнимаю его за талию.

Он был бы милым парнем, если бы так не любил травку. Я чувствую, как Рики напрягается, а потом увеличивает скорость. Перестраивается на встречную полосу, чтобы обогнать медленно движущийся к школе автобус. Быстрее. Одно из тех слов, которые так нравится слышать парням.

Рики заезжает на парковку.

— Не могу поверить, что позволил тебе дважды за последние три дня затащить меня сюда.

Я вижу внедорожник Алекса.

— Туда, — указываю я другу.

Слезаю я с мотоцикла именно так, как и планировала. Одним прыжком. Потом снимаю шлем и встряхиваю волосами.

В эту минуту я и замечаю Алекса, который стоит, прислонившись к двери своей машины. Но он не один. Он разговаривает с Ривом и Ренни. На самом деле, похоже, болтает только Ренни. Она много жестикулирует руками и показывает на Рива, а потом нежно гладит его по плечу. Бьюсь об заклад, она пытается убедить Алекса, что Рив не имеет никакого отношения к нашему розыгрышу. Она явно не знает, что значит не лезть в чужие дела.

Не думаю, что Алекс на это купится. Он не смотрит ни на одного из них, но, когда Ренни заканчивает говорить, они с Ривом ударяют по рукам и вместе идут в школу.

У Рива на лице — в том месте, куда ему заехал Алекс — нет синяка, и меня это

расстраивает. Но не настолько сильно, как осознание того, что они все еще друзья. Ну и то, что Алекс полностью пропустил мое эффектное появление.

— Ладно, — говорит Рики. — Я поехал.

Я отдаю ему шлем.

— Спасибо, что подвез.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Всегда пожалуйста. — А потом уезжает.

— Отличный наряд, Кэт! — сложив ладони рупором, кричит Ренни. — Байкерская шляпа — идеальный для тебя образ!

Мне ничего не стоит снова напасть на Ренни и плюнуть ей в лицо. В этот миг меня даже не волнует, что обо мне подумает Алекс. Но мне не нужно ничего делать. Рано или поздно Ренни свое получит. Мне остается лишь верить, что Лилия и Мэри прикроют мою спину так же, как и я — их.

По дороге к зданию школы я прохожу мимо джипа Ренни, припаркованного на самом лучшем месте. И не могу пересилить свою злость. Ленивой походкой иду к машине, опускаюсь на корточки возле переднего колеса и откручиваю колпачок. Я видела, как однажды подобное делал Пэт, чтобы выпустить из колеса воздух, когда мы застряли в снегу. Но у него для этого был специальный инструмент — что-то, чем можно надавить на небольшой воздушный клапан. Черт.

И тут меня осеняет — туфли на каблуках. Я снимаю одну и вставляю каблук в клапан. После нескольких попыток я наконец слышу шипение. Но колесо спускается не так быстро, как мне бы того хотелось. Это скорее похоже на медленную утечку воздуха. Раздается звонок на урок, но я лишь удобнее устраиваюсь на земле. Ничего страшного, ради такого можно и опоздать.

ЛИЛИЯ

Мы с Ренни решаем пройтись по магазинам на материке, чтобы выбрать себе платье на бал. Маме я об этом не говорю, потому что она наверняка заставит взять с собой Надю. Вместо этого, пока она в душе, потихоньку вытаскиваю ее платиновую кредитку из кошелька. Нет, это не воровство. Она сама мне говорила, что я могу заказать платье по интернету.

Я еще хотела пригласить Эшлин, но Ренни настояла на том, чтобы мы поехали только вдвоем.

Мы уходим с тренировки пораньше, чтобы успеть на пятичасовой паром, оставляя Эшлин за главную вместе с тренером Кристи. Ренни врет тренеру, что нам нужно кое с чем помочь ее маме в галерее. Эш бросает на нас подозрительный взгляд, но ничего не говорит.

Обычные пассажирские билеты на паром не такие уж и дорогие, но с заездом на машине выходит больше сотни долларов, если туда и обратно. Ренни открывает кошелек. Тот набит деньгами — пачкой старых мятых купюр. Я знаю, что она откладывала свою зарплату хостеса на красивое платье для бала. У нее для этого есть отдельная копилка, в которую уходит каждый цент.

— Я заплачу, — говорю я и вручаю парню наличные.

Уверена, Кэт за такое разозлилась бы на меня, но она ведь все равно ничего не узнает. Ренни благодарит меня около сотни раз, что очень мило с ее стороны.

Мы в ее джипе заезжаем на паром и паркуемся на грузовой палубе. В основном все пассажиры выходят из машин и поднимаются наверх, но только не мы. Мы с Ренни остаемся в джипе, слушаем радио и просматриваем журналы, которые я взяла с собой для поиска подходящего образа платья на бал. Ренни хочет что-нибудь облегающее и, возможно, с блестками. Я же хочу платье без лямок, с лифом в виде сердца. Белое или, может быть, розовое.

Никто не ходит по магазинам так, как Ренни. Для меня заблудиться — плевое дело. А вот Ренни, несмотря на то, что здесь мы бываем довольно редко, знает, где расположены лучшие магазины и как быстрее всего пройти от одного к другому. На покупку платьев у нас всего пара часов, потом перекусить, вернуться на причал и успеть к последнему парому на остров.

В первом магазине ничего нет, во втором выбор не намного лучше. В обоих продается куча свитеров и вельветовых штанов, потому что сейчас осень, но почти нет платьев. По крайней мере, достаточно модных, чтобы пойти в них на бал. Может, для младших классов и сойдет, но выпускницы всегда появляются разодетыми в пух и прах. Это как бы репетиция выпускного бала.

В третьем магазине нам наконец-то улыбается удача, и мы, набрав кучу платьев, заходим в смежные примерочные кабинки.

— Ты знаешь ту новенькую десятиклассницу? — спрашивает Ренни.

Практически надев платье, я замираю. *Мэри*. В голове проносится миллион мыслей. Могла ли Ренни увидеть, как мы разговариваем в коридоре? Вряд ли, я была осторожна. Но, может, она заметила, как я киваю ей на футбольном матче? Круто будет, если вся история с Алексом рухнет у меня на глазах, когда мы уже почти закончили.

Я опускаю взгляд на бежевый ковер. Красные ногти на ногах Ренни направлены в сторону разделяющей нас перегородки.

— Какую?

— Уверена, ты ее видела, Лил. У нас не такая уж большая школа. В любом случае, некоторые десятиклассники говорят, что она така-а-ая сексуальная. — В том, как Ренни растягивает слово «такая», слышится сарказм. — Они все хотят выбрать ее королевой бала. Хотя мне она не кажется такой уж красавицей. До королевы бала точно не дотягивает. Готова поспорить, она даже не блондинка и красит волосы.

И хотя я рада, что Ренни не заметила нашей связи, меня бесят ее слова. Мэри красивая. Немного странная, это да. Но красивая. И здорово, что другие, особенно парни, тоже это видят. У нее выдалась не самая легкая жизнь. Я до сих пор не знаю точно, что ей сделал Рив, но это явно очень сильно на ней сказалось.

До меня доносится шуршание материала, когда Ренни натягивает через голову платье.

— О-о! Оно такое милое. Ты готова показаться? — Дверь в ее примерочную распахивается, а затем закрывается.

Я спешно натягиваю платье. Оно мне даже не нравится. Цвет совершенно не мой. Но все равно выхожу из кабинки.

Ренни стоит на цыпочках на помосте и любуется собой в трехстороннее зеркало. Потом ее взгляд перемещается с отражения на меня.

— Цвет шампанского тебе не идет, — заявляет она.

— Знаю, — отвечаю я и сажусь в одно из мягких кресел возле зеркала, потому что теперь мне расхотелось мерить платье.

— Это сексуальное, но я что-то сомневаюсь. — Ее голос звучит грустно. — Надо было мерить его последним.

Платье, о котором она говорит, облегающее, серебристое и покрыто блестками. Именно такое, какое она хотела с самого начала. Клянусь, Ренни всегда получает то, что хочет.

— В смысле? — недоумеваю я.

— Оно пока единственное, которое я примерила, и мне кажется, что если я его куплю, то потороплюсь. Первое платье никогда не бывает идеальным.

Я ничего не отвечаю, просто смотрю на свои ногти.

— Лилия! — жалобно скулит она. — Что ты думаешь? Оно *то самое*?

Я поджимаю губы, делая вид, что раздумываю, а потом вздыхаю:

— Думаю, да. Наверное. — Хотя платье и правда смотрится на ней восхитительно.

Разочарованная моим безразличием, Ренни фыркает. Потом поворачивается к зеркалу и снова улыбается. Она знает, что хорошо выглядит. Для этого ей не нужно мое подтверждение. Что я говорю и что думаю, не имеет для нее абсолютно никакого значения.

Она поворачивается спиной и любуется своим задом.

— Наверное, мне нужно было спросить: «Понравится ли оно Риву?» Его мнение важнее всего, раз уж я иду с ним.

Я резко выпрямляюсь в кресле.

— Подожди. Разве мы идем не большой компанией?

Так было всегда, еще с девятого класса. Никаких парочек. Никто никого специально не приглашает. На выпускной — может быть, но не на бал. Мы все просто приходим большой компанией.

— Уже нет. Эш идет с Дерекком, Пи Джей ведет ту милую десятиклассницу, Элли. Я иду с Ривом.

— Ты его уже пригласила?

Когда это произошло? Когда все разбились на парочки, не сказав мне?

— Пока нет. Но ясное дело, что он согласится. — Ренни возится со своим лифом без лямок, пытаясь подчеркнуть грудь. — Говорю тебе, Лил. Это будет наш вечер. Он будет выглядеть сексуально. Я тоже. Видела, что было, когда мы играли в бутылочку? Вспыхивали фейерверки.

Я чувствую, что покрываюсь испариной.

— Тогда с кем пойду я?

Она спрыгивает с помоста и говорит:

— Иди с Линди, — а потом исчезает в примерочной.

Боже мой. Она серьезно? Это так похоже на Ренни — не считаться с тем фактом, что Надя встречалась с Алексом, о чем она точно знает и до сих пор не сказала мне! Просто невероятное равнодушие. Я не пойду на бал с Алексом, даже если есть хоть малейшая вероятность, что я ему нравлюсь. И уж точно не после всего того, что я ему сделала. Это было бы ужасно некрасиво.

— Я не пойду с Алексом, — огрызаюсь я. — Просто поеду с вами в лимузине.

С другой стороны двери доносится голос Ренни:

— Мы все идем парами. Будет выглядеть странно, если ты появишься одна, в довесок к нам и без парня. К тому же Алекс тоже еще никого не пригласил. Так что вы, судя по всему, идете вместе.

Честно говоря, мне плевать, как это выглядит.

— Я сказала «нет», — повысив голос, отвечаю я.

— Ладно, как знаешь. Мое дело предложить. Поступай так, как подсказывает твое маленькое сердечко.

Я возвращаюсь в кабинку и заставляю себя примерить остальные платья. Последнее вроде ничего так, милое. Оно черное — цвет, который я даже не рассматривала, — но фасон точно такой, как я хотела. Без бретелек, с лифом в виде сердечка и короткой пышной юбкой. Модное и утонченное. Я выхожу из примерочной и интересуюсь у Ренни, что она думает.

— Со шпильками бледно-розового цвета? — спрашиваю я.

Ренни постукивает пальцем по губам, обдумывая ответ. Раньше я всегда отталкивалась от ее решения. Идет или нет мне что-то из одежды.

— Думаю, я его возьму, — добавляю я. Заберу под него волосы наверх.

Я схожу с помоста и возвращаюсь в примерочную.

Снимаю платье и вешаю его обратно на вешалку. Оно дорогое, гораздо дороже, чем, по моему мнению, может стоить простое черное платье. Я стою в одном нижнем белье и размышляю, не убьет ли меня мама, когда вижу, как под перегородкой Ренни машет мне рукой.

— Эй, дай мне примерить последнее платье.

«Ты уже нашла себе платье, — хочется сказать мне. — К тому же ты не можешь его себе позволить».

Но вместо этого я просовываю его под перегородку, а после одеваюсь и жду Ренни.

Меня совершенно не радует, что ей оно тоже очень идет. А потому решаю здесь и сейчас, что точно его куплю.

— Оно такое *милое*, — щебечет Ренни, любуясь собой. — Какое мне идет больше, Лил?

Мне хочется закричать. Но я молчу. Конечно же, молчу. И просто меняю тему разговора.

— Слышала, что Мелани Ренфро активно продвигает свою кандидатуру на титул

королевы бала? Я видела, как она разговаривала с парнями-легкоатлетами.

Ренни закатывает глаза.

— Меня не волнует Мелани Ренфро. Говорю тебе, Лил, у меня все под контролем. — Она склоняет голову набок и кивает, принимая окончательное решение. — Серебристое. Оно больше подходит для королевы бала.

И тут меня осеняет. Я нашла самый лучший способ отомстить Ренни.

* * *

Всю обратную дорогу на пароме мне не терпится поделиться с Кэт своим идеальным планом мести — мы не дадим Ренни стать королевой бала.

Как только мы добираемся до острова Джар, я больше чем уверена, что Ренни высадит меня у дома. Но вместо этого она проезжает мимо моего района. Я поворачиваюсь к ней, и она говорит:

— Я хочу заехать к Алексу. Надо поговорить с Ривом насчет бала.

— Прямо сейчас? Разве нельзя сначала завести меня домой?

— Нет. — Она кладет руку на сердце. — У меня предчувствие, что это нужно сделать сегодня. Это займет не больше пяти минут.

И снова. То, чего хочу я, не имеет для нее значения.

— Тогда я подожду в машине.

— Пошли со мной. Составишь Алексу компанию, пока я говорю с Ривом.

Мы останавливаемся, и Ренни подкрашивает губы блеском. У нее трясется рука — так сильно она нервничает. Сложив руки на груди, я иду за ней в домик у бассейна. Уверена, вид у меня не самый счастливый, потому что так оно и есть. На самом деле, я надеюсь, что Рив ее отошьет.

Они с Алексом сидят на диване и играют в видеоигры. Видимо, то, что произошло на поле, уже забылось. Забавно. Уверена, парни даже не умеют обижаться. Рив наверняка отрицал, что имеет какое-то отношение к футболке и песне, и Алекс ему поверил. Надеюсь, он не станет искать того, кто на самом деле это сделал.

Я остаюсь возле двери, а Ренни проходит в комнату и встает прямо перед телевизором.

— Рив, — ласково воркует она, — мы можем ненадолго уединиться? Надо поговорить.

Рив пытается смотреть на экран через нее, а когда у него это не получается, ставит игру на паузу.

— Конечно.

Ренни берет его под руку и уводит в спальню Алекса.

— Лилия, я скоро вернусь!

Алекс поворачивается и видит меня.

— Привет, Лилия.

— Привет, Линди. — Я сажусь в дальний угол дивана. Лицо Алекса уже почти не красное. Наверное, он перестал пользоваться тем лосьоном. — Твоя кожа выглядит намного лучше.

Алекс разворачивается ко мне лицом.

— Ренни приглашает Рива на бал?

— Как ты догадался? — удивленно отвечаю я.

— Ну, Эшлин сегодня пригласила Дерека. Думаю, Пи Джей позовет какую-нибудь

десятиклассницу. — Я замечаю, что Алекс краснеет. Румянец разливается от груди и ползет вверх, к шее. — Тебя еще никто не приглашал?

О нет. Только не это! Ренни наверняка уже подговорила Алекса пригласить меня! Я быстро встаю с дивана и подхожу к окну.

— Боже, не понимаю, почему нельзя пойти большой компанией, как всегда. Зачем что-то менять? Это глупо. Мы ведь все равно будем тусоваться вместе.

Алекс подходит и останавливается возле меня. Не слишком близко, но достаточно. Он кивает, как будто соглашаясь со мной.

— Да. Ты права.

Но я вижу, что он разочарован.

Из спальни появляется Ренни и, пританцовывая, направляется к стеклянной двери, на которую я опираюсь. У нее горят щеки, а улыбка сияет практически на все лицо.

— Ладно, Лил! Пошли! — щебечет она.

Ренни всегда получает то, что хочет. Но только не в этот раз. Когда это важнее всего.

КЭТ

Я сижу на кровати и смотрю фильм на ноутбуке, как вдруг раздается стук в окно. На одну безумную секунду мне кажется, что это может быть Алекс. Шеп, свернувшийся на куче белья для стирки, едва поднимает голову. Дурацкая собака. Я спрыгиваю с кровати и иду открывать окно. Это не Алекс. Это Лилия.

— Что за фигня? — говорю я, поднимая створку. — У меня есть входная дверь.

Раскрасневшаяся Лилия забирается внутрь.

— Сейчас час ночи, — напоминает она мне. — Я не хотела будить твоего папу. Но знала, что ты еще не спишь. — На Лилии короткий пуховик, несмотря на то, что на улице не очень-то холодно. При виде Шеп она вскрикивает: — Шеп!

Пес вскакивает и несется к ней. Лилия наклоняется, обнимает его и принимается чесать ему спину и за ушами.

— Шеп, я так по тебе скучала!

— У него сейчас, наверное, воняет изо рта, — замечаю я. — Он только что грыз кость.

Но Лилия не обращает на меня внимания.

— Шеп, ты меня помнишь! Да, так и есть.

Моя дурацкая собака пачкает ее слюнями, часто дышит и виляет хвостом.

Лилия гладит его последний раз, а потом подходит к моему комоду, как у себя дома.

— Я ее помню! — восклицает она, хватая фарфоровую куклу, которую мне на семилетие подарила мама. — Ее ведь Нелли зовут, верно?

Да, ее зовут Нелли. И что? Я сажусь обратно на кровать и скрещиваю руки.

— Зачем ты пришла?

— Ты не могла бы сначала закрыть окно? Холодно.

Мне хочется посоветовать ей сходить к врачу, потому что с температурой ее тела явно что-то не так. Но нужно быть любезнее, поэтому я просто делаю то, что она просит.

— Спасибо, — говорит Лилия и согревает дыханием пальцы. — В общем, у меня есть идея, как тебе отомстить Ренни. Идеальный план.

То, как Лилия касается моих вещей, берет свечи и нюхает их, заводит музыкальную шкатулку для ювелирных украшений, навевает на меня кучу воспоминаний. Раньше, когда она приезжала на летние каникулы, ей нравилось обследовать наши с Ренни комнаты. Словно она хотела знать, какие события нашей жизни упустила после отъезда ее семьи в начале каждого учебного года.

Лилия разворачивается, а в ее руке болтается что-то золотистое.

— Ты все еще хранишь ее, — произносит она, удивленно распахнув глаза. Это та дурацкая цепочка с подвеской-ключиком, которую она подарила мне в первый учебный день в старшей школе.

Я вскакиваю и вырываю цепочку из ее рук.

— Хватит трогать мои вещи, — ворчу я.

— Я просто удивлена, что ты ее сохранила, — говорит Лилия, поправляя хвостик.

— Не лъсти себе. Просто у меня пока не было нужды ее закладывать, — отвечаю я, убирая цепочку обратно в шкатулку и захлопывая крышку.

— С девятого класса? — шепчет она.

Мама Лилии позвонила маме Ренни и договорилась о том, чтобы мы поиграли вместе. Поиграли вместе! Боже мой, нам было одиннадцать, а не шесть. Мама Ренни согласилась, а потом Ренни упростила меня пойти с ней. Она предложила поехать на велосипедах на случай, если нам станет скучно и захочется уйти, но моя мама сказала «нет», потому что Уайт-Хейвен находился слишком далеко. Дом Лилии располагался на другой стороне острова — всего в десяти минутах езды, но тем не менее. Наши друзья жили в пределах шаговой доступности, и мы все лето, целыми днями, бегали друг к другу в гости. Дом же Лилии казался нам бесконечно далеким.

В тот первый день мы играли в бассейне. Я и Ренни тренировались прыгать ласточкой и бомбочкой, а Лилия плескалась на мелкой стороне и притворялась русалкой. Мама Лилии вывела ее младшую сестру, Надю, с надувными нарукавниками для плавания и сказала:

— Девочки, сейчас я приготовлю вам перекусить. Скоро вернусь. Лилия, присмотри за сестрой.

После того как она скрылась в доме, Надя подплыла слишком близко к глубине бассейна, и Лилия начала кричать. Надя испугалась и расплакалась, поэтому я быстро приблизилась к ней и подтолкнула обратно к Лилии, которая тоже чуть ли не рыдала. Она сказала что-то типа: «Большое спасибо».

Именно в эту минуту из дома вышла миссис Чо с подносом сыра бри, крекерами и бутылкой «Оранжевые». Я сразу оживилась. Моя мама никогда не покупала бри, только американский сыр для сэндвичей и «Велвиту» для макарон с сыром.

При виде мамы Лилия выпрыгнула из бассейна и, подбежав к ней, обняла за талию.

— Надя подплыла к глубине, и Кэт спасла ей жизнь!

После этого миссис Чо начала восторгаться тем, какая я, должно быть, замечательная пловчиха, а я чувствовала смущение и одновременно гордость, хотя на самом деле ничего особенного не сделала.

Мы с Ренни заплыли на глубину, оставив Лилию сидеть с мамой, и она прошептала мне:

— Давай позвоним твоему папе. По-моему, сегодня брат Рива везет парней на лодке кататься на надувных кругах.

— Мы не можем уйти сейчас, — тихо ответила я. — Это будет грубо.

Позже, когда миссис Чо с Надей ушли в дом и нас снова осталось трое, Ренни начала говорить о том, как ждет начала учебы.

— Надеюсь, у нас обеих естественные науки будет вести мисс Харпер. Еще Пи Джей сказал, что, по словам его сестры, мистер Лопез — самый стоворчивый учитель математики.

Помню, мне было неловко, потому что Лилия молчала. Она не знала никого из этих людей. Тогда я спросила у нее:

— А как у вас в школе?

Лилия сказала, что ходит в частную школу для девочек, что им нужно носить форму и что у них скучно. Ренни скривила лицо и воскликнула:

— Не знаю, что бы я делала, если бы в нашей школе не было парней!

После захода солнца мама Лилии предложила нам остаться на ужин. Она готовила махи-махи и что-то типа ананасовой сальсы. А на десерт предложила нам приготовить сморы в уличной открытой печи. Я была обеими руками «за», но не успела сказать об этом,

потому что Ренни солгала, будто ей нужно домой.

Уже сидя в машине моего отца, она заявила, что хочет поужинать у меня дома. У нас не ожидалось ничего столь вкусного, как махи-махи и сморы. Мама болела, и за ужин в те дни отвечал отец. Замороженная пицца, хот-доги и адски острый чили. Так что я была готова убить Ренни за то, что мне не удалось поесть нормальной еды.

Позже она, развалившись на моей кровати, тасовала карты для игры в «Уно». Шеп дремал у нее на коленях. Тогда он был еще щенком, и Ренни любила приходить ко мне и играть с ним. В ее квартире не разрешалось держать животных.

— Нет, ну зачем нужны три холодильника? У нее ведь не настолько большая семья! К тому же они живут здесь всего лишь три месяца в году!

— Один предназначен для корейской еды, — отозвалась я из гамака. Еще один подарок от папы. Как будто гамак и собака могли заставить меня забыть о том, что мама умирает. Но, как бы то ни было, в нем было действительно удобно. — Другой — для напитков, помнишь? Мама Лилии говорила нам, чтобы мы угощались.

— Ну, на мой взгляд, это странно.

— Она богатая. А богачи частенько покупают всякую фигню.

— Это точно. А тебе не показалось, что она слишком хвасталась? Типа «О да, у нас это есть. Мы вроде как миллионеры».

— Не думаю, что она хвасталась, — ответила я. — Это ты хотела заглянуть к ней в шкаф.

— Возможно. — Ренни почесала комариный укус на ноге. Они все время покрывали ее ноги. — Но почему мы должны разуваться перед входом?

— Мне кажется, это азиатская традиция, — предположила я. — К тому же у них дома все белое. Наверное, не хотят заносить грязь с улицы.

— Но серьезно, три холодильника?

— Дались тебе эти холодильники, Рен. — Я выпрыгнула из гамака. — Давай раздавай карты.

Когда несколько дней спустя Лилия снова пригласила нас в гости, я заставила Ренни пойти со мной.

— Дай ей шанс, — сказала я в надежде, что мы могли бы посмотреть телевизор на огромном плоском экране в гостиной или что мама Лилии снова угостит нас сыром бри и пригласит на ужин. Тем более мне нравилась Лилия. Да, она вела себя как принцесса, но не ее вина, что она богатая и хорошенькая. По крайней мере, Лилия была щедрой. В отличие от Ренни, которая зачастую жадничала. У Лилии имелся чемоданчик для косметики со всевозможными оттенками лаков, расставленных по цветам радуги. Когда я достала фиолетовый флакончик с блестками под названием «Темная волшебница», она сказала, что я могу взять его себе. Я отказалась, но тут же об этом пожалела. Особенно после того как Ренни накрасила ногти на ногах неоново-розовым цветом, а Лилия заявила, что этот цвет никогда ей не шел и та может забрать его себе, если хочет. Я думала, что Ренни так же, как и я, откажется. Но она этого не сделала. Наоборот, у нее загорелись глаза, она поблагодарила ее, а потом сунула лак в карман, будто боялась, что Лилия передумает.

Это произошло постепенно. Переход. От меня к Лилии. Большинство людей этого бы не заметило. Я даже не уверена, обратила ли на это внимание сама Ренни. Но, когда ты знаешь человека так же хорошо, как знала ее я, ты просто это чувствуешь. Раньше, когда мы ходили в «Скупс», Ренни всегда делилась со мной мороженым с шоколадным сиропом, а

теперь начала делиться мороженым с клубничным сиропом с Лилией. Или когда мы ездили в кино на автобусе, в котором были двойные сиденья, она устраивалась рядом с Лилией, а я садилась перед ними. Лилия задавала мне вопросы, чтобы я не чувствовала себя третьей лишней, но от этого было только хуже. Мне не нужна была ее жалость. Это я ввела ее в нашу компанию, а не наоборот.

В конце того первого лета, когда Лилия вернулась к своей настоящей жизни, я была уверена, что все встанет на свои места. Так оно и произошло. Но с возвращением Лилии на следующее лето Ренни прилипла к ней как банный лист. Как это раньше бывало со мной. Я очень разозлилась, но к тому времени моя мама уже была сильно больна, и мне нужна была хоть какая-то поддержка от лучшей подруги. А после Лилия переехала на остров Джарнасовсем, и у нас с Ренни произошла дурацкая ссора прямо перед началом учебного года. И это стало концом нашей дружбы. Мы перестали общаться.

Самое смешное, что именно я запустила этот механизм. После того первого раза в гостях у Лилии Ренни не горела желанием продолжать с ней общаться, и я могла с этим согласиться. Но не сделала этого. Именно я сказала «Дай ей шанс», и Ренни послушалась. В то время я была единственной, кого она слушалась.

А в первый учебный день в старшей школе Лилия оставила в моем шкафчике цепочку. Та была из модного магазина в Уайт-Хейвене, где нужно звонить в дверной звонок, чтобы попасть внутрь. Еще одну она купила для Ренни, а другую — для себя. Они должны были стать цепочками дружбы. Очень жаль, что уже тогда дружбе пришел конец.

Честно говоря, даже не знаю, почему я ее сохранила.

* * *

— И какой у тебя план насчет Ренни? — Мой голос звучит не слишком заинтересованно, потому что я сомневаюсь, что идея будет хороша. Да, с Алексом все удалось, потому что он чувствительный парень и его легче опозорить. С Ренни же нужно что-то помощнее и круче.

Лилия хлопает в ладоши в духе чирлидерши, коей она и является.

— Он идеален. Чего Ренни всегда хотела больше всего?

Я пожимаю плечами.

— Большую грудь?

Лилия хихикает.

— Ну, это тоже. Но я имела в виду другое. — Она замолкает для пушного эффекта. — Ренни всегда мечтала стать королевой бала. Помнишь?

Я медленно киваю.

— Да. — Когда мы учились в средней школе, Ренни говорила об этом круглые сутки. Она хотела стать королевой бала, как и ее мама. И королевой выпускного тоже. Ренни хотела получить все.

— Ренн каждый год становится претенденткой. Она думает, что в этом году корона точно будет ее. Хотя она и не признается, как сильно этого хочет. Но, уверяю тебя, Ренни очень-очень хочет корону. Поэтому нам просто нужно сделать так, чтобы этого не произошло. — Лилия шутливо тычет пальцем мне в плечо. — Скажи «спасибо», Кэтрин. Эта идея для тебя.

Я смеюсь. Это так похоже на Лилию — хотеть благодарности за каждую мелочь.

— Можем завтра в школе рассказать об этом Мэри.

— Давай поедем к ней сейчас, — предлагает Лилия. Потом нагибается, гладит Шепу и что-то шепчет ему на ухо.

— Серьезно?

— Да! Почему нет? — Лилия начинает выбираться из окна, но вдруг поворачивается ко мне и спрашивает: — А твой папа так и состоит в том клубе, «лучшего попкорна месяца»?

Она вспоминает самые странные детали. Сначала о Шепе, потом о Нелли, а теперь о любимом папином лакомстве.

— Да.

— И какой вкус в этом месяце? — спрашивает она.

— Соленая карамель.

У нее озаряется лицо.

— Это же мой любимый вкус! Может, возьмем немного с собой?

— Ты ведь знаешь, что в колледже нельзя так питаться? Первый курс — пятнадцать фунтов, стерва.

Лилия фыркает.

— У всех женщин Чо очень быстрый метаболизм. — Нашла чем гордиться. — В нашей семье нет ни одного человека с лишним весом. С обеих сторон.

— Хорошо, хорошо. Я посмотрю, осталось ли что-нибудь.

Пэт сегодня курил травку в гараже, а после этого ему всегда очень хочется есть. Если попкорн закончился, я могу взять «Орео» или что-то еще.

Мы уже почти выходим из спальни, когда я кое-что вспоминаю.

— Подожди, — разворачиваясь, говорю я. А потом засовываю руку под кровать и нащупываю то, что мне нужно. Записную книжку Алекса.

Лилия колеблется, поэтому я сама вкладываю блокнот ей в руку.

— Считаю это трофеем. Ты его заслужила.

МЭРИ

У меня нет чувства времени, но мне кажется, в темноте я нахожусь уже несколько часов. Я лежу на кровати с широко раскрытыми глазами, в пижамных шортах и свободной кофте. Несмотря на усталость и ощущение, что я уже очень давно не выспалась, у меня не получается заснуть. Я словно забыла, как это делается.

Поэтому я думаю о маме с папой, о том, почему Кэт так сильно красит глаза, когда они у нее и без того красивые, о том, что Лилия наносит на волосы, чтобы сделать их такими блестящими, о контрольной по геометрии в пятницу и, наконец, о том, что надеть завтра в школу. Я думаю о чем угодно, лишь бы выбросить из головы мысли о Риве. Но у меня никак не получается. Он будто находится здесь, в этой комнате, преследует меня.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю сквозь темноту на балки в потолке. Надо бы спросить у тети Бетт, есть ли у нее какие-нибудь специальные свечи, травы или благовония, которые можно зажечь, чтобы избавиться от всей негативной энергии. Тетя Бетт увлекается всякими нетрадиционными штучками: окуриванием, картами таро и кристаллами. Мама считает, это глупо, однако носит кольцо с лунным камнем, которое тетя Бетт подарила ей на сорокалетие. Лунный камень должен привносить в жизнь позитив и исцеление. Мне бы, наверное, он тоже не помешал.

Но я знаю, что не могу этого сделать. Не могу попросить тетю Бетт о помощи, потому что тогда нам придется поговорить о том, что произошло много лет назад. А ни одна из нас не хочет об этом говорить. Причем обе в равной степени.

Внезапно что-то стучит по окну спальни, нарушая тишину. Я отрываю голову от подушки и не дыша наблюдаю за стеклом. Стук повторяется, но в этот раз я вижу, что от стекла отскакивает камешек.

Я встаю, нервно подхожу к окну и выглядываю из-за прозрачных белых занавесок. Снизу мне машут Лилия и Кэт.

С большим облегчением я выхожу из укрытия, улыбаюсь и машу им в ответ.

— Выходи поиграть, Мэри! — кричит Лилия.

В эту секунду я слышу, как в коридоре открывается дверь в спальню тети Бетт. Быстро показываю девочкам один палец, запрыгиваю обратно в кровать и притворяюсь спящей.

Потом чуть-чуть приоткрываю глаза и наблюдаю за тем, как тетя Бетт толкает дверь босой ногой и осматривает мою комнату. На ней ночная рубашка, а длинные густые волосы растрепаны и стоят дыбом.

Она на цыпочках проходит мимо моей кровати к окну. Надеюсь, Лилия и Кэт догадались спрятаться. Не хотелось бы, чтобы они познакомились с ней вот так. Я бы предпочла, чтобы у нее была возможность по крайней мере расчесать волосы и накрасить губы. К тому же завтра в школу. Тетя Бетт очень классная, но я не хочу испытывать судьбу.

Она внимательно смотрит в окно, от ее горячего дыхания на стекле образуется крошечное облачко. Потом аккуратно задергивает занавески и уходит в свою комнату.

Я знаю, что нужно немного подождать, пока тетя Бетт заснет, но мне не хочется, чтобы Кэт и Лилия ушли. Поэтому через минуту-две я хватаю свитер и тихонько, как мышка, спускаюсь по лестнице.

Кэт с Лилией сидят под нашим огромным кедром на заднем дворе. Обе прислонившись спинами к стволу. Кэт вытянула ноги, а Лилия прижимает колени к груди.

— Привет, — говорю я. — Простите, что так долго. Моя тетя...

— Это была она? — зевая, спрашивает Лилия. — Она похожа на... ведьму. — Кэт цокает, и Лилия быстро добавляет: — Извини.

Мне неприятно слышать от нее такое, но в чем-то она права. Я опускаюсь на землю. Я обожаю тетю Бетт, но она, по словам мамы, постоянно в депрессии. Даже не знаю почему, ведь у нее была жизнь, о которой обычно пишут в книгах. Она путешествовала по миру, продавала картины и встречалась с разными интересными людьми. В свое время она была красивой и умела играть во все возможные карточные игры. Но наступили тяжелые времена, и она превратилась в совершенно другого человека. В иные дни она едва могла встать с кровати. Вот почему однажды тетя Бетт приехала в этот дом — все лето пожить с нами.

— Моя мама говорит, что, когда они еще учились в старшей школе, тетя Бетт могла убедить любого парня на пляже купить им мороженое. Они никогда не брали с собой мелочь. — Я заправляю волосы за уши.

Кэт зажимает губами сигарету.

— Надо же, — говорит она, и от произнесенных слов пламя ее зажигалки начинает мерцать.

А потом наступает долгая и отчасти неловкая тишина.

Лилия переплетает пальцы и широко улыбается.

— В общем, мы с Кэт придумали способ, как отомстить Ренни на балу.

— О! Отлично, — говорю я, а потом через силу сглатываю. — Она вроде встречается с Ривом, да? Я слышала, как об этом говорили девчонки на футбольном матче.

Лилия мотает головой.

— Нет. Вернее, она-то точно имеет на него виды, но не думаю, что он сам этого хочет.

— О, — выдыхаю я, садясь ровнее. — Мне просто было любопытно.

Кэт наклоняется к нам.

— Ладно, давайте поговорим о деле. Бюллетени для голосования раздаются на неделе, когда проходит бал. Все голосуют, а затем бюллетени складываются в закрытый ящик, который используют для выборов студенческого совета, что довольно смешно, скажу я вам. Нам нужно взломать этот ящик и подменить определенное количество голосов, чтобы Ренни не стала королевой. — Она хихикает. — Это будет самое большое разочарование в ее унылой никчемной жизни.

Лилия прикладывает ладони к щекам.

— Мне не терпится увидеть ее лицо!

— И тогда выиграет Лилия, да? — спрашиваю я.

— Нет! — восклицает она, качая головой. — Я не хочу выигрывать.

— Почему нет? — удивленно интересуется Кэт. — Ренни сойдет с ума от зависти.

Лилия прикусывает губу.

— Мне кажется, будет даже хуже, если ее корону получит кто-то другой. Кто-то, на кого бы она никогда не подумала. Например, Эшлин.

— О да! Эшлин. Моя замена. Всегда о ней забываю. У нее вообще есть личность? — спрашивает Кэт.

— Она хорошая девушка, — вступается Лилия, осуждающе глядя на Кэт. — И будет рада выиграть.

Кэт пожимает плечами и делает затяжку.

— Ладно, как знаешь. Но нам все еще нужен план мести Риву. — Она выдыхает

длинную и тонкую струйку дыма. — Мэри, у тебя есть идеи?

Я мотаю головой.

— Ладно, — терпеливо произносит Лилия. — Что ты хочешь, чтобы с ним произошло? Начнем с этого.

В размышлениях я покусываю ноготь. Внутри меня, словно цветок, распускается вся моя злость. Это одна из причин, почему я стараюсь по возможности не думать о Риве. Мои мысли похожи на ящик Пандоры. Я боюсь открыться и освободить то, что произошло. Но, может быть, это единственный способ понять, какая месть подарит мне чувство удовлетворенности, что справедливость восторжествовала.

— Что бы мы ни сделали, это должно быть серьезным, — сделав глубокий вдох, отвечаю я. — И жестоким. Это должно причинить ему такую же боль, какую он причинил мне. — Если это вообще возможно.

Кэт и Лилия смотрят друг на друга — похоже, они ошеломлены моим пылом. Я знаю, что произойдет дальше, еще до того, как Лилия открывает рот.

— Что он тебе сделал? — едва слышно спрашивает она.

— Ты можешь нам довериться, — вторит ей Кэт. — Мы никому не расскажем.

Лилия перебрасывает волосы на одно плечо и рисует маленький крест над сердцем.

— Клянемся.

Я опускаю подбородок к груди, позволяя волосам скрыть лицо. Я знаю, что должна это сделать. Должна рассказать кому-нибудь всю историю о том, что произошло.

Я поднимаю голову и облизываю губы.

— У Рива было для меня особое прозвище. — Я чувствую, как слова — сердитые и с металлическим привкусом — слетают с губ. — Биг Изи.

Судя по тому, как перекосилось лицо Кэт, она ожидала чего-то хуже.

— И что тут такого?

— В седьмом классе я выглядела иначе. Я была жирной. А на уроках обществознания мы изучали Новый Орлеан.

— Серьезно? Ты была упитанной? — Удивление Лилии — для меня сродни комплименту.

Я киваю и закатываю рукава свитера до локтей.

— Огромной, если быть точной.

— Значит, он шутил по поводу твоего веса, — шипит Кэт, от чего у нее грозно изгибается верхняя губа. — Как это похоже на Рива.

Я оборачиваюсь и смотрю на окно своей спальни, чтобы убедиться, что тетя Бетт не наблюдает за нами. Все тихо. Занавески задернуты. Поворачиваюсь обратно и тихим голосом продолжаю:

— Помните, что мы с Ривом ходили в Белль Харбор Монтессори? Так вот, мы были единственными учениками в классе с острова Джар, поэтому нам обоим приходилось каждый день ездить на пароме в школу и обратно. Я старалась держаться от Рива подальше, потому что наше знакомство прошло неудачно.

После этого я рассказываю им о том дне в столовой, когда Рив пошутил, что я собираюсь доедать за ним с подноса. Как благодаря ему никто не хотел показываться со мной на людях. Кэт и Лилия не прерывают меня, но время от времени цокают или качают головами. Каждая их реакция подобна ободрению, помогающему мне говорить дальше. Я рассказываю им об истории с ножом и о том, как мы поехали за мороженым.

— После этого у нас началась странная... — Я на секунду замолкаю, чтобы подобрать правильное слово, но ничего не подходит. Поэтому просто говорю «дружба», хотя это не совсем так. — Поездка на пароме была своего рода нашим тайм-аутом. Рив частенько говорил: «Мы, островитяне, должны держаться вместе, верно, Биг Изи?»

— Стоп, стоп, стоп, — выпаливает Кэт. — Подожди. Ты позволяла ему называть себя Биг Изи в лицо? — взрывается она, перекатываясь на колени и наклоняясь ко мне.

Мне тяжело на нее смотреть.

— Когда мы были на пароме, только вдвоем, все было по-другому. И это прозвище почему-то не казалось мне грубым. — Я плотно натягиваю свитер вокруг себя. — Но, как только мы добирались до материка, все менялось. Он не разговаривал со мной на людях. Ну... если только не хотел поиздеваться.

— Какой двуличный мерзавец! — ругается Кэт. — Он хуже Ренни! — Она тушит сигарету о землю и тут же закуривает другую.

Лилия не моргая смотрит на меня.

— Почему ты позволяла ему это делать, Мэри?

— Потому что он рассказывал мне о себе, — отвечаю я. — Жаловался на своего отца, который вроде был запойным алкоголиком. Рассказывал, как отец пил, а потом кричал на него с братьями. Мне было его жалко.

— Тебе было *его* жалко? — недоверчиво возмущается Кэт.

— Рив ненавидел своего отца. Он говорил, что мечтает получить стипендию, чтобы отправиться в хороший университет и никогда не возвращаться на остров Джар.

Лилия фыркает.

— Стипендию? Да он учится на четверки и тройки! А пятерки получает только по физкультуре.

Кэт качает головой.

— Ты не знаешь, потому что росла не здесь, — отвечает она Лилии. — Раньше Рив был самым умным в нашем классе. Помню, как его отправили в одну крутую школу по стипендии. Это было большим событием, потому что его семья никак не могла себе это позволить. Наш учитель даже закатил ему прощальную вечеринку с капкейками и прочим.

— Дело не в том, что мне казалось, я для него особенная, — поясняю я. — Мы просто проводили время вместе. Я знала, как упорно добивались его внимания остальные ребята в школе. Каждый был чуточку в него влюблен. И я ощущала странную гордость за то, что проводила с ним какое-то время каждый день.

Лилия ворчит, но тут вступает Кэт:

— Лил, признай, Рив может быть очаровательным засранцем, когда захочет.

— Хорошо, — уступает она. — Не могу не согласиться.

Я опускаю взгляд на ноги и со стыдом признаюсь:

— Я позволила себе думать, что между нами что-то настоящее, что я знаю Рива так, как никто другой. Но на самом деле Рива, каким я его представляла, не существовало. Он просто приближал меня к себе, обманом заставлял потерять бдительность, чтобы обидеть еще сильнее.

Не успеваю я опомниться, как начинаю плакать. Наверное, из-за того, что последует дальше. Из-за истории, о которой я никогда никому не рассказывала.

Внезапно поднимается ветер, как будто в небе над нами может в любую минуту разразиться буря. Волосы хлещут по моему лицу, облепляя щеки. Лилия застегивает куртку,

Кэт прячет руки в рукавах. Но ни одна из них не двигается с места.

Внутренний голос твердит мне замолчать, потому что, как только я расскажу обо всем Кэт и Лилии, пути назад не будет, больше нельзя будет притворяться, что ничего не было. Но я проглатываю страх и продолжаю свой рассказ — мне кажется, что если буду и дальше цепляться за этот секрет, то в конечном счете он меня убьет.

* * *

В тот день я не ожидала увидеть Рива после обеда. Мисс Пенске оставила некоторых учеников после школы, чтобы обсудить идеи для росписи, которой мы собирались украсить стены спортивного зала. Трехчасовой паром я пропустила, а потому решила успеть на следующий — в половину четвертого. Но Рив тоже задержался, играя в баскетбол с друзьями. Когда я проходила мимо забора, он забросил последний мяч в корзину, и все начали собирать учебники и надевать куртки. Рив увидел меня. Я продолжила идти к причалу, но уже медленнее, и в итоге он меня догнал.

Когда мы почти дошли до парома, сзади к нам подбежала компания парней, с которыми он играл в баскетбол. У них была тетрадь, которую Рив, судя по всему, оставил на площадке. При виде нас они разинули рты. Рив и Биг Изи идут вместе? Это немыслимо!

Рив ничего мне не сказал, но неожиданно ускорился. Я тоже пошла быстрее, чтобы не отставать от него. Тогда парни закричали:

— Эй, Рив! Ты забыл свою тетрадь!

Но Рив сделал вид, что не слышит. Последние несколько метров до парома он практически бежал, будто боялся опоздать на него.

Машины и фургоны уже заехали на грузовую палубу, и остались только люди, выстроившиеся в очередь, чтобы подняться на паром. Мы с Ривом встали в конце — сначала он, а я позади него. Следом подошли мальчишки из класса и остановились в нескольких шагах от нас. Они отдали Риву тетрадь, а когда тот пробурчал «спасибо», уже начали уходить.

Не знаю, откуда у меня взялась смелость. Может, сыграло то, что между нами все было хорошо. Может, что я хотела поставить Рива в условия, когда ему придется признать происходящее. Может, что из наших разговоров я знала, что ему наплевать на то, что думают о нем эти парни.

Но одно я знала точно. Именно Рив начал тему с Биг Изи, которая распространилась, как лесной пожар. И если он каждому в классе покажет, что у нас хорошие отношения, то все может закончиться так же быстро. Вот каким авторитетом он обладал.

Я выступила вперед, встав рядом с ним, и во все легкие закричала парням:

— Ну и что? Мы друзья! — После чего приобняла его за плечи и улыбнулась.

Рив уставился на меня неверящим взглядом. А потом моргнул и разозлился.

— Отвали от меня, черт побери! — закричал он и увернулся от меня. Его ладони уперлись мне в грудь, и он со всей силы оттолкнул меня к парням.

Сила оказалась невероятной. У меня не было шанса. Кроссовки заскользили по гравию. Мальчишки быстро расступились, открыв проход к краю причала. Я пыталась шмякнуться на землю, чтобы не свалиться в воду, но продолжала лететь спиной вперед. Уже в последнюю секунду я вытянула руки, стараясь удержаться на причале, от чего в ладони вонзились крошечные щепки. От боли я резко вздохнула. И это был последний вдох перед тем, как я погрузилась в воду.

Было так холодно, что я едва могла пошевелиться. Я знала, что ладони кровоточат, потому что кожу жгло, несмотря на прохладную воду. А сверху до меня доносился издевательский смех парней.

— Эй, она похожа на морскую корову!

— Эй, морская корова! Тебе нужна сеть?

— Плыви! Плыви к берегу, морская корова!

Я молотила руками и ногами, пытаюсь выбраться на сушу. Но одежда весила целую тонну, и я едва удерживала голову над водой. Я хватала ртом воздух, но вместе с ним глотала и соленую воду.

Подбежали докеры, и один из них кинул мне спасательный круг. Понадобилось двое рабочих, чтобы вытянуть меня. Пассажиры парома, перегнувшись через борт, наблюдали за происходящим.

Когда я оказалась на суше, меня вырвало галлоном соленой воды. Только тогда парни наконец перестали смеяться и покинули представление. Рива среди них не было.

У меня кровоточили руки, к промокшей насквозь одежде прилипли камушки гравия, а кроссовки были испачканы рвотой. Мне понадобилась минута, чтобы осознать, что белая футболка, став совершенно прозрачной, облепила все жировые складки на моем теле. Я начала трястись, но не от холода. Я была готова расплакаться. А потом дала себе волю. Я начала рыдать и не могла остановиться.

Один из паромщиков помог мне подняться на судно, а потом отправился искать одеяло. Но вернулся со стопкой коричневых бумажных полотенец из диспенсера в туалете. Я попыталась вытереться ими, но они, намокая, распадались на липкие бумажные комочки.

Все это время я продолжала рыдать.

Рив тоже был здесь, на палубе. Он сидел в первом ряду возле окошек, на месте, где вырезал свое имя. И смотрел вперед, на остров Джар, маячивший вдалеке. Он не признавал моего существования или того, что сделал. Он даже ни разу не повернулся. Как бы сильно я ни рыдала.

Когда мы добрались до острова, он сразу ушел. Я дождалась, пока сойдут остальные пассажиры, и, выскользнув с парома, спряталась за фургоном, ожидающим посадки на обратный рейс. Я видела маму. Когда Рив сбежал с трапа, она помахала ему. Но он не ответил ей, а тупо сделал вид, что не заметил.

Я знала, что если она не встретит меня, то останется ждать следующего парома. Я не могла показаться ей в таком виде. Не хотела, чтобы она узнала о том, что сделал со мной этот парень. Тот, о котором я столько ей рассказывала и которого мы однажды в дождливый день угостили мороженым.

Я решила пробраться домой, переодеться и сделать вид, что вернулась на следующем пароме. Она никогда не узнает, что произошло. Как и папа.

Я присела на корточки и, используя другие машины в качестве прикрытия, выбралась со стоянки. А потом, тяжело дыша, поплелась вверх по холму к нашему дому, на каждом шагу хлюпая кроссовками. В тот миг я могла думать лишь о том, как Рив вел себя, когда мы были одни. Как будто я для него что-то значила. Как будто мы друзья. И я не могла представить, как на следующее утро встречу с ним лицом к лицу. Не только из-за того, что он сделал, но и потому, что прежних отношений уже не вернуть. Как бы жалко это ни звучало, но Рив был моим единственным другом.

Я поднялась в свою комнату и открыла шкаф с намерением переодеться. Правда. Но

вместо этого стала смотреть на балки в потолке. А потом достала в подвале веревку. После нескольких попыток я перекинула ее через балку и завязала петлю. Подтащила кресло, накинула веревку на шею и шагнула в пропасть.

Но, повиснув, я поняла, что не хочу умирать. Я начала брыкаться, размахивать ногами в попытке подкатить кресло к себе. Но веревка была слишком тугой, и я не могла дышать. Из-за веса меня качало, как маятник, а ноги ударялись о стену. Я начала терять сознание.

К счастью, домой вернулась мама. Она услышала, как я стучу ногами в стену. Зашла и, увидев меня, закричала. Потом спустила меня, сняла с шеи веревку и, устроившись со мной на полу, позвонила в 911. Все время до приезда скорой она гладила меня по волосам.

* * *

Кэт и Лилия потрясенно смотрят на меня.

— Когда я стабилизировалась, родители перевели меня в другую больницу, подальше от острова Джар. Я целый год не посещала школу из-за терапии. Мне пришлось несколько месяцев провести в психиатрическом отделении в попытке убедить докторов и медсестер, что я не хочу убивать себя. И я на самом деле не хотела. Единственное, что поддерживало меня, — это мысль о том, что однажды я вернусь сюда и заставлю Рива ответить за содеянное.

Я выдыхаю и уже чувствую себя лучше. Совсем немного, но лучше.

— Вот и решено, — говорит Кэт. — Мы должны убить Рива.

Не знаю, шутит ли она. Надеюсь, что да.

— Я не хочу его убивать, — вношу ясность я. — Я просто хочу, чтобы он ощутил хотя бы крохотную часть моей боли. — Я даже не уверена, возможно ли это.

— Мы поможем тебе, Мэри. Мы заставим его заплатить за то, что он сделал. — По щекам Лилия текут слезы, но ее глаза горят.

— Спасибо, — шепчу я.

У Кэт дрожат ноги.

— Мне хочется прямо сейчас поехать к Риву и надавать ему по морде. Но я знаю, что если мы подождем и хорошо обдумаем свой план, то сможем ударить его сильнее. Нам нужно как следует унижить Рива Табатски.

Лилия вытирает глаза.

— И что мы будем делать?

— Ты знаешь его лучше нас, — говорит Кэт. — Что его заботит больше всего?

— Футбол, — машинально отвечает Лилия. — Его больше всего заботит футбол.

— Точно! — выкрикиваю я. — Даже когда мы учились в Монтессори, он говорил, что хочет стать звездой футбола в старшей школе!

— Решено, — произносит Кэт. — Мы сделаем так, чтобы его вышвырнули из команды.

— Каким образом? — спрашиваю я.

Разве это вообще возможно? Рив — звездный нападающий. Без него не будет и команды. Даже я это знаю.

Лицо Лилии озаряется.

— Наркотики! На острове Джар очень строгая политика нетерпимости. С тех пор как поймали одного ученика из Менлоу Хай за курением травки, тренеры очень внимательно следят за тем, чтобы мы не делали глупостей. Если мы каким-то образом подкинем в

шкафчик Рива наркотики, то его точно выгонят из команды, несмотря на позицию нападающего.

— А если он скажет, что наркотики не его, и школа ему поверит? — интересуюсь я. — Он может сдать добровольный тест на наркотики, чтобы доказать свою правоту.

— Значит, нужно накачать его наркотиками, но без его ведома, — отвечает Кэт. — Кислотой, экстази или еще какой дурью, от которой он словит кайф.

Одно дело — подложить наркотики в шкафчик парня, совсем другое — накачать его ими. Я смотрю на Лилию, ожидая, что она начнет возражать.

Но вместо этого она кивает и произносит:

— Давайте сделаем это на балу, у всех на виду. Он совершенно точно станет королем бала. Можно одновременно отомстить ему и Ренни. — Она накручивает волосы на палец. — Возможно, его даже исключат из школы. Тогда, Мэри, он больше не доставит тебе хлопот.

— Что думаешь? — спрашивает у меня Кэт. — Это твоя месть.

— Давайте сделаем это, — отвечаю я и сильно щипаю себя за кожу между большим и указательным пальцами, желая убедиться, что это не сон.

КЭТ

Вечер пятницы. Все, кому не лень, уехали с острова на первый выездной матч, а я осталась ждать на пристани наркодилера брата, который должен появиться в восемь. Обстоятельства складываются просто идеально. Вот бы нас кто-нибудь сфотографировал для ежегодника. Так и вижу заголовок: «Кэт Дебрассио накачала нападающего наркотиками».

Я стою, прислонившись спиной к столбу, и курю, когда на темных волнах подплывает паром. Точно по расписанию.

Нащупываю в переднем кармане пачку денег. Шестьдесят баксов в пяти- и однодолларовых купюрах — достаточно для двух таблеток экстази. Я не стала просить деньги у Мэри, потому что после истории, которую она нам рассказала, мне это показалось неправильным. Но зато попросила у Лилии. Утром мы с ней встретились в женском туалете. Она открыла свою маленькую розовую сумочку, достала оттуда кошелек и расстегнула его. В нем лежал только бальзам для губ «Чэпстик», золотистый блеск «Шанель» любимого оттенка Ренни, который назывался «Мерцание», водительское удостоверение, красная карамелька «Джолли Рэнчер» и две кредитные карты.

Я сказала ей, что наркодилеры не принимают кредитки.

Лилия явно расстроилась и пообещала вернуть мне деньги. Тогда я предложила ей купить мне блок сигарет или что-то для моей лодки. Но она принялась жаловаться, что мама каждый месяц проверяет ее расходы, поэтому я решила забить на это дело и взяла требуемую сумму из денег, которые заработала летом. Шестьдесят баксов все равно никак не скажутся на моих сбережениях для колледжа.

Когда Лилия зашла в кабинку, чтобы пописать, я открыла ее сумочку и достала любимый блеск Ренни. Вот же показушница. Она, наверное, потратила на него половину своего вечернего заработка в ресторане. Насвистывая про себя, я отправила блеск в мусорное ведро.

Стоящие на грузовой палубе машины включают фары и съезжают с парома. Я наблюдаю, как пассажиры — мужчины в костюмах, уборщицы и люди в униформе супермаркета — спускаются по трапу, подсвечиваемому белыми гирляндами.

И начинаю злиться, не увидев Кевина, но тот появляется последним. На нем все та же потрепанная джинсовая куртка, что и всегда. Думаю, он носит ее еще со школы. Кевин идет по трапу, но останавливается на полпути, чтобы прикурить сигарету, и только потом продолжает спуск.

Я отталкиваюсь от столба и направляюсь к нему. Сначала он смотрит на мою грудь и лишь потом на лицо. Как это на него похоже.

— Кэт? — прищурившись в темноте, спрашивает он. — Это ты?

— Привет, — отвечаю я и засовываю руки в задние карманы. — Пэт прислал меня забрать товар.

— Правда? — Кевин зажимает сигарету зубами и сухо смеется.

— Да, — легко отвечаю я, пытаюсь скрыть свою ложь.

Пока Пэт был в душе, я воспользовалась его телефоном и написала Кевину по поводу наркотиков. Друзья Пэта, которые и мои друзья тоже, частенько прибегают к услугам Кевина. Но в основном берут травку. Каждую пятницу он приезжает на остров, чтобы доставить товар клиентам. Пусть Пэт и разрешает мне иногда покурить с ним, но он будет в ярости,

если узнает, что я сама связалась с Кевином и приобрела у него наркотики покрепче.

— Пэт в гараже, ремонтирует мотоцикл. Погнался за дешевизной и купил переделанный стартер, который, как оказалось, не работает. Я предложила ему просто вернуть этот металлолом и приобрести что получше, но ты же его знаешь. В общем, вместо себя он прислал меня, — нарочито недовольным тоном говорю я. — Придурок.

— Пэт не похож на парня, который стал бы употреблять экстази.

Не знаю, то ли Кевин подозревает неладное, то ли просто клеится. Как бы то ни было, мне нужно думать быстрее, потому что он прав. Пэт — травокур до мозга костей.

— Он наконец начал встречаться с одной девчонкой, — отвечаю я. — Вот только она не особо симпатичная. Поэтому... может быть, ему нужна помощь.

От дикого хохота Кевин аж заходится кашлем. После чего поднимает руки и хорошенько потягивается.

— Ладно, только я не смог достать у поставщика обычный Э и вместо него взял жидкий. Лучше позвоню этому сукиному сыну и удостоверюсь, что он его устроит.

Жидкий экстази? Я и не знала, что такой существует. Лилии будет даже проще подлить его Риву в напиток.

— Он действует так же, как и обычный?

— На самом деле, даже сильнее. — Кевин тянется за телефоном.

— Вот и отлично. Пэта он устроит. — Я быстро достаю из кармана деньги и вручаю их Кевину, пока он не набрал номер.

— Не здесь, — бросив на меня сердитый взгляд, рявкает Кевин и оглядывается назад. — Иди за мной.

Я убираю деньги обратно в карман и следую за ним в город, чувствуя себя полной идиоткой. Мы подходим к «Бабочке», где работает Ренни, и направляемся к задней двери, за которой расположена кухня. Сюда долетает множество звуков: как моют тарелки, гремят кастрюлями и сковородами, выкрикивают заказы. Мне кажется, Кевин хочет совершить сделку здесь, потому что тут довольно темно. Я снова тянусь за деньгами, но он отмахивается и спрашивает:

— Что предпочитаешь пить, Китти Кэт?

Фу-у, какая мерзость.

— Меня тут даже не обслужат.

— Я веду кое-какие дела с барменами. Все будет тип-топ. Так... дай угадаю. — Он внимательно осматривает меня с головы до ног. — Тебе нравится «Секс на пляже».

— Виски, — закатив глаза, отвечаю я.

У него озаряется лицо.

— Никуда не уходи.

— Постой. Давай я просто куплю у тебя товар? Мне нужно возвращаться к Пэту. Не хочу, чтобы он разозлился.

— Если потусуешься сегодня со мной, я не скажу твоему братцу, что ты используешь его как прикрытие для покупки у меня Э. — Кевин вздыхает и оглядывается. — На этом острове чертовски скучно. Не знаю, как тут люди живут. Давай. Составь мне компанию. Ты младшая сестренка моего друга, так что я не буду к тебе приставать. И даже скину пять баксов. Ну же, Китти Кэт. Чем тебе еще сегодня заниматься?

Ничем, но к делу это не относится. Я просто хочу получить свой экстази и убраться домой, а не составлять компанию Кевину в торговле наркотой. Но я сделаю это. Ради Мэри.

— Ладно, идет.

Кевин с важным видом заходит на кухню и несколько минут спустя появляется с двумя напитками из бара. Пиво для него и виски для меня. Маленький стакан до краев наполнен коричневой жидкостью. Сомневаюсь, что это марочный алкоголь. Скорее всего, разбавленное дешевое пойло.

— Я люблю со льдом, — привередничаю я, но беру стакан. Виски переливается через край на пальцы, и я их облизываю.

Кевин ухмыляется уголком рта.

— А ты, оказывается, дерзкая, малышка Китти Кэт.

От флирта с Кевином меня тошнит, но я понимаю, что должна это сделать, если хочу получить желаемое. Ну и ладно. У меня неплохо получается. Я издаю шипение и делаю вид, что провожу по его лицу когтями.

Я рассчитываю, что Кевин устроится тут же, чтобы выпить пиво. Но вместо этого он засовывает его в рукав джинсовой куртки и начинает уходить.

— Следующая остановка — дом престарелых острова Джар. — Наверное, я морщусь, потому что он добавляет: — У меня куча клиентов с глаукомой, и им нужна травка.

Видимо, для него это что-то вроде мицвы — помочь больным людям накуриться. Прямо благородный поступок.

— Ладно, — сдаюсь я и, сделав глоток виски, прибавляю шаг. — Мы же не хотим заставлять бабуль и дедусь ждать.

* * *

Я болтаюсь с Кевином два часа, а потом провожаю на паром. На острове пусто и нечего делать, поэтому я решаю поехать в Миддлбери навестить Мэри. После той истории, которую она нам рассказала, я постоянно думаю о ней. Бедняжка. Просто чудо, что после такого у нее нет посттравматического синдрома или еще какой фигни.

Я паркуюсь возле дома Мэри и поднимаюсь по ступенькам. В гостиной горит тусклый свет и мерцает телевизор. Я жму на звонок и жду.

Звук на телевизоре становится тише, но к двери никто не подходит. Я жму снова, а потом перегибаюсь через перила и заглядываю в окна.

Дом выглядит нежилым, как будто его впопыхах закрывали в конце лета. На полу валяется телескоп. Кресло накрыто простыней. Стопками сложены нераспечатанные письма, газеты и каталоги. И около десяти черных мусорных пакетов, набитых бог знает чем.

Внезапно мимо окна проносится тетя Мэри, будто пытается спрятаться. У меня по спине бегут мурашки, и я отскакиваю от стекла. А потом перегибаюсь через перила и нахожу взглядом спальню Мэри. В ней включен свет, но он тут же гаснет.

Я практически бегом спускаюсь по лестнице и возвращаюсь в машину.

ЛИЛИЯ

В понедельник утром, во время классного часа, мистер Пибоди раздает бюллетени для голосования.

Никаких неожиданностей. Первой в списке значится бесспорная фаворитка — Ренни. Даже если бы она не вложила столько сил в кампанию, ее имя все равно бы в нем значилось. Она — королева Джар Хай, как ей всегда того хотелось. Следом иду я. Любой, кто может проголосовать за меня, скорее всего, выберет Ренни. Даже моя родная сестра. После меня вписана Мелани Ренфро. Она у нас слывет распутницей, поэтому, вероятно, получит несколько голосов от каких-нибудь парней. Кэрри Пирс серьезно увлечена театром, и ее номинировали лишь потому, что народу захотелось «альтернативной» королевы бала. Последним стоит имя Эшлин. Эшлин, которая хочет победы так же сильно, как и Ренни, но никогда в этом не признается — по крайней мере, вслух. Она не посмеет. Эшлин получит приличное количество голосов, потому что ко всем хорошо относится — хотя бы в открытую. Она никогда и ни в чем не побеждала Ренни. До сих пор. И я рада, что хоть сейчас у нее получится это сделать.

Я уже собираюсь отметить галочкой имя Ренни, когда она поднимает руку.

— Да, мисс Хольц? — спрашивает мистер Пибоди. У него сложены руки на груди, и он уже улыбается. Учителя любят Ренни. Они считают ее вулканом, сгустком энергии.

— Можно мне кое-что сказать, мистер Пибоди? — И не дожидаясь его ответа, она разворачивается на стуле лицом к классу. — Прежде чем все проголосуют, я хотела бы вам кое-что напомнить. Выбор королевы бала — это не конкурс красоты и популярности. Главное тут — это преданность, школьный дух и желание сделать школу лучше.

Как будто планирование вечеринок, на которые приглашаются лишь избранные, делает эту школу лучше. Тьфу. Какая же она фальшивка. Не могу поверить, что другие этого не видят.

С притворной застенчивостью Ренни опускает ресницы.

— Так что, пожалуйста, учитывайте это, когда будете голосовать. — Закончив свою речь, Ренни шепчет мне: — Это прям мое.

— Никто не заслуживает этого больше, чем ты, — шепчу я в ответ, показывая ей бюллетень, на котором галочкой отмечено ее имя.

Она протягивает руку и сжимает мое колено.

— Ты самая лучшая, Лил.

* * *

У меня сползают гольфы. Я хотела надеть спортивные штаны или легинсы, но Ренни постоянно твердила, что гольфы — это часть традиции паудер-паффа. Я ей сказала, почему бы так не одеться только на саму игру, ведь это всего лишь тренировка. Но нет же.

Паудер-пафф — это день перед домашним матчем, когда старшеклассницы играют во флаг-футбол, а старшеклассники наряжаются чирлидершами.

Как только выяснилось, что Рив тренирует одну команду, а Алекс — другую, Ренни тут же вызвалась быть капитаном команды Рива. Эшлин, второй капитан, выиграла жеребьевку, и я молилась, чтобы она выбрала меня, что и произошло. Безусловно, я ненавижу Алекса, но

Рив вообще отвратителен. Раньше я думала, что его это и самомнение — это показное. Ну невозможно быть *настолько* заикленным на себе. Но теперь знаю, что это правда. Интересно, он хоть раз думал о Мэри после того дня? Вообще понимает, через какой ад заставил ее пройти? Вряд ли. Сомневаюсь, что он даже помнит ее имя. Честно говоря, мне кажется, что смерть будет слишком простым решением для такого монстра.

Рив на другой стороне поля дует в свисток. Затем слегка запрокидывает голову и кричит:

— Вы должны выложиться! Я хочу, чтобы вы выложились по полной! — Ему это явно нравится. Понятно, что их команда выиграет, ведь Рив — мистер Футбол, и у них с Ренни сильно развит соревновательный дух.

У Алекса даже свистка нет. Наша команда просто бросает друг другу мячи, чаще роняя их, чем ловя. Эшлин вскрикивает каждый раз, когда мяч оказывается рядом с ее лицом, а мне не удается даже схватить его. Не понимаю, почему нельзя использовать мягкие футбольные мячи «Нерф». Ведь могут пострадать люди.

— Девочки! — хлопает в ладоши Алекс. — Пробежите пару кругов для разогрева! А потом мы потренируемся играть.

Некоторые девчонки подчиняются, но я, не обращая внимания на его слова, снова бросаю мяч Эшлин. Он приземляется вдалеке от нее, и она бежит за ним.

— Прости! — кричу я.

Вдруг кто-то хлопает меня по плечу. Я оборачиваюсь. Алекс.

— Чо, нужно поговорить.

Я едва могу смотреть на него. Вчера я видела, как они с Надей разговаривали во дворе. Какая же я дура, что чуть не отказалась от идеи с надписью «Лимп» на футболке. Признаться, мне даже жаль, что мы не сделали с Алексом чего похуже. Но мой поезд ушел.

— Вообще-то, я пытаюсь тренироваться, — отвечаю я.

— Сейчас же! — рывкает он и направляется к трибунам.

Я корчу лицо Эшлин, а она, пожав плечами, устремляется за остальными девушками на беговую дорожку.

Я следую за Алексом к трибунам и складываю руки на груди.

— Да, тренер? — как можно стервознее произношу я.

— Я чем-то тебя обидел? — спрашивает он низким настойчивым голосом.

Я пристально смотрю на него. Я думала, что он накричит на меня за отказ бегать.

— Никак нет, тренер, — отвечаю я, радуясь тому, что он видит мою злость. — Теперь я могу идти?

— Прекрати называть меня тренером! Я думал, что мы друзья, но с недавних пор ты ведешь себя так, будто ненавидишь меня. Я не понимаю.

Неужели Алекс и правда настолько тупой? Наверное, мне не стоит ничего говорить, но я не могу сдержаться. Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, а потом выкладываю все разом:

— Хочешь быть моим другом? Так я подскажу тебе, как им быть. Не звони моей сестре. Более того, никогда больше с ней не разговаривай. — Алекс открывает рот, словно собирается оправдаться, но я продолжаю: — Не приходи к нам посреди ночи и не заставляй ее тайком убегать из дома, не давай ей спиртное на вечеринках, не...

— Ты все неправильно поняла! Я не давал ей спиртного.

— Да? Я нашла ее топик! И знаю, что в ту ночь она ночевала у тебя в домике. Ей

четырнадцать, извращенец!

У Алекса от удивления отвисает челюсть. Потом он выпрямляется во весь рост и говорит:

— Извращенец? Давай-ка разберемся. Во-первых, я никогда не давал ей спиртного. Она сама со своими подругами тайком пила ром, и к тому времени, как я застал их, Надя уже была в стельку. И пока ты веселилась на другой вечеринке, я убирал за ней рвоту и следил за тем, чтобы она не ушла и ее в таком состоянии не поймали родители! — Его кадык ходит вверх-вниз, а руки сжаты в кулаки. — Подруги бросили Надю, и ей пришлось остаться ночевать у меня. Я все это время находился рядом с ней, чтобы она не захлебнулась в собственной рвоте. Так что не за что.

Я с недоверием смотрю на него.

— Если это правда, тогда почему вы с ней ускользнули посреди ночи в первый день учебы? И не пытайся этого отрицать. Я видела, как ты привез ее домой.

— Потому что она позвонила мне в слезах! Надя хотела убедиться, что ты не узнаешь о том, что той ночью она напилась. Она заставила меня пообещать ничего тебе не рассказывать. Вот как твоя сестра переживает из-за того, что ты о ней думаешь. — Алекс раздраженно вздыхает и качает головой. — Я сказал ей, что у тебя есть все причины для расстройства. И что я тоже буду за ней присматривать. И если она когда-нибудь выпьет в моем присутствии, я обязательно расскажу обо всем тебе.

Я молча оглядываюсь на поле, по которому бегают девочки. Меня всю трясет.

— Не могу поверить, что ты могла так обо мне подумать, Лилия. Мы же с тобой дружим с девятого класса! Наши семьи дружат! Надя мне практически как младшая сестра! Я бы никогда так с ней не поступил! — Алекс убирает лезущие в глаза волосы. Сейчас, когда солнце не столь по-летнему яркое, они уже не такие светлые и более медного оттенка. И длиннее. — Это ненормально.

— Прости. — Я не знаю, что еще сказать.

— Проехали.

Я чувствую острое желание признаться ему во всем. По-настоящему извиниться, как он того заслуживает. Но не могу. Потому что дело касается не только меня, но и Кэт с Мэри. Я заставила их подвергать себя риску напрасно.

Я дрожу, потому что мне холодно и плохо от того, что я натворила.

Алекс подходит ко мне, расстегивает и снимает с себя ветровку, а потом накидывает ее мне на плечи. От нее пахнет стиральным порошком.

— Все в порядке? — спрашивает он. Мы стоим так близко, что практически касаемся друг друга. — Я не переживу, если мы перестанем быть друзьями, — тихо добавляет он. — Ты много для меня значишь, Лилия. Всегда значила. И будешь значить.

Я открываю рот, чтобы ответить, но не успеваю ничего сказать, так как он пятится в сторону поля.

— И даже не думай, что я освобождаю тебя от пробежки, Чо! — выкрикивает на бегу Алекс.

И я бегу. Все до последнего круга. Потому что если остановлюсь, то начну думать о том, что он сказал, и о чувствах, которые вызвали у меня его слова.

В четверг, в день игры, Пи Джей неожиданно приносит мне контейнер, наполненный печеньем с корицей. Уверена, их испекла его мама, потому что они завернуты в вощеную бумагу, а на вкус идеально рассыпчатые и мягкие. Эшлин же получила от Дерека всего лишь пакетик чипсов, и то даже не целую пачку. Но подруга все равно рада, потому что он ей нравится и она готова принять от него все что угодно. Рив приготовил для Ренни какие-то протеиновые печенья. Твердые, как кирпичи, а на вид как навозная куча, но Ренни во время обеда устраивает целое представление, поедая их.

На игру приходит куча народу. Не так много, как на настоящий футбольный матч, но все же. Парни из команды в чирлидерской форме и париках стоят на краю поля и выкрикивают кричалки. Это выглядит очень смешно. На Пи Джее длинный черный парик, и он пытается делать той-тачи — мое фирменное движение.

Как я и предсказывала, выигрывает команда Ренни и Рива. Ренни забивает единственный гол и не дает Терезе добежать до конечной зоны. Когда игра заканчивается, Рив перебрасывает ее через плечо и с триумфальным криком уносит с поля. Словно они только что выиграли золотую медаль на Олимпийских играх.

Что ж, пусть радуются, пока могут. Потому что скоро их ждет большой проигрыш.

МЭРИ

По словам Лилии, тренер Кристи всегда запирает дверь своего кабинета. Десять минут и тридцать три секунды назад она зашла туда с ящиком бюллетеней для голосования. Дверь слегка приоткрыта. Последние семь минут и десять секунд она печатает на компьютере. Я это знаю потому, что все время поглядываю на часы в конце коридора. Я стою, прислонившись к чьим-то шкафчикам, а Кэт расположилась возле питьевого фонтанчика и делает вид, будто набирает сообщение на телефоне.

Ровно в четыре часа мимо нас пробегает Лилия, ее хвостик раскачивается из стороны в сторону.

— Тренер Кристи! — отчаянно восклицает она. — Вы должны пойти со мной! В женской раздевалке экстренная ситуация!

— Что случилось, Лилия? — спрашивает тренер Кристи, выходя из кабинета.

— Пожалуйста, поторопитесь! — продолжает Лилия и тянет женщину за руку. — Кажется, у одной из девятиклассниц истерика. Она просто сошла с ума!

Они исчезают в коридоре.

Мы с Кэт улыбаемся друг другу и, быстро осмотревшись, что за нами никто не наблюдает, проскальзываем в кабинет. Я опускаюсь на корточки возле двери, а Кэт идет напрямик к ящику с бюллетенями. Она говорила, что Пэт еще в детстве научил ее вскрывать замки. Для этого нужна лишь алюминиевая открывалка от банки с газировкой. Мне это показалось чистым бредом, но Кэт открывает ящик всего за пять секунд. А потом вываливает ее содержимое на стол тренера Кристи.

— Похоже, Рив выиграл и без нашей помощи, — бормочет Кэт, перебирая бюллетени.

— Ничего удивительного, — отвечаю я. — Он самый привлекательный парень в выпускном классе. — Кэт бросает на меня странный взгляд, но ведь это правда. Она сует несколько листов в сумку. Полагаю, это голоса за Ренни. Теперь ей не придется стоять с ним на одной сцене. Какая жалость. Но, может, это научит ее не издеваться над людьми.

Я перевожу взгляд обратно на коридор. Лилия и тренер могут вернуться в любую минуту.

— Ты уже заканчиваешь? — шепчу я.

— Пересчитываю, чтобы у Эшлин было достаточно голосов, — не поднимая головы, отвечает Кэт.

В эту минуту из коридора доносится громкий и взволнованный голос Лилии:

— О боже. Я думала, она плачет, а оказывается, это был просто смех!

— Кэт!

Кэт резко вскидывает голову.

— Я еще не закончила считать!

Я качаю головой.

— Нам нужно спрятаться!

Кэт засовывает бюллетени обратно в ящик, а потом лихорадочно осматривается и замечает кладовку. Она показывает мне следовать за ней, но, открыв дверь, мы понимаем, что там слишком мало место для нас обеих.

Лилия продолжает нести чушь, и сейчас они уже прямо за дверью.

— Это так странно! По-моему, даже ходили слухи, что она резала себе вены или что-то

в этом духе, но, видимо, это неправда. Может, у нее просто раздвоение личности, — нервно хихикает она. — Да мы все немного не в себе из-за бала.

Я бросаюсь к двери в кабинет и выглядываю в коридор сквозь крошечную щель между петлями.

— Что ж, Лилия, я ценю, что ты сообщила мне об этом. Очень важно быть в курсе того, что происходит с твоей командой.

— Совершенно с вами согласна.

— Что-нибудь еще?

Мы с Лилией встречаемся взглядами через щель, и у нее округляются глаза. В эту секунду на столе тренера Кристи звонит телефон.

— Мне нужно ответить на звонок, — говорит она и берется за дверную ручку. Я вижу, как на ней сжимаются ее пальцы. Сейчас она закроет дверь, чтобы в уединении поговорить по телефону. Если тренер Кристи так сделает, мне конец. Я задерживаю дыхание и, поджав пальцы ног, закрываю глаза. Если нас поймают, то в этом буду виновата я.

— Подождите! — кричит Лилия.

— Минутку, Лилия, — отвечает тренер Кристи. — Я сейчас вернусь.

Внезапно она замолкает, и у меня чуть не останавливается сердце. Я открываю глаза, но тренер Кристи, похоже, меня не заметила. Она кричит «Лилия!» и выбегает.

Я снова выглядываю в щель. Лилия упала в обморок и теперь лежит на полу в коридоре. Женщина трясет ее, пытаюсь привести в чувства. Лилия приоткрывает глаза.

— Что-то мне нехорошо, — шепчет она. — Не могли бы вы отвести меня медпункт?

Тренер Кристи помогает ей подняться с пола, после чего закидывает ее руку себе на плечи, и они уходят.

— Они ушли! — громко шепчу я Кэт.

Она вылезает из кладовки.

— Чуть не попались.

Я думала, что Кэт вернется к ящику с бюллетенями, но та выбегает в коридор. И я слеую за ней.

— Ура! — кричит Кэт, когда мы оказываемся на улице.

— Я была уверена, что тренер меня заметила.

— Очевидно, что нет! — Кэт выбрасывает кулак в воздух. — Жаль, я не видела представления Лилии. — И передразнивает ее: — Что-то мне нехорошо.

Я пытаюсь улыбнуться, но мне почему-то не по себе.

— Ты уверена, что у Эшлин достаточно голосов для победы? — спрашиваю я.

— Уверена, все будет в порядке, — отмахивается Кэт. — За нее была куча голосов, и я вытаскала где-то двадцать бюллетеней за Ренни. — Она сует обе руки в сумку и вытаскивает две большие стопки бумаг. — У нас все получилось. Поверь мне.

ЛИЛИЯ

На табло идет отсчет последних секунд матча. Три, два, один. Судья подбегает к злой чайке, нарисованной в центре поля, и тянется к пристегнутому на поясе рупору. Но я не слышу его из-за ликования толпы.

Мы их уделали.

Остров Джар — 38, Тансетт — 3. Победа в домашнем матче.

Рив уводит команду с футбольного поля, торжествующе подняв над головой шлем. Он весь мокрый от пота, от чего его волосы завиваются и кажутся темнее. На боковых линиях стоят скауты — мужчины в ветровках различных колледжей, которые держат в руках планшеты и видеокамеры. Один из них гордо и по-отечески улыбается Риву.

Все чирлидерши прыгают и обнимают друг друга. Я взглядом ищу Ренни. Она стоит рядом с Надей и взъерошивает ей волосы. Из-за этого у моей сестры растрепывается хвост, но она не обращает на это внимания. А потом Ренни делает несколько обратных сальто. Удивительно, что ее еще не тошнит от прыжков, учитывая то, что она выделявала их всю игру. Такое представление Ренни устроила в поддержку Рива, будто думает, что скауты предложат ей стипендию, чтобы она стала его личной чирлидершей.

Я лениво трясу помпонами. На домашнюю игру всегда приходит куча народу. Вот и сегодня здесь собралась практически вся школа: учителя, родители, а также выпускники. Все они отзываются на наши кричалки и знают каждое слово из боевых песен.

Рив и правда отлично сыграл, выполняя одну идеальную передачу за другой. А один раз даже сам забил тачдаун. Наши фанаты во всю глотку скандировали его имя, но только не я.

Не знаю, присутствовала ли на игре Мэри, но на трибунах я ее не видела. Надеюсь, ради своего же блага она осталась дома.

Я хлопаю по спине проходящего мимо Пи Джея. Он даже не вспотел.

— Отличная работа, Пи Джей, — хвалю я и подпрыгиваю, согнув ноги.

Он улыбается и выбрасывает кулак в воздух.

За ним следует Алекс. Поравнявшись с нашей скамейкой, он разворачивается и бежит задом наперед.

— Спасибо за прекрасную работу, дамы! — с широкой улыбкой на лице выкрикивает он.

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Рады были стараться! — восклицает Надя, а ее подруги раздражаются хихиканьем.

Несколько недель назад эта ситуация вывела бы меня из себя. Но теперь, после разговора с Алексом, я знаю, что мне не о чем беспокоиться. Я верю, что ему не интересна Надя. Он никогда бы не сделал того, что мне могло бы не понравиться. Так что моя месть оказалась удачной. Мы снова вернулись к тем отношениям, которые были между нами раньше — когда Алекс делал все, о чем я его просила. Только теперь я не собираюсь этим пользоваться. Потому что у него тоже есть чувства.

Парни собирают свою экипировку и направляются в раздевалку. Все, кроме Рива, которого мгновенно окружают скауты. Оркестр заканчивает исполнять боевую песню, и трибуны начинают пустеть. Некоторые девочки убирают помпоны в большие спортивные сумки с эмблемой команды.

При виде этого Ренни впадает в ярость.

— Вы должны работать, пока поле не покинет последний игрок! — налетев, кричит она.

Не помню, чтобы у нас было такое правило. Эшлин, судя по тому, как она смотрит на меня и пожимает плечами, тоже. К этому времени на поле остается один только Рив, но как-то странно и дальше выкрикивать ему кричалки, учитывая, что он разговаривает со скаутами. Наверное, Ренни тоже это понимает, потому что в конце концов вздыхает и просит новых девочек снять баннеры и загрузить оборудование в багажник своего джипа. Ответственной за ключи она делает Надю.

* * *

По пути домой Ренни буквально искрится от переполняющей ее энергии. Она ставит диск с быстрыми клубными версиями чирлидерских танцевальных песен. Звук включен на полную громкость, от чего колонки трещат и гудят. Я убавляю его.

— Лил, ну согласишься, игра прошла отлично.

— Согласна, — отзываюсь я. На секунду мне кажется, что мои слова звучат равнодушно, поэтому радостно добавляю: — Завтра на танцах все будут в отличном настроении.

Ренни кивает.

— Нам пора подумать о новых номерах для плей-оффа. Пусть будет что-то новенькое. — Она тянется к заднему сиденью, пытаясь найти сумочку, и мы чуть не съезжаем с дороги.

Я ругаюсь. Ренни — ужасный водитель. Отпихнув ее руку обратно к рулю, я говорю:

— Что тебе нужно? Я достану.

— Можешь позвонить Эшлин?

Я набираю ее номер, включаю громкую связь и поднимаю телефон между нами.

— Привет, Эш, — говорит Ренни. — Не знаю, как ты, но у меня сейчас просто *улетное* настроение. Давай что-нибудь замутим.

— Приезжайте ко мне! — предлагает Эшлин. — Посмотрите наконец мою новую сауну!

Мне нравится эта идея. Я была в сауне несколько раз, когда мама брала нас с Надей в спа-салон. Было бы неплохо немного расслабиться и отдохнуть, ведь чем ближе завтрашний день, тем больше я нервничаю относительно нашего плана.

Я смотрю на часы на приборной доске. Половина одиннадцатого. Мэри и Кэт должны появиться позже, чтобы еще раз все обговорить и передать экстази. Но до этого еще куча времени. Я сказала им прийти в два, потому что к этому часу мама и Надя точно будут спать.

— Отличная идея, — соглашаюсь я.

— Да! — восклицает Ренни. — Эшлин, позвони Пи Джею, Алексу и Дереку. А с Ривом я свяжусь сама.

— Дерек не придет, — угрюмо произносит Эшлин. — У него какое-то семейное мероприятие.

Я прикрываю телефон рукой.

— Почему бы нам не собраться женской компанией?

— Не переживай, — смеется Ренни. — Больше никаких игр в бутылочку. Обещаю. Пока, Эш! — Я кладу трубку, а Ренни кивает мне: — Теперь набирай Рива.

Я нахожу его имя в списке контактов и звоню.

Он отвечает после нескольких гудков:

— Привет, Чо! — Судя по всему, Рив уже празднует. — Звонишь, чтобы меня поздравить? Сегодня и правда удачный вечер!

Не успеваю я ответить, как Ренни убирает руку с руля и, выхватив у меня телефон, визжит:

— Да здравствует Рив!

* * *

Полчаса спустя мы вшестером пьем пиво в сауне, которую отец Эшлин пристроил к домику у бассейна. Это огромная комната, облицованная широкими кедровыми досками. В стены встроены деревянные лавочки, а большая стеклянная дверь ведет к бассейну на заднем дворе и к джакузи. Внутри горит приглушенный свет, от жара я чувствую себя сонной.

На Эшлин одно из ее бикини. Она предложила нам с Ренни взять у нее купальники, но у Эшлин очень большая грудь, а значит, ни одной из нас не подошел бы верх. Поэтому на мне лишь нижнее белье и длинная футболка, позаимствованная у младшего брата Эшлин. Несмотря на то, что учится он только в седьмом классе, в нем целых шесть футов росту. Ну а Ренни просто в лифчике и трусиках лежит на одной из деревянных скамеек с закрытыми глазами, как модель из мужского журнала.

Я знаю этих ребят уже много лет, но мне все равно кажется странным, что Ренни разгуливает перед ними в нижнем белье. От сухого жара у меня начинает болеть голова. Я делаю глоток пива и прикладываю бутылку ко лбу.

— Нужно сказать тренеру, чтобы он поставил одну из этих штуковин в раздевалке, — говорит Рив. — Она отлично расслабляет мышцы. — На нем только черные боксеры, а по животу стекают капли пота. Алекс и Пи Джей расположились напротив Рива в трусах и полотенцах, накинутых на головы.

— Поддерживаю! — восклицает Ренни. — Уверена, тренер так и сделает, если ты его попросишь. В конце концов, ты у нас звездный игрок, который ведет команду к Чемпионату штата в этом году! У-у-у-у! — выкрикивает она.

— Хм, — прочищает горло Пи Джей. — Не забывай о кикере¹². На каждые шесть очков, которые забивает Рив, я накидываю сверху седьмое. Верно, Лил?

— Верно, — соглашаюсь я.

— Серьезно, Рив, — продолжает Ренни. — Все скауты хотят тебя. Как ты будешь выбирать, куда пойти?

— Очень просто. — Рив опускает бутылку пива. — В первую очередь, это должно быть приличное учебное заведение с хорошей системой связей. После этого я рассмотрю репутацию их вечеринок. Ну и конечно, местоположение, потому что я хочу учиться там, где тепло и солнечно. — Он срывает полотенце с головы Алекса и кладет его на свою. — Ну а в случае ничьей, я обращусь за помощью к университетскому изданию «Плейбой».

Я вздрагиваю и складываю руки на груди.

— Как хорошо, что всем этим учреждениям плевать на твои оценки, — говорю я Риву просто потому, что ничего не могу с собой поделать. А потом снисходительно добавляю: — Кто знает, где бы ты оказался, если бы не футбол.

Пи Джей и Алекс громко смеются.

— Какая жалость, что мы все не можем быть азиатами, да, Чо? — мгновенно реагирует

Рив.

В этот раз смеются все. Я делаю еще один глоток пива. Большой глоток.

Еще какое-то время мы обсуждаем матч, Ренни упрасивает Рива рассказать нам о лучших моментах игры.

Я наблюдаю за бутылкой пива Ренни, надеясь, что как только она ее прикончит, то отвезет меня домой. Если я опоздаю, Кэт будет постоянно напоминать мне об этом. К тому же у меня комендантский час.

Часы Пи Дджея пиликают каждый час. В час ночи я начинаю зевать каждую минуту. Иногда по-настоящему, а иногда с притворством. Вот как сейчас.

— Лилия, ты устала? — спрашивает Алекс.

— Да, — отвечаю я и перевожу взгляд на Ренни.

Но в этот момент Эшлин поднимается и выливает ковш воды на горячие камни, от чего комната наполняется обжигающим паром.

Алекс встает и потягивается.

— Больше не могу выносить эту жару.

— Тогда принеси мне еще пива, — просит его Ренни и истерично смеется.

— Тебе пора домой, — говорю я. — Завтра очень важный день. Ты же не хочешь, чтобы у тебя были синяки под глазами.

— Но мне так хорошо, — заплетающимся языком отвечает она, бросая взгляд на Рива.

— Ну же, — умоляю я. — Поехали, Рен. Я поведу.

Ренни корчит Риву лицо.

— У нее что, проблема с ушами? Она меня не слышит? — Ренни смотрит на меня и продолжает: — Проверка связи. Один. Два. Три.

Мне хочется хорошенько ей врезать.

— Лилия, давай я отвезу тебя, — предлагает Алекс.

— Отлично, — соглашаюсь я и, открыв дверь сауны, выхожу наружу. Ренни может делать все, что хочет. Мне какое дело? Я за нее не в ответе. Как и она — за меня.

На заднем дворе Эшлин темно, а ночной воздух приятно холодит кожу.

Сзади подходит Алекс.

— Подожди минуту, — прошу я его. — Мне нужно переодеться. — Я забегаю в дом и натягиваю свою чирлидерскую форму.

Вернувшись, я нахожу Ренни, завернутую в полотенце, возле джипа.

— Я думала, ты хочешь остаться, — замечаю я.

Она открывает рот, чтобы ответить, но в эту минуту из сауны раздается голос Рива:

— Возвращайся, Рен. Пусть Линди отвезет ее домой. А я подброшу тебя позже.

Ренни переступает с ноги на ногу и оглядывается на сауну.

— Наверное, я останусь. Увидимся завтра! — С этими словами она убегает, оставляя на темной поверхности асфальта мокрые следы.

Я разворачиваюсь и вижу, что Алекс сидит в своем внедорожнике с выключенными фарами.

— Спасибо, что согласился меня подвезти, — говорю я, забираясь в салон. — Не хочу еще час смотреть, как Ренни вешается Риву на шею.

Алекс пожимает плечами.

— Тот вроде не жалуется.

Он заводит машину, а я пристегиваю ремень.

— Естественно, он ведь эгоист, — отвечаю я и настраиваю радио. — Ему неважно, что собой представляет девушка, главное, чтобы она была зациклена на нем так же, как и он сам на себе.

Алекс ничего не отвечает, и мне становится неловко. Наверное, я сболтнула лишнее.

* * *

Ровно в два часа ночи я спускаюсь вниз и открываю входную дверь, за которой стоят Кэт и Мэри. Я прикладываю палец к губам и веду их в гостиную.

— Как прошла игра? — шепчет мне Мэри.

— Нормально, — отвечаю я. — Мы выиграли. — А потом обращаюсь к Кэт: — Принесла?

Кэт ходит по гостиной и рассматривает картины и фотографии на стенах: там, где мы с Надей в пасхальных платьях в доме у бабушки, семейный портрет, который мама заказала у одного знаменитого бостонского художника. Она и раньше их видела, но, наверное, не помнит.

— Да, — отвечает Кэт, задержавшись у маминого бального портрета. — Принесла. — С этими словами она отдает мне маленький стеклянный пузырек.

— Что это? — Я думала, нам нужны таблетки.

— Жидкий экстази. Он намного сильнее обычных таблеток.

Я откручиваю крышку. Внутри пузырька прозрачная жидкость. Я подношу ее к носу и нюхаю, но она ничем не пахнет.

— Ты уверена, что этот парень тебя не надул?

Кэт пристально смотрит на меня.

— За кого ты меня принимаешь? Я знаю, как выглядят наркотики, Лилия. Пара капель в напиток Рива, и он словит кайф. На все про все уйдет пятнадцать минут, поэтому дождись, когда вы приедете на танцы, а потом действуй. Если его вставит до того, как вы доберетесь, твои друзья могут закрыть его в лимузине, пока он не придет в себя.

— Сколько длится его действие?

— Рив будет ловить розовых слоников не меньше восьми часов, — фыркает Кэт. — Мэри, как только он поймает волну, найди кого-нибудь из учителей и сообщи им о Риве. Я сделаю то же самое. Тогда они станут свидетелями того, как его кайф достигнет апогея.

— Сегодня дежурит сеньор Тремонт, — говорит Мэри. — Мы весь урок только и делали, что обсуждали испанские танцы.

— Прекрасно. Насколько помню, в прошлом году он чуть не завалил Рива по испанскому, потому что тот написал экзаменационную работу по фильму «Три амигос», а Тремонт его ненавидит, — вертя в руках пузырек, говорю я. — Гм, я должна вам кое-что сказать.

— Что? Ты в порядке, Лилия? — спрашивает Мэри. — Пожалуйста, не переживай. Все будет в порядке.

— Не в этом дело, — отвечаю я и прикусываю губу. Знаю, я не обязана ничего им рассказывать об Алексе. Сейчас это уже не имеет значения. Но мне хочется быть честной с девочками. Как сказала Мэри, между нами не может быть секретов. Они имеют право знать. — Я разговаривала с Алексом. И кажется, вся эта тема с ним и моей сестрой — просто большое недоразумение.

У Мэри округляются глаза.

— Подожди. Ты серьезно?

— Но я видела их в машине, — возражает Кэт.

— Да, но ты видела, как он целовал мою сестру? Видела, чтобы они хоть что-то делали?

Кэт резко втягивает воздух.

— Нет, не думаю.

— Алекс клянется, что они никогда не встречались как парень и девушка. Может быть, это глупо, но я ему верю. — Я опускаю глаза. — Мне очень жаль.

Кэт отмахивается от моего извинения.

— Нельзя заикливаться на прошлом. Сейчас наша очередь — моя и Мэри.

— К тому же с Алексом не произошло ничего *такого ужасного*, — добавляет Мэри. — Всего пара глупых шуток. — Она поворачивается ко мне. — Лилия, ты же по-прежнему с нами?

Я крепко сжимаю в руке пузырек с жидким экстази. Это правда. Мы лишь немного пошутили над Алексом. По сравнению с тем, что запланировано для Рива и Ренни. Эти двое уж точно заслуживают того, что их ждет.

— Определенно.

— Ну что ж, стервочки, — произносит Кэт, проводя руками по волосам. — Вот и все. Суперфинал. — Она поворачивается к Мэри. — Ты готова?

Мэри кивает.

— Не могу дождаться.

Она совсем не выглядит испуганной. Лишь взволнованной. Как и Кэт. А я и напугана, и взволнованна одновременно.

Сейчас я ощущаю себя ближе к Кэт и Мэри, чем к кому-либо из своих друзей. Мы втроем — команда. Между нами связь. Я ее чувствую. Так же как и силу. Нас объединили разговоры, упорный труд и розыгрыши, которые мы уже осуществили.

Я открываю входную дверь, и Мэри, радостно спрыгнув со ступенек, выходит и достает из-за кустов велосипед.

Кэт же задерживается.

— Вот еще что, — говорит она мне. — Когда будешь добавлять экстази в напиток Рива... сделай это по-быстрому и ничего не бойся. А потом вручи ему и иди танцевать.

— Хорошо, — киваю я.

Внезапно выражение лица Кэт меняется. Она сжимает губы и смотрит поверх моего плеча. Я разворачиваюсь и вижу Надю, которая стоит в ночной рубашке и со стаканом воды в руках.

— Ты почему не спишь? — Я убираю руки за спину и поворачиваюсь к Кэт, надеясь, что та придумает какое-нибудь оправдание. Но ее уже нет. С гулко бьющимся сердцем я снова разворачиваюсь к Наде.

— Что тут делала Кэт Дебрассио? — недоумевает Надя. Она высовывает голову за дверь и осматривает подъездную дорожку.

— Она... летом она встречалась с Алексом, — отвечаю я, сжимая в ладони пузырек. — И от кого-то услышала сплетню, что вы двое ночевали вместе. Она пришла тебя припугнуть.

Надя бледнеет.

— Но мы никогда...

— Знаю. Не переживай. Я все ей объяснила. Сказала, что ты никогда бы так не поступила. Надеюсь, она мне поверила.

Надя отходит от открытой двери, и я быстро ее захлопываю.

— Лилия! Что мне делать?

— Никому не говори, что она была здесь. Не стоит давать ей повод для встречи. Я могу защитить тебя в школе и дома, но не в состоянии следить за тобой круглосуточно. Так что держись от нее подальше. — Я строго смотрю на нее. — Хорошо?

Она кивает и тихо говорит:

— Спасибо, что вступилась за меня.

— Ты ведь моя сестра, — отвечаю я, отводя взгляд. — Конечно, я вступилась бы за тебя.

Надя порывисто подбегает ко мне и крепко обнимает, а потом убегает наверх, в свою комнату. Я запираю входную дверь и, с облегчением выдохнув, следую за ней.

Мое бальное платье висит на двери спальни. Я выставляю туфли и достаю клатч, который позаимствовала у мамы. Именно в нем я и прячу пузырек с жидким экстази. В маленьком атласном кармашке, предназначенном для помады.

После чего выключаю свет и забираюсь в кровать. Надеюсь, усну я быстро. Завтра будет важный день.

МЭРИ

На моей кровати лежит ворох платьев. Все, которые я привезла с собой на остров Джар. Я уже примерила шесть, но ни одно из них не подходит для сегодняшнего вечера. Надеваю седьмое, кружевное белое платье с кринолиновой юбкой, но оно выглядит по-детски, как огромный наряд для крестин. А мне хочется быть красивой. Достаточно красивой, чтобы самой стать королевой бала — если бы я только не была новенькой и никогда не уезжала отсюда.

Пока я перебираю одежду, мне неожиданно приходит в голову мысль: можно одолжить что-то у тети Бетт или, пока не поздно, сходить в тот модный бутик на Третьей улице в Уайт-Хейвен. Там продаются платья по триста долларов, но, уверена, мама согласилась бы, что оно стоит того. Стоит того, чтобы хорошо выглядеть. И не просто хорошо. Сегодня я должна выглядеть идеально. Хоть Эшлин и станет королевой бала, сегодня *мой* вечер.

А потом я нахожу его, под всем ворохом одежды. Я даже не помню, чтобы покупала этот наряд. Длинное, шифоновое, струящееся розовое платье на одно плечо. Я смотрю на этикетку. Оно из того модного бутика.

И тут меня осеняет — тетя Бетт. Я говорила ей, что собираюсь на танцы. Наверное, она решила удивить меня, поэтому купила платье и спрятала в шкафу, чтобы я его нашла. Я сейчас расплачусь!

Я снимаю с себя крестильный наряд и надеваю сюрприз от тети. Сама бы я никогда не выбрала такое платье. Надеюсь, я в него влезу. Оно такое стильное, необыкновенное и уж точно самое дорогое из всего моего гардероба. А на ощупь как сахарная вата.

Я медленно подхожу к зеркалу и смотрюсь в него, не узнавая себя. Оно такое красивое. И даже больше — идеальное.

Именно так я и хочу выглядеть сегодня, когда Рив получит по заслугам.

Я выбегаю из комнаты, чтобы поблагодарить тетю Бетт и показать, как идеально сидит на мне платье. В спальне ее нет, как и внизу, поэтому я направляюсь в студию. Я не заходила в эту комнату с самого приезда. Это тетино личное рабочее пространство, и она всегда закрывает дверь, когда не хочет, чтобы ее беспокоили. Сегодня же дверь слегка приоткрыта. Возможно, неумышленно. Может, в этом виноват ветер или что-то еще.

Не знаю, оставить волосы распущенными или уложить на одну сторону? Тетя Бетт подскажет. Мне не терпится поблагодарить ее и обнять.

— Тетя Бетт? — кричу я, поднимаясь по лестнице.

Стены чердака увешаны картинами. И множеством набросков. Иногда тетя Бетт перерисовывает одну сцену раз пятьдесят, пока она ей не удастся.

Из-за покатой крыши мне приходится идти по центру, чтобы не стукнуться головой. В конце комнаты установлен мольберт. Тетя Бетт любит рисовать спиной к окну. Рядом с мольбертом стоит стол, на котором лежат кисти и выдавленные краски, напоминающие крошечные сверкающие лужицы. Я вижу ее ноги и слышу, как она касается кистью холста.

— Тетя Бетт!

Она выглядывает из-за холста и смотрит, как я кружусь.

— Ты такая красивая, Мэри.

— Спасибо. Мне так нравится это платье.

Тетя Бетт кивает и улыбается.

— Я рада, что теперь ты счастлива.

— Да, — отвечаю я. — Очень счастлива.

Вернувшись в комнату, я расчесываю волосы. А потом открываю шкатулку с украшениями и, достав цепочку с подвеской в виде маргаритки, надеваю ее.

* * *

На двенадцатый день рождения я пригласила к себе домой на остров Джар весь класс. Так было принято в Монтессори. Приглашались все. До этого я устраивала празднование на материке, потому что там жили остальные ребята из класса. Мы ходили в боулинг, в пиццерию или играли в лазерные бои. Но в этом году из-за тематики я решила провести его дома.

Когда мы с мамой ходили в магазин открыток на Главной улице, чтобы купить приглашения, мне пришла в голову идея. Я увидела открытки в виде цирковых шатров с красными и желтыми полосками. Чтобы узнать информацию о вечеринке, нужно было отвернуть пологи шатра.

Я так и представила себе эту картину. Карнавальная вечеринка с метанием колец и забрасыванием мячей в баскетбольную корзину. Сладкой ватой, попкорном и, может быть, даже хворостом. У нас был огромный задний двор, так что места было предостаточно. Сначала я засомневалась, что карнавальная тематика может показаться слишком детской для семиклассницы, но потом убедила себя, что мальчики будут в восторге от игр. Им понравится забивать мяч в корзину, а девочкам — призы. Мы заказали их по интернету: мягкие игрушки и фруктовые бальзамы — для девочек и бейсбольные кепки — для мальчиков.

Папа вырезал отверстия в листе фанеры, чтобы можно было просовывать голову и делать фотографии, а мы с тетей Бетт нарисовали вокруг них слона, жирафа и обезьяну. А еще мы взяли на прокат винтажный аппарат для попкорна и сладкой ваты. Папа собирался приготовить хот-доги, а мама — картофельный салат.

Пусть на тот момент меня все и ненавидели, но вечеринка могла поменять их отношение.

Я сидела на бордюре и, наблюдая за улицей, ждала, когда с причала вернется мамина машина, а вместе с ней придут и ребята с материка. Они должны были приехать в три часа. Но на часах было четыре, а значит, к острову Джар подошло уже три парома.

У меня возникло предчувствие, что на вечеринке никто не появится. Даже Энн. Я представила себе маму, которая ждет на причале с табличкой с надписью: «Цирк в этой стороне», которую мы написали вместе. Внезапно я поняла, что больше не могу находиться на заднем дворе с тетей Бетт и папой. Чтобы занять себя, те развлекались с декорациями и играми, которые мы установили, и пару раз предлагали открыть подарки, как будто это могло улучшить мне настроение.

Около половины пятого на улице показалась машина мамы Рива. При виде нее я вскочила. Несколько недель подряд я между делом упоминала при Риве о своем дне рождения и рассказывала об играх, призах и шоколадном торте, который мы заказали в «Молочном утре». Идея с баскетбольной корзиной пришла мне в голову из-за него, потому что я знала, как Риву нравится эта игра. Я попросила отца купить кольцо, и мы прикрутили его к гаражу.

Когда мама Рива остановилась, я увидела, что они спорят. В конце концов, он вышел из машины и хлопнул дверью.

— Привет, — угрюмо поздоровался Рив. — Прости за опоздание. Маме нужно было отвезти братьев на игру.

— Все нормально! — Я взяла его за руку и потянула к дому. Я знала, что ему не хочется здесь находиться. Скорее всего, приехать его заставила мама, но я все равно была ему рада.

Папа с тетей Бетт стояли возле баскетбольной корзины и пили кофе. Завидев нас с Ривом, они сразу же начали действовать. Тетя Бетт включила магнитофон, и воздух наполнила цирковая музыка. Папа схватил игровые талоны и оторвал для Рива длинную полосу.

— Так, значит, никто не пришел? — поинтересовался Рив.

Я ничего не ответила и вместо этого повела его к столу с едой.

— Ты голоден? У нас есть хот-доги, сладкая вата, попкорн. Угощайся.

— Думаю, я выберу хот-дог, — вздохнув, произнес он.

Я приготовила ему одну порцию.

— Тебе с кетчупом или горчицей? — спросила я у Рива.

— С кетчупом.

К этому времени вернулась мама. Одна. Она хмурилась, но при виде Рива ее лицо просветлело.

— Рив, я так рада, что ты смог прийти! — воскликнула она.

— Гм, мне кажется, я слышал по радио, что на материке идет дождь. Наверное, все ребята решили, что вечеринки не будет, — покраснев, ответил он.

Я с благодарностью посмотрела на него.

— Да, должно быть, так и есть, мам.

Я перевела взгляд на коробочку в его руке. Я обратила на нее внимание еще в ту секунду, когда он вышел из машины. Маленькая белая коробочка, перевязанная розовой лентой. Наверное, для меня.

— Вот, — сказал Рив, протягивая ее мне. — С днем рождения.

Сгорая от нетерпения, я начала открывать ее прямо перед ним. Рив наблюдал за мной, заглядывая через плечо, вместо того чтобы есть хот-дог.

В подарок он купил цепочку с подвеской из эмали в виде маргаритки с желтой сердцевинкой и белыми лепестками. Это была самая красивая вещь на свете. Я с трудом надела ее, потому что у меня очень сильно тряслись руки. Мама помогла мне с застежкой.

— Ну как тебе? — нервничая, поинтересовался Рив.

— Превосходно, — ответила я ему.

* * *

Несмотря на случившееся после, в тот день Рив был очень добр ко мне. В день, когда я нуждалась в нем больше всего, он был мне другом.

Даже спустя годы цепочка оставалась все такой же блестящей, ни капельки не потускнев. И надев ее, я снова почувствовала себя счастливой. Как и в свой двенадцатый день рождения, когда Рив мне ее подарил.

ЛИЛИЯ

Мы с Ренни у меня дома собираемся на танцы. Это традиция. Мама всегда разрешает нам занять их с папой спальню. Когда она помогала проектировать наш дом, то не забыла обеспечить себя огромной ванной комнатой и гардеробной с трехсторонним зеркалом. А еще попросила электрика установить разные лампы освещения — дневные, офисные и ночные, — чтобы быть уверенной, что волосы и макияж выглядят идеально.

У мамы бесчисленное количество потрясающей одежды: «Шанель», «Диор», винтажный «Хальстон». Платья в пол без бретелек, шелковые блузки, завязывающиеся на шее, твидовые костюмы. Конечно, ничего подобного я не надену в школу, но мама говорит, что, как только мне исполнится двадцать, она начнет закрывать дверь на замок.

В комнате довольно душно из-за работающих фенов и флоек, поэтому я открываю стеклянную дверь на балкон. Мама и мисс Хольц сидят внизу на веранде: пьют белое вино и наблюдают за тем, как розовеет солнце на закате. Мисс Хольц прикуривает сигарету. У нас нет пепельниц, поэтому мама вытаскивает свечу из подсвечника, который она привезла из Италии, и отдает его мисс Хольц. Они с мамой приятельствуют, но я бы не назвала их подругами.

— Лилия! — зовет меня из ванной Надя. — Можешь накрасить мне глаза, пожалуйста?

Сестра нервничает, потому что ее пригласил на свидание десятиклассник по имени Джеймс Мельник. Он невысокий, но довольно милый. Я спросила о нем Алекса, потому что тот знает его по футболу, и выяснила, что он хороший парень. Но я все равно буду за ним приглядывать.

Я прошу Надю сесть на столешницу. А потом рисую ей черные стрелки, как у меня, только линию делаю тоньше, ведь она всего лишь в девятом классе. На веки наношу лиловые тени, потому что у нее светлое, практически серебристо-фиолетовое платье. Такое ощущение, что оно сделано из ленты, которую обмотали вокруг нее, как бинт.

— А что с помадой? — интересуется сестра, когда я наношу ей на скулы немного румян.

— Нанеси просто блеск, — отвечаю я. Надя обижается. — Помада будет смотреться слишком ярко, — раздраженно добавляю я.

Она смотрит на мое лицо.

— А что насчет той, которая на тебе?

Себе я купила бледно-розовую помаду специально под платье.

— Слишком ярко, — повторяю я.

— Надя, Лил права, — доносится из гардеробной голос Ренни. — Ты ведь не хочешь выглядеть как проститутка.

— Ладно, — все еще сомневаясь, вздыхает Надя и исчезает в своей спальне.

Я в последний раз осматриваю свою прическу. Я зачесала волосы на бок и сделала низкий пучок. Несколько прядей держатся плохо, поэтому я вставляю еще пару шпилек, а потом закрепляю все лаком. Та самая розовая помада, розовые щеки и черная подводка. Бледный девичий макияж, подчеркивающий черный цвет моего платья и подходящий к туфлям на шпильках светлейшего розового оттенка, которые я разносила дома с толстыми носками с тех пор, как купила.

Ренни вертится перед трехсторонним зеркалом. В платье с блестками, к которому

надела мерцающий браслет, одолженный моей мамой, и с красной помадой она выглядит отлично. Ренни еще не уложила волосы. Она собирает их на макушке, а потом отпускает, и они рассыпаются по плечам.

— Рен, нам пора идти, — говорю я. Все встречаются дома у Эшлин, чтобы пофотографироваться.

— Черт, не могу решить, поднять мне волосы или оставить распущенными, — нервничая, отвечает она, а потом обмахивает руками подмышки. — Помоги мне, Лил. Как думаешь, что понравится Риву больше?

— Иди сюда.

Ренни опускается в одно из маминых мягких кресел. Я встаю за ней и завиваю концы волос большой насадкой для плойки. Мне хочется расспросить ее о том, чем они с Ривом занимались у Эш дома после моего ухода, но я этого не делаю. И просто закалываю невидимками ее волосы по бокам.

— Мило.

Ренни поднимается и рассматривает себя в зеркале. Я стою за ней и тоже люблюсь. Думаю, прическа отлично смотрится с платьем и придает ее образу некую мягкость, которая немного сглаживает сияние и блеск. На мгновение мне кажется, что ей не нравится то, что я сделала. Но потом понимаю, что она даже не смотрит на себя. Ренни смотрит на меня, на мое отражение за ее спиной.

— Лил? — произносит она, разворачиваясь.

— Что? — нервно отвечаю я.

Ренни наклоняется и крепко меня обнимает. После чего отстраняется и, глядя мне в глаза, говорит:

— У меня такое чувство, что вся моя жизнь прошла бы иначе, не стань мы подругами. — В ее глазах блестят слезы.

— Рен. — Я сглатываю ком в горле, зная, что должно произойти с ней сегодня вечером. Но убеждаю себя, что после того, как все закончится, она станет лучше. Что все будет, как у нас с Алексом. Что нам всем это пойдет на пользу.

Раздается звонок в дверь. Надя кричит, чтобы я спустилась. Похватав туфли и клатчи, мы с Ренни идем посмотреть, что случилось. Надя получает от курьера посылку, а мама в это время расписывается за нее в планшете.

— Хм-м, — протягивает она, а потом поворачивается и хитро улыбается мисс Хольц, — что бы это могло быть?

Мисс Хольц улыбается ей в ответ, но улыбка не касается ее глаз.

Я достаю из крошечного белого конверта карточку.

«Для моих девочек, желаю вам хорошо повеселиться сегодня. С любовью, папа».

Надя набрасывается на коробку. Клянусь, когда дело касается подарков, она ведет себя как животное.

— Папочка прислал нам бутоньерки! — кричит сестра, надевая свою на запястье. Это фиолетовая орхидея, которая идеально подходит к ее платью.

Ренни заглядывает мне за плечо, когда я вытаскиваю из коробки свою бутоньерку и надеваю ее на запястье. Это бледно-розовая орхидея.

— Какая красота, Лил, — тихо произносит подруга. Я вижу, что она завидует.

Я поворачиваюсь и вдруг замечаю, что Надя открывает мой клатч. Резко бросаюсь к ней и кричу:

— Не смей рыться в моем клатче!

У Нади отвисает челюсть. Я выхватываю клатч у нее из рук.

— Я же сказала, НИКАКОЙ ПОМАДЫ! — У меня трясутся руки.

— П-прости, — отшатнувшись, отвечает сестра.

Ренни насмешливо смотрит на меня.

— Успокойся, Лил.

Мама фотографирует нас с сестрой и отправляет снимок папе по электронной почте. Затем приходит Надин кавалер, чтобы отвести ее домой к подруге. Он тоже принес ей бутоньерку, и теперь у нее по одной на каждом запястье. Конечно же, мама заставляет эту парочку попозировать вместе на лестнице. Надя берет своего парня под руку и улыбается. На каблуках она с ним одного роста.

После их ухода мама с мисс Хольц отвозят нас к Эшлин на маминой машине. Взятый на прокат лимузин уже припаркован возле дома.

Пи Джей, Рив и Алекс стоят, переминаясь с ноги на ногу, и передают по кругу бутылку из-под воды, в которую Пи Джей налил водку. Все они в костюмах. На Риве тот же, что был на прошлых балах. Это видно по тому, что пиджак мал ему в плечах, да и цвет все тот же — угольно-серый. Пи Джей напялил на себя странные пластиковые очки. Он убеждает всех, что они классные, хотя купил их всего за \$5,99 в «Бичкомберс». Алекс — единственный, кому удобно в костюме: черный пиджак, серый галстук и блестящие начищенные туфли. Алекс частенько ходит с семьей на официальные приемы. Я это точно знаю, потому что его мама постоянно пытается затащить туда мою.

Мама Рива помогает Ренни надеть бутоньерку. Это ярко-розовая роза с гипсофилой. Ренни чуть не сошла с ума от радости, когда Рив преподнес ее. Она подпрыгнула и поцеловала его в щеку. Но навряд ли он ходил в цветочный магазин и выбирал ее с мыслями о том, что «вот эта роза подойдет к туфлям Ренни». Скорее всего, бутоньерку покупала его мама.

Эшлин тоже прекрасно выглядит в своем платье — коротком, с завышенной талией и расклешенной юбкой из кремового шелка, благодаря которому ее кожа выглядит загорелой. Волосы она скрутила и заколола шпильками, выпустив несколько небольших прядей, а на ноги обула светло-золотистые босоножки.

Эшлин станет прекрасной королевой бала. И я надеюсь, что Рив не испортит этот момент. Кэт сказала, что ему хватит пары больших капель экстази, но я, наверное, добавлю одну. Не хочу, чтобы его вырвало на Эшлин.

Мама Эшлин просит нас выстроиться на ступеньках перед домом. Я оказываюсь рядом с Ривом. Он мельком смотрит на меня, а потом уходит в противоположный конец и обнимает Ренни. Всем приходится подвинуться, чтобы освободить ему место.

Мы фотографируемся несколько раз, а потом Ренни выкрикивает:

— Теперь парочки!

Я спускаюсь с лестницы. Ренни с Ривом прижимаются друг к другу, он обнимает ее за талию и что-то шепчет на ухо, от чего она запрокидывает голову и смеется.

Неожиданно ко мне с камерой подскакивает миссис Линд.

— Лилия! Встань рядом с Алексом.

Я поворачиваюсь к Алексу, и тот краснеет.

— Мам, мы идем не вместе.

Миссис Линд поднимает камеру к лицу.

— Я знаю, но вы так хорошо смотрите вместе. Правда, Грейс?

Моя мама согласно кивает.

— Пришли мне этот снимок, Селеста.

— Обязательно, — отвечает та, показывая рукой, чтобы мы встали рядом.

Алекс подходит ко мне, и мы улыбаемся в камеру.

— Немного ближе, — просит миссис Линд. — Алекс, обними ее.

Алекс вздыхает и обнимает меня со словами:

— Быстрее, мам. Нам уже пора. — Он надушился. Обычно Алекс этого не делает. От него приятно пахнет парфюмом с лавандовыми и древесными нотками.

Миссис Линд начинает нас щелкать. У меня от улыбки подрагивают губы. Как бы мне хотелось, чтобы мы уже были на танцах и моя роль во всем этом закончилась.

КЭТ

Я стою в сторонке, возле столов и стульев, и наблюдаю за тем, как Лилия у стойки с напитками разливает пунш по двум стаканам. Вот она засовывает руку в черный клатч, подкрашивает губы и мимоходом наклоняет пузырек над одним из стаканов. Все происходит так гладко и быстро, что даже я бы ничего не заметила, не следи за ней как ястреб.

Лилия возвращается к своему столику, делая вид, что ищет Ренни, которая сейчас в туалете.

— Где твоя девушка? — спрашивает она сидящего в одиночестве Рива. — Она попросила принести ей пунш.

— Ренни не моя девушка, — опешив, отвечает он.

— А вот она так не считает. Тебе не стоит вводить людей в заблуждение.

— Уж кто бы говорил. — Я вижу, как Рив оценивающе смотрит на Лилию, а потом отводит взгляд. — Ренни — мой близкий друг. И ничего более.

— Алекс и Пи Джей — тоже твои близкие друзья. Ты и с ними целуешься? — Она все еще держит оба стакана, зажав под мышкой клатч. По плану Лилия должна просто предложить ему пунш. Не знаю, почему она до сих пор с ним разговаривает.

— Мы играли в бутылочку.

— Я говорила не о бутылочке. И не о том вечере в «Бабочке». А о прошлой ночи.

— А тебе-то какое дело? — с ухмылкой интересуется Рив.

— Она моя лучшая подруга, — машинально отвечает Лилия.

Как жаль, что она не смотрит на меня, я бы тогда дала ей знак закрутиться. Разговор затягивается, и я уже начинаю переживать, что Лилия струсила. Не хочется признавать, но какая-то часть меня вздохнет с облегчением. Крошечная часть. Я давно знаю Рива. Все на острове Джар в курсе, как сильно он хочет получить футбольную стипендию. И уехать с острова. Так же как и я.

Затаив дыхание, я жду дальнейших действий Лилии. В эту минуту в зал входит Мэри. Она прекрасно выглядит в длинном розовом платье и с уложенными волнами волосами.

Судя по всему, Лилия тоже ее замечает, потому что наконец протягивает стакан Риву и говорит:

— За тебя! Желаю удачи стать королем бала.

Рив выглядит удивленным и, наверное, даже польщенным. Он берет стакан, чокается и залпом выпивает пунш, после чего, облизывая губы, произносит:

— И тебе удачи, Чо.

Я поворачиваюсь в надежде, что Мэри тоже это видела. И она мне подмигивает.

Лилия ничего не отвечает Риву и просто нервно делает глоток своего пунша.

Теперь, когда дело сделано, я выхожу из спортзала и направляюсь в женский туалет, чтобы пописать. Я уже выпила где-то три стакана пунша.

В туалете я натываюсь на Ренни, которая стоит перед зеркалом в едва прикрывающем зад нелепом серебристом платье с блестками. Она любуется собой, поджимая губы и широко распахивая глаза. Я тысячу раз видела, как она это делает. На секунду меня охватывает ностальгия: мы стоим в моей комнате, смешиваем блеск для губ, чтобы получить идеальный оттенок красного, и пытаемся понять, как выщипывать брови.

Она ловит мой взгляд в зеркале, и видение рассеивается.

— Ух ты, — щебечет Ренни. — Не могу поверить, что ты пришла. Одна.

— Ну, это же выпускной год, — отвечаю я и замолкаю.

Ренни бросает на меня странный взгляд и выходит. Может, она ожидала еще одной стычки? Или возмездия? Не переживай, Ренни. Оно вот-вот наступит. Пощечина, которая затмит все пощечины в мире.

* * *

Я наливаю себе еще стакан пунша — черт возьми, он такой вкусный! — как вдруг мне на плечо опускается чья-то рука. Я поворачиваюсь, полагая, что это Мэри. Но нет. Это Алекс, в черном костюме. Должна признать, выглядит он сексуально.

— Привет, — говорю я.

Алекс прикидывается удивленным.

— Ты меня помнишь? Алекса Линда? Парня, с которым не разговаривала с начала учебного года?

У меня не получается сдержать улыбку.

— Я была занята.

— Удивлен, что ты сегодня здесь, — смеется он.

— Как я могла пропустить *бал*? — насмешливо произношу я. — Это же самое большое событие в нашей жизни. — Я говорю это с иронией, но на самом деле рада быть здесь. Потому что я скучала по Алексу. Больше, чем готова признать. И мне хорошо от того, что мы снова разговариваем, как в старые добрые времена.

— Хорошо выглядишь, Кэт, — улыбается Алекс.

— Да, я знаю, — тепло улыбаясь ему в ответ, говорю я.

На мне черное обтягивающее платье из стрейчевого материала, черные ботильоны и жирная подводка на глазах. Когда папа увидел, как я выхожу в таком виде из дома, то воскликнул: «Кэтрин, ты собираешься в байкерский клуб?» Как будто на острове Джар вообще есть такие клубы.

— А как я тебе? — шутя, спрашивает Алекс, но я вижу, что ему не все равно. — Как я выгляжу?

— Неплохо, — отвечаю я. А когда улыбка на его лице гаснет, добавляю: — Ты выглядишь замечательно.

— Кэт, хочу, чтобы ты знала: я не обижаюсь.

Что?

Он потирает затылок.

— Этим летом мы отлично провели время... и той ночью на яхте. Но я понимаю. У тебя не было чувств. Да и у нас все равно ничего бы не вышло, верно?

— Верно.

Я потрясена. Я отдалилась от Алекса только потому, что думала, будто ему нравится Надя. Моя гордость не позволяла мне это принять. А теперь, когда я знаю, что все было не так, что Алекс и Надя никогда не были вместе, то думаю, что у нас могло бы что-то получиться.

Алекс возвращается к своему столику, за которым сидит Лилия и остальные его друзья. У меня от боли скручивает живот, но я убеждаю себя, что просто голодна.

К стойке подходит Мэри. Она не смотрит на меня, просто разглядывает еду.

— Мэри, съешь «Дорито», — тихо говорю я. — Или капкейк.

Она вскидывает голову.

— Я слишком нервничаю, чтобы есть. — Я вижу, как она взглядом ищет Рива. — Оно ведь скоро должно подействовать?

Я внимательно разглядываю Мэри: у нее тонкие запястья и из-под платья выпирает ключица. Похоже, она почти ничего не ест. Должно быть, в этом тоже вина Рива. Да пошел он к черту со своей футбольной стипендией!

— Не переживай, — отвечаю я, прикрывая рот чипсами, чтобы никто не видел, как мы разговариваем. — Должно подействовать с минуты на минуту. Нам остается только расслабиться и наблюдать.

Мэри кивает и выдавливает улыбку.

— Я буду скучать по нашим тайным ночным встречам.

— Ты издеваешься? Я постоянно засыпала на первом уроке. Нельзя, чтобы мой средний балл упал еще ниже. — Если я хочу поступить в Оберлин в следующем году.

— Надеюсь, мы останемся подругами. — Мэри часто моргает. — Вы — это все, что у меня здесь есть.

Я не знаю, что ответить, потому что сама ни в чем не уверена. Да, сейчас у нас с Лирией хорошие отношения, но не настолько, чтобы с завтрашнего утра я начала носить подвеску дружбы. Однако Мэри смотрит на меня таким умоляющим взглядом, что мне не хочется ее разочаровывать.

— Мэри, давай не будем сегодня об этом думать. И просто насладимся шоу. Ты ведь так долго этого ждала. — Мне приходится произнести эти слова громче, чем хотелось бы, потому что неожиданно раздаются аплодисменты. Я встаю на цыпочки и смотрю на танцпол. Все танцующие встают в круг.

— Иди за мной, — усмехнувшись, говорю я Мэри и веду ее в центр зала, прямо к толпе, которая собралась вокруг Рива.

Все хлопают в ладоши и расступаются, освобождая ему место. Рив покраснелся и вспотел, поэтому расстегнул верхние пуговицы рубашки и ослабил галстук. Он отплясывает на танцполе как идиот. Не знаю, то ли это экстази, то ли типичный Рив.

Мы с Мэри обмениваемся взглядами.

Когда он начинает исполнять брейк-данс, я понимаю, что дело в экстази. Потому что выходит у него ужасно. Я заливаюсь смехом. И уже хохочу во весь голос, когда замечаю, что Ренни, сексуально извиваясь, пытается подобраться к нему, но у нее ничего не получается, потому что Рив двигается слишком быстро и резко. В один момент он чуть не ударяет ее по лицу. Ренни берет Рива за галстук и тянет к себе, но он снимает его и цепляет на голову. Так со свисающим галстуком он приближается к миссис Дамфи, учительнице по химии, которой, наверное, лет сто, и хватается за руку. Она пытается увернуться, но он укладывает ее руки себе на шею и подпрыгивает. Старая карга ничего не имеет против. Наверное, она уже лет тридцать не участвовала ни в чем подобном.

Диджей начинает бросать в толпу реквизит: боа из перьев, пляжные мячи и все в таком роде. Рив подбегает к диджейской стойке, хватается парочку маракас и, трясая ими над головой, начинает скакать по танцполу, как лошадь, выигравшая скачки. Он так рьяно ими размахивает, что мне кажется, будто они сейчас треснут и все семена разлетятся по полу.

Друзья Рива — Алекс, Пи Джей и остальные парни — сгибаются пополам от хохота. Но когда я бросаю взгляд на Мэри, то замечаю, что она расстроена.

— Он выставляет себя таким дураком, — с грустью говорит она.

Кажется, я чего-то не знаю.

— Когда его уже остановят? Может, стоит позвать сеньора Тремонта?

Но в этот момент музыка замолкает и включается свет. На сцене стоит тренер Кристи в красном платье. Странно видеть ее нарядной. Обычно она носит спортивные шорты и козырек.

— Не могли бы претенденты на звание короля и королевы бала острова Джар подняться на сцену? — произносит она в микрофон.

Ребята выстраиваются позади нее. Ренни цепляется за Рива так, будто едва может устоять на своих пятидюймовых шпильках. Судя по ее улыбке а-ля «кошка, которая съела канарейку», она думает, что корона у нее в кармане. Она снимает галстук с головы Рива и вешает его обратно на шею. Конечно же, ей хочется, чтобы они выглядели идеально, когда их объявят королем и королевой.

Я расправляю плечи. Вот он — *мой* момент. И лучше им насладиться.

Тренер Кристи представляет присутствующих на сцене, а потом триумфально открывает кремовый конверт, который держит в руке.

— Королем бала острова Джар становится... Рив Табатски!

Все кричат, хлопают и топают ногами, как будто это какой-то большой сюрприз. Тренер Кристи надевает ему на голову корону, и Рив начинает танцевать и махать руками, словно держит в них святящиеся палочки. А потом так крепко обнимает тренера, что отрывает ее от пола. Она высвобождается из его рук и с испуганным видом разглаживает платье, после чего быстро произносит:

— А твоей королевой становится... Лилия Чо!

Вот черт!

Я не хочу смотреть на Мэри, только не после того, как сказала ей, что все круто и что у Эшлин достаточно голосов для победы. Честно говоря, мне даже в голову не пришло подсчитать бюллетени за Лилию. Да, мне они попадались, но она сказала, что за нее голосов будет немного, вот я и не принимала их во внимание. Блин.

Может, сойдет и так. Ренни проиграла, а Рив под кайфом. Все еще может получиться.

У стоящей на сцене Ренни отвисает челюсть. Она настолько поражена, что не в состоянии злиться. Будто думает, что это какая-то ошибка. А бедная Лилия смотрит на толпу, как испуганный олененок, когда тренер Кристи водружает на ее голову корону.

Рив подбегает к Лилии, хватая ее на руки и практически подбрасывает в воздух.

— Черт, — шепчу я.

ЛИЛИЯ

На этом месте должна быть не я. Все должно было быть по-другому.

Эшлин хлопает. Она не выглядит разочарованной — наверное, потому что никогда и не думала, что может выиграть. Ренни стоит рядом с ней с пустым и грустным выражением лица. Надя подбегает к краю сцены и подпрыгивает на месте, аплодируя и выкрикивая мое имя. Трясущейся рукой я дотрагиваюсь до короны.

Внезапно Рив подхватывает меня и начинает кружиться, словно мы фигуристы. Я отталкиваю его и кричу, чтобы он меня отпустил, но все хлопают и так громко орут, что он, скорее всего, моих слов даже не слышит.

Остальные претенденты спускаются со сцены, Ренни уходит последней. Остаемся только мы с Ривом. Я высматриваю в толпе Кэт и Мэри, чтобы понять, что происходит, но тут кто-то приглушает свет и начинает играть музыка. Медленный танец.

Рив слишком близко притягивает меня к себе. Я отталкиваю его, чтобы между нами оставалось расстояние, но он лишь крепче прижимает меня. Я поднимаю на него взгляд — у него полностью расширены зрачки, по лицу течет пот.

— Я голосовал за тебя, — произносит Рив.

Мне кажется, что я неправильно его расслышала, потому что он не похож сам на себя. У него какой-то далекий и мечтательный голос.

— Почему ты так жестока ко мне, Чо?

— Это неправда, — отвечаю я.

Он протягивает руку и касается моих волос, но я отворачиваю голову.

— У тебя такие мягкие волосы. Очень, очень мягкие. Черт. Не думаю, что мне можно такое говорить.

Рив разворачивает меня лицом к толпе, и я замечаю Алекса, который, стиснув челюсти, пристально наблюдает за нами снизу.

Рив продолжает кружить меня все быстрее и быстрее. И в какой-то момент я выцепляю в толпе Мэри. Она стоит, обхватив себя руками, и покусывает губу.

— У меня так сильно колотится сердце, — тяжело дыша, произносит Рив. В его голосе больше не слышно веселья. Несмотря на улыбку, он говорит хрипло и с трудом.

У него бешено стучит сердце, настолько, что я практически его слышу. И чувствую через пиджак.

Я отстраняюсь от Рива. У него мутный и рассеянный взгляд. Он пугает меня. Мне кажется, Рив даже не понимает, кто он и уж тем более, с кем. Он держит меня так крепко, что мне тяжело дышать. У меня кружится голова. На этот раз я могу по-настоящему упасть в обморок.

— Ты как-то расплываешься, — бурчит Рив, ошупывая мое лицо.

— Рив, прекрати.

— Недавно... ты интересовалась обо мне и Рен. А теперь я хочу спросить кое о чем тебя. Что между тобой и Линди? Кто вы друг другу?

— Мы друзья, — отвечаю я, тяжело сглатывая. — И только.

Я ожидаю, что он скажет что-нибудь жестокое, как это обычно бывает, когда дело касается меня и Алекса. Но в этот раз все иначе. В этот раз Рив дрожащими пальцами приподнимает мой подбородок. И, приоткрыв рот, целует меня влажными и теплыми губами.

Я пытаюсь оттолкнуть его, но он рукой давит мне на шею, прижимая к себе.

В эту минуту я могу думать только о Ренни.

Она меня убьет.

Я со всей силы отпихиваю от себя Рива, и он, пошатываясь, отступает на несколько шагов. Мне даже становится страшно, что он может упасть со сцены. Диджей приглушает музыку, и все присутствующие в зале замолкают. Рив мотает головой, будто пытаюсь совладать с собой. А потом снова идет ко мне, но руки и ноги его не слушаются.

— О нет, — неожиданно стонет он. После чего поворачивается и взглядом ищет кого-то в толпе, подступая все ближе к краю сцены. — Прости, — говорит он, прикрывая ладонью глаза от яркого света. — Прости, Алекс.

Внезапно Рив замирает. И с его лица уходит вся краска.

— Биг Изи, — шепчет он.

МЭРИ

Биг Изи. Биг Изи. Биг Изи. Неважно, насколько привлекательно я сегодня выгляжу. Можно накрасить свинью помадой, но она все равно останется свиньей. Я — Биг Изи.

И останусь ей навсегда.

Я все в том же платье, но теперь ощущаю себя по-другому. Словно на мне промокшие насквозь джинсы и грязная, вся в камушках гравия футболка. Я тру ладони и руки. Они выглядят нормально, но кожа кажется натянутой, будто я раздулась до веса, в котором была в двенадцать лет.

Внезапно все прожектора в зале устремляются ко мне, я будто спичка рядом с сотнями маленьких ручейков бензина. Троньте меня, и я сожгу вас заживо. Гудение обжигающего потока заглушает шепот. Надо мной горит свет, к стойке диджея тянутся удлинители, вокруг меня бьются сердца людей — все замыкается на мне. Я — магнит. Трясущимися руками я убираю с лица волосы. Каждая прядь — это провод под напряжением.

Он смотрит на меня ошеломленно и неверяще. С отвращением. Я закрываю глаза, но все равно слишком ярко. Внутри меня полыхает раскаленное до бела пламя. Ему некуда деваться — только наружу.

Когда я открываю глаза, все вспыхивает.

ЛИЛИЯ

В зале одновременно перегорает каждая лампочка, и на какое-то время все погружается в темноту. Потом с потолка начинают сыпаться крошечные кусочки стекла и, как фейерверки, вспыхивать желтые искры. Диджейская акустическая система издает писк, будто из-за помех. Все кричат и несутся в укрытие. Произошло короткое замыкание.

— Лилия!

Алекс пробивается сквозь толпу к краю сцены. Он пытается добраться до меня.

Я уже подбираюсь к лестнице, когда вспоминаю о Риве. Тот стоит на краю сцены и оглядывается. У него дрожит все тело.

Я возвращаюсь к нему.

— Живее! Нужно убираться отсюда! — Я хватаю его за лацканы пиджака и пытаюсь утянуть от края. Но, несмотря на то, что я стою прямо перед ним, он меня не видит. Рив ушел в себя. Я вижу это по его пустому и рассеянному взгляду. Он вырывается.

И тогда я понимаю. У него припадок.

Его трясет все сильнее и сильнее, и я уже не могу его удерживать.

— Прекрати! — кричу я, падая на колени.

Рив срывается со сцены и улетает вниз. Его тело, как у сломанной куклы, лежит на полу, а нога вывернута под неестественным углом. Он не двигается. И даже не моргает.

Вдруг кто-то кричит громче всех остальных. Настолько громко, что это единственный звук, который я слышу.

КЭТ

Сначала я не понимаю, что это за звук. Он настолько громкий и пронзительный, что мне приходится заткнуть уши. Но даже тогда я продолжаю его слышать. Он словно навсегда застрял в ушах.

А потом до меня доходит. Мэри. Это до боли громко кричит наша спокойная, стеснительная Мэри. Я разворачиваюсь, пытаюсь найти ее. Но в зале слишком темно. И слишком людно.

Все происходящее похоже на ад. Девчонки пронзительно визжат, парни кричат, а учителя умоляют нас сохранять спокойствие и продвигаться к ближайшему выходу. Тяжело дыша и активно работая локтями, я пытаюсь пробиться сквозь толпу к дверям. Под ногами хрустят осколки стекла. В помещении пахнет горелым, а из разбитых лампочек сыплются искры.

Перед выходом я разворачиваюсь и вижу Лилию, которая стоит на коленях на краю сцены и смотрит вниз.

— Позвоните в 911! — не переставая, кричит она.

Наконец мне удается выбраться наружу и вдохнуть свежего воздуха, холодного и колкого. Ученики, которые вышли передо мной, обнимают друг друга и кому-то звонят. Совсем рядом звучит сирена скорой помощи.

И тогда я ощущаю покалывание на лбу, прямо на линии роста волос. Я аккуратно касаюсь этого места и чувствую что-то теплое и влажное. Подушечки пальцев окрашиваются в красный. Разлетевшиеся осколки стекла. Теперь не только Рив, но и другие люди могут пострадать. И очень сильно.

Лилия, похоже, в порядке, но я так и не нашла Мэри. У меня перехватывает дыхание, когда я понимаю, что она, возможно, застряла в зале.

Черт.

— Мэри! — кричу я, пытаюсь вернуться. — Мэри!

Но сеньор Тремонт, протянув руку, останавливает меня.

— Туда нельзя возвращаться, Кэт.

— Но там осталась моя подруга!

Он отворачивается и продолжает управлять движением учеников, объясняя, что им нужно уходить подальше от здания. В нескольких шагах от меня хромающая тренер Кристи проверяет, кто из ребят пострадал.

С воем и мигалками прибывает машина скорой помощи. Бригада устремляется в здание и несколько минут спустя выносит на носилках Рива.

Но он не двигается.

Девочки, которые едва с ним знакомы, рыдают. Но я-то его знаю. Знаю, что у Рива аллергия на моллюсков и что у него шрам на левом плече после того, как братья вытолкнули его из домика на дереве. Знаю, что он целую неделю плакал, когда его кошку переехала машина. Я его знаю, и именно я во всем виновата. Это я запустила процесс.

Ренни пробирается сквозь толпу. Она в истерике пытается забраться следом за ним в скорую, но ей не разрешают. Тогда Ренни плюхается на тротуар и плачет.

Рив очень сильно упал.

Я даже не могу об этом думать. Мы дали ему экстази, а не что-то серьезное. Ради всего

святого, это обычный наркотик для вечеринок. Что, черт возьми, с ним произошло? Что, черт возьми, случилось в зале?

Понятия не имею, где сейчас Лилия и Мэри и стоит ли их дожидаться. И тогда вижу ее. Лилию. Алекс ведет ее через толпу, и они крепко держатся за руки.

Я моргаю.

Заметив на земле Ренни, Лилия отпускает ладонь Алекса, подбегает к ней и помогает подняться. Они обнимают друг друга и плачут. Алекс разговаривает с кем-то по телефону.

Машина скорой помощи срывается с места и снова раздается вой сирены. Некоторые ученики сбиваются в группы, а футболисты начинают действовать. Они запрыгивают в машины и следуют за скорой помощью.

На развязку перед школой заезжает лимузин. Алекс быстро беседует с водителем, высунувшим голову из окна, а потом машет девочкам, и те подбегают к нему. К ним уже присоединилась Эшлин, которая держит за руку Надю. Они забираются внутрь, и лимузин трогается с места.

Я разворачиваюсь к школе и вижу Мэри. Она вываливается из дверей белая, как мел.

— Мэри! — кричу я. Она поворачивается, но не видит меня. — Мэри!

МЭРИ

Перед глазами все кружится. Как будто я сижу на быстро вращающейся карусели. Слишком много людей и шума. Все размыто. Я иду без цели и направления, просто следую за толпой. Я словно нахожусь в трансе. Мне приходится остановиться и прислониться к зданию.

В этот миг передо мной возникает Кэт и все замирает.

Я гляжу на струйку крови, стекающую по ее лицу. Я причинила вред и ей.

— Ты в порядке, Мэри?

Меня начинает трясти.

Можно сколько угодно списывать определенные вещи на совпадение, но в конце концов приходится посмотреть правде в глаза. В тот день не ветер захлопнул дверцы шкафчиков. И не ошибка заставила Ренни упасть с верхушки пирамиды. Ну а сегодня... взрывающиеся лампочки, скачок напряжения.

Дело во мне.

— Пошли отсюда, — настаивает Кэт.

Она тянется к моей руке, но я отступаю. Нет. Я не уйду. Я никуда не пойду, пока не узнаю, в порядке ли Рив. Кэт начинает терять терпение.

— Мэри. Нам нужно уходить. СЕЙЧАС ЖЕ!

— Это моя вина, Кэт. Я это сделала.

— Заткнись, Мэри. Это была случайность. У Рива, наверное, на что-то аллергическая реакция.

Я сжимаю губы, пытаюсь сдержать слезы.

— У тебя идет кровь. Я тебя поранила.

Она недоверчиво качает головой.

— Ты серьезно? Мэри, это был *скачок напряжения*. Или что-то в этом роде. Вот и все. Пожалуйста. Умоляю тебя. Давай уйдем отсюда! Нам нужно залечь на дно и связаться с Лилией.

— Я не хотела причинить ему вред. — Произнеся эти слова, я начинаю плакать. И рыдаю так, словно у меня разрывается сердце, потому что так оно и есть. — Он мертв? — срывающимся голосом спрашиваю я. — Мертв? — Не получив ответа, я падаю на колени и прячу лицо в ладонях.

Сегодня Рив может умереть.

И от этой мысли мне тоже хочется умереть.

ЛИЛИЯ

В больничном зале ожидания куча народу. Такое ощущение, что сюда пришли все, кто был на балу. Парни сидят на полу или стоят, прислонившись к стене, а девчонки устроились в креслах и на диванчиках. Я тоже сижу на диване, зажата между Ренни и Алексом. Ренни положила голову на плечо Эш и наконец прекратила плакать. Мне хочется рыдать, но я не могу. Не имею права. Я несу ответственность за произошедшее. Ведь это я подлила экстази ему в стакан.

Когда приезжают родители Рива, я даже не могу посмотреть на них.

— Мистер Табатски плачет, — шепчет мне Эш. А я продолжаю сидеть, опустив голову и уставившись в пол.

На ногах у миссис Табатски домашние тапочки. Ренни вскакивает и достает из клатча салфетки для нее, после чего они долго обнимаются.

— С ним все будет в порядке, — тихо говорит мне сидящий рядом Алекс.

Но меня это не успокаивает. Потому что Алекс не знает наверняка. Никто не знает. Врачи говорят, что состояние у него стабильное, но проводят обследования головного мозга и сердца, чтобы выяснить, что вызвало припадок. Рив точно сломал ногу. Но они пока не знают, поврежден ли позвоночник и сможет ли он когда-нибудь ходить. Рив. Рив — нападающий. Рив, который любит танцевать, дурачиться и плавать, больше не сможет ходить? Это невысказано.

Я молюсь всем святым, чтобы ему не делали тест на наркотики. Знаю, целью сегодняшнего вечера было его исключение из команды. Но что, если кто-то проведет расследование? Что, если они как-то узнают, что за всем этим стоим мы с Кэт и Мэри? Что тогда с нами будет? Как бы мне хотелось сейчас быть с ними.

Когда Алекс встает, чтобы принести мистеру и миссис Табатски кофе, Ренни выпрямляется.

— Лил, что тебе говорил Рив? На сцене?

— Когда? — спрашиваю я, избегая встречаться с ней взглядом.

— Перед тем, как он тебя поцеловал, — ровно отвечает она.

Я чувствую, что краснею.

— Ничего. Я не знаю. Он был какой-то странный.

— Мне со своего места показалось, что ты ответила на поцелуй.

— Нет, это не так! Он практически набросился на меня! — Я понижаю голос. — Рен, он не соображал, что делает. Наверное, выпил гораздо больше, чем все мы.

Ренни кивает.

— Он явно казался не в своем уме, — кусая ноготь, произносит она. — Но ты ведь знаешь, что я к нему чувствую.

— Клянусь, Ренни. Я не целовала его в ответ. Не знаю, что еще ты хочешь от меня услышать.

Ренни закусывает губу и кивает. По ее щекам текут слезы. Она вытирает их, а потом уходит и садится рядом с братьями Рива. Я встаю и иду к аппарату с газировкой. Мне хочется включить телефон, чтобы узнать, как дела у Кэт и Мэри, но в больнице ими запрещено пользоваться. Придется ждать, когда у меня появится возможность ускользнуть.

Что, черт возьми, нам теперь делать?

КЭТ

Мы сидим на причале возле моей лодки. Мэри снова молчит. Она не произнесла ни слова с тех пор, как мне наконец удалось затащить ее в машину. И просто плачет каждые несколько минут. Я сижу рядом с ней и выковыриваю из подошвы разбитое стекло.

Около полуночи мне приходит сообщение. От Лилии.

«Где вы?»

Я пишу, что мы на моей лодке, и прошу ее прийти сюда. Как можно скорее. Я не знаю, что делать с Мэри. Может, у нее нервный срыв? И ее нужно отвезти в больницу? На ней нет ни порезов, ни ран, но меня пугает ее взгляд.

Через двадцать минут на горизонте появляется Лилия. Тяжело дыша, она спешит к причалу. Я встаю.

— Как он?

Лилия начинает рыдать.

— Он в отделении интенсивной терапии. — Она садится и обнимает колени. У нее растрепался пучок на голове. — Почему все так получилось?

Я отвожу взгляд.

— Это моя вина. Я думала, что мы вытащили достаточно бюллетеней.

Мэри вытирает нос рукой, а Лилия безжизненным голосом произносит:

— Это я подлила наркотики Риву. Я забрала титул королевы у Ренни. Именно я стою за всем этим.

— Не переживай, — перебиваю я. — Никто не станет тебя подозревать.

Лилия пристально смотрит на воду.

— Я даже не знаю, что теперь думать. Рив, черт возьми, может оказаться парализованным.

Мэри тихо вскрикивает.

— Он не парализован, — как можно увереннее произношу я. — Поверь мне, Лил.

— Ты не видела его и не знаешь. — Она мотает головой, а по ее щекам текут слезы. — Мне нужно домой. Меня, наверное, ждет мама.

Я уже собираюсь сказать: «Подожди. Разве сначала нам не нужно свести все к единой версии?», но в этот миг Мэри наконец выходит из транса:

— Это я во всем виновата.

Лилия вздыхает и снова качает головой.

— Ты ни в чем не виновата, — вытирая слезы, отвечает она.

Мэри дрожит, сжавшись калачиком.

— Виновата, — не соглашается она, глядя на меня. — Я это знаю.

Я достаю из сумки зажигалку и, прикурив сигарету, делаю глубокую затяжку.

— Мы все виноваты, — говорю я и делаю еще одну затяжку, позволяя дыму наполнить каждую клеточку моего тела. — Я только надеюсь, что нам сойдет это с рук.

Заметки

[←1]

День труда — празднуется в США и Канаде в первый понедельник сентября.

[←2]

Муу-муу — одежда гавайского происхождения свободного покроя, свисающая с плеч.

[←3]

Луау — традиционный гавайский праздник на открытом воздухе. С угощением, музыкой, танцами и пением.

[←4]

Блумеры — гимнастические шорты.

[←5]

Биг Изи — самое распространенное прозвище Нового Орлеана. Происхождение прозвища точно неизвестно, однако, оно подчеркивает свободную атмосферу города, беззаботность и легкость восприятия окружающего мира жителями.

Марди-Гра — праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы, с красочным карнавалом, балами и парадами с участием ряженых и джаз-оркестров, которые проходят по центральным улицам города и привлекают тысячи туристов. Марди-Гра стал своеобразным символом Нового Орлеана. Традицию отмечать этот праздник ввели французские поселенцы.

[←7]

Пацифик — знак V-образной формы, символизирующий мир и дружбу.

Пер. с исп. — На испанском, сеньор Линд. Пожалуйста.

Пер. с исп. — Я... я есть...

[←10]

«Лосиные следы» — мороженое с кусочками шоколада и арахисовой пасты.

[←11]

Лимп [lɪmp] — в переводе с английского «слабак».

[←12]

Кикер — в американском и канадском футболе — специальный игрок, выбивающий мяч во время начальных розыгрышей и при попытках забить гол.